Эр1 715

П. Н. КРАСНОВЪ

НАКАНУНЪ ВОЙНЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ ПОГРАНИЧНАГО ГАРНИЗОНА

ИЗДАНІЕ ГЛАВНАГО ПРАВЛЕНІЯ ЗАРУБЕЖНАГО СОЮЗА
РУССКИХЪ ВОЕННЫХЪ ИНВАЛИДОВЪ

ПАРИЖЪ
1937

30205

CS

1-й экз. с. фонда

Erwerbs-B. Nr. 30205
ЭР1/715

П. Н. Красновъ.

Накануне войны

Изъ жизни пограничнаго гарнизона

1 Bildtaf. Beil.

Heeresbücherei Berlin

Изданіе Главнаго Правленія
Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ

ПАРИЖЪ
1937.

P. N. Krasnov:
[Rūs.] Nakanūně vojny.
[Am Vorabend des Krieges.]

Всѣ права сохранены за авторомъ.
Copyright by the author.
Alle Rechte vorbehalten.
Tous droits réservés.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

834388
Сер 20868

ПОЛКОВНИКЪ П. Н. КРАСНОВЪ

1909. Красное Село

Heeresbücherei
Berlin

ОТЪ АВТОРА

Мнѣ не хотѣлось писать своихъ воспоминаній. Казались они мнѣ только личными и потому — ненужными. Для меня ясно: — прошлое до войны, особенно передъ войной, наканунѣ ея, и въ первые полтора года войны — по сравненію съ настоящимъ — совѣтскимъ, въ Россіи, и эмигрантскимъ, заграницей, въ изгнаніи, — было яркое, красивое, счастливое и побѣдное. То была — Россія и ея Христолюбивое, побѣдоносное воинство, это — четыре буквы съ различнымъ толкованіемъ: — «С. С. С. Р.» и его красная армія безъ души и внутренняго содержанія. Душу въ ней замѣнила «политъ-грамота» — Марксизмъ, Ленинизмъ и Сталинизмъ... И, казалось, что это каждому ясно и понятно.

Но вотъ сталъ читать воспоминанія тамошнихъ военныхъ: — Бабеля — «Кон-Армія», Ракитина — «Записки Кон-армейца», Шолохова — «Тихій Донъ», Хромова — «Дни Донского полка и т. д., и т. д., и увидалъ, что наша старая Императорская Армія показывается совѣтскому читателю, отраженной какъ бы въ изогнутомъ зеркалѣ, изуродованною и невѣрною.

Одни, умышленно, изъ желанія услужить новымъ господамъ, другіе неумышленно, но по крайнему своему невѣжеству рисуютъ нашу старую армію совсѣмъ не такою, какою она была. Появились и въ эмиграціи книги о старой арміи, написанныя неудачниками, пессимистами, людьми, нелюбившими строевого дѣла, книги, гдѣ безотрадно рисуется жизнь въ гарнизонахъ Императорской Арміи.

Мнѣ довелось служить — и долго — въ самыхъ глухихъ углахъ Россійской Имперіи: — въ Джаркентѣ — 1096 верстъ отъ желѣзной дороги, въ Центральной Азіи, на Китайской границѣ, почти три года и въ Замостьѣ, — 60 верстъ отъ желѣзной дороги, на Австрійской границѣ — полъ-года до войны. Маленькіе, глухіе гарнизоны, далекіе отъ начальническаго глаза и, казалось бы, чуждые культуры и просвѣщенія. И тамъ-то увидалъ я, какъ прекрасна была Императорская армія, ея офицеры, казаки и солдаты. И вотъ, читая клевету на Императорскую Армію, я счелъ своимъ долгомъ, не возражать на нее, не спорить съ клеветниками, а фотографически точно изобразить, что я видѣлъ, что я пережилъ и съ кѣмъ я служилъ въ крошечномъ Замостскомъ гарнизонѣ, гдѣ я командовалъ наканунѣ войны 10-мъ Донскимъ казачьимъ генерала Луковкина полкомъ, съ которымъ я имѣлъ высокое счастье выступить и на войну.

Давая характеристики своимъ сослуживцамъ я заглядывалъ иногда впередъ и описывалъ ихъ въ бояхъ съ полкомъ, чтобы показать, какъ эти офицеры вели себя на страшномъ, кровавомъ экзаменѣ войны.

Пусть читатель, прочтя эту книгу, увидитъ, что такое маленькій гарнизонъ Россійской арміи и какъ въ немъ жили и служили, о чемъ думали и чѣмъ болѣли за полгода до великой войны.

П. Н. Красновъ.

1. СЧАСТЬЕ КОМАНДОВАТЬ ПОЛКОМЪ

Какъ-то вечеромъ, уже въ эмиграціи, въ Шуаньи, послѣ обѣда, нынѣ въ Бозѣ почивающій Вел. Кн. Николай Николаевичъ обратился ко мнѣ:

— Знаете-ли, Петръ Николаевичъ, какое самое счастливое время въ жизни человѣка?.. офицера?..

И, не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ:

— Время командованія полкомъ. Командиръ полка — творецъ своего полка. Онъ, какъ художникъ, какъ поэтъ — все доступно его широкимъ замысламъ. Онъ создаетъ свой полкъ и украшаетъ его. Онъ воспитываетъ его и вливаетъ въ него свою душу. Когда вы командуете эскадрономъ — вы связаны командиромъ полка — но, когда вы — командиръ полка... Какъ многое вамъ доступно, какъ много можете вы сдѣлать!..

Великій Князь замолчалъ. Никто не прерывалъ его молчанія. Въ маленькой гостинной было тихо. Великій Князь, казалось, вспоминалъ счастливые годы своего командованія Л. Гв. Гусарскимъ **Его Величества** полкомъ.

Я имѣлъ высокое счастье послѣдовательно командовать двумя полками: — 1-мъ Сибирскимъ казачьимъ Ермака Тимофеевича полкомъ почти три года и 10-мъ Донскимъ казачьимъ Генерала Луковкина полкомъ 18 мѣсяцевъ, изъ нихъ десять мѣсяцевъ во время Великой Войны.

И я въ полной мѣрѣ согласился со словами Вел. Кн. Николая Николаевича. И въ томъ, и въ другомъ полку я испыталъ счастье творчества, счастье работы съ офицерами и казаками, — въ мирѣ — для созданія доблестнаго, краснваго и стройнаго полка, на войнѣ — для созданія съ нимъ побѣды...

А какое счастье можетъ сравниться со счастьемъ побѣды?!

2. МОЕ НАЗНАЧЕНІЕ КОМАНДИРОМЪ 10-ГО ДОНСКОГО КАЗАЧЬЯГО ГЕНЕРАЛА ЛУКОВКИНА ПОЛКА

Приказъ о назначеніи меня командиромъ 10-го Донского казачьяго Генерала Луковкина полка состоялся 15-го окт. 1913-го г. Я узналъ объ этомъ изъ телеграммы, посланной мнѣ моей женой изъ Петербурга и заставшей меня въ г. Вѣрномъ, гдѣ я былъ, возвращаясь изъ отпуска, послѣ лѣченія болѣзни, въ Джаркентъ.

Сдача полка, прощаніе съ горячо полюбившимися мнѣ удивительными Сибирскими казаками, наконецъ, обратный путь — 1096 вер. отъ Джаркента до станціи Кабулъ-Сай, въ самую распутицу, — помню, одинъ перегонъ, всего 8 верстъ, меня везли въ телѣгѣ, запряженной вмѣсто тройки шестью лошадьми, мы тащились 4 часа, дѣлая едва 2 версты въ часъ, лессовая почва обратилась въ жидкій розово-сѣрый кисель, въ которомъ переднія колеса совершенно утопали, а лошади проваливались почти по брюхо, — все это прошло, какъ въ смутномъ снѣ.

Въ концѣ ноября я былъ въ Петербургѣ. Въ день моего пріѣзда хоронили ген. Сахарова. Когда я вышелъ съ перрона на длинный чистый дворъ — противъ Николаевскаго вокзала стоялъ въ строю Л. Гв. Семеновскій полкъ. Я успѣлъ перейти площадь и подняться въ номеръ Сѣверной гостинницы, занятый для меня женой, когда изъ воротъ вокзала тронулось погребальное шествіе. За Л. Гв. Семеновскимъ полкомъ шелъ Л. Гв. Атаманскій Е. И. В. Г. Н. Ц. полкъ — полкъ, въ которомъ я началъ

службу и прослужилъ девятнадцать лѣтъ. Я первый разъ увидѣлъ его на одномастныхъ лошадяхъ и въ новой формѣ — въ киверахъ съ косыми бѣлыми султанами, съ этишкетами, выпушенными изъ подъ голубого погона.

Какая красота! Мучительно сладко сжималось мое сердце, когда медленно, подъ звуки Шопеновскаго марша, въ колоннѣ по шести, проходили Атаманцы черезъ Знаменскую площадь, направляясь на Невскій. Всѣхъ офицеровъ, вахмистровъ, сверхъсрочныхъ урядниковъ и многихъ трубачей я зналъ... «Мои!.. мои!.. родные мои Атаманцы!..».

Петербургъ былъ въ молодомъ бѣломъ снѣгу, небо сѣрое, чуть припархивалъ рѣдкій и мелкій, словно прозрачный снѣжокъ. Длинной, широкой сѣро-голубой лентой уходилъ полкъ, и была въ немъ для меня несказанная красота воспоминаній молодости. Точно показался мнѣ въ послѣдній разъ во всемъ своемъ парадномъ великолѣпіи, на порогѣ новаго этапа моей жизни, гдѣ меня ожидалъ армейскій полкъ, глухая стоянка, словомъ — «маленькій гарнизонъ»...

3. ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Петербургѣ меня задержали. Выходили новые кавалерійскіе уставы, и Нач. Ш-ба Ген.-Инсп. кавалеріи, Ген.М. Дистерло, поручилъ мнѣ просмотрѣть и проработать I-ю часть Строевого казачьяго устава

Я торопился къ своему полку, у меня были дѣла въ Петербургѣ: — я предназначался на должность Помощника Начальника Офицерской Кавалерійской Школы и почти каждый день бывалъ въ Школѣ у ея Начальника, Ген.-Маіора Химеца.

Я вставалъ въ 5 час. утра и въ номерѣ гостинницы, за маленькимъ письменнымъ столомъ, при свѣтѣ лампы, рѣзалъ страницы устава, клеилъ ихъ на листы бумаги, писалъ новые параграфы на смѣну устарѣвшимъ и, дѣлая все это, думалъ о своемъ полку, ожидавшемъ меня въ Замостьѣ.

Съ 8 час. утра начинался хлопотливый день. Поѣздки по начальству, въ Школу, къ роднымъ и близкимъ, ибо всѣ корни мои были Петербургскіе, въ Штабъ Генералъ-Инспектора съ готовыми параграфами устава на утвержденіе и, когда выпадалъ свободный вечеръ, — въ театръ. Я зналъ — въ Замостьѣ нѣтъ ни театровъ, никакихъ развлеченій. То, что называлось — l'armée profonde — глубокая армія.

4. КЪ ПОЛКУ.

Изъ Петербурга въ полкъ надо ѣхать черезъ Варшаву, на Травники, а оттуда 60 верстъ по прекрасному, «стратегическому» шоссе, мощеному особеннымъ кирпичемъ — «на ребро», на лошадяхъ, въ Замостье.

Въ первыхъ числахъ декабря я выѣхалъ, наконецъ, изъ Петербурга. Поѣздъ въ Травники приходилъ въ 8 час. утра.

Петербургъ я оставилъ въ снѣгу и морозѣ, въ его прекрасномъ, зимнемъ, серебряномъ одѣяніи искрящагося инея, — въ Травникахъ — теплая, поздняя польская осень. Зелень озимей, недальній, матерой сосновый боръ и прямыя шоссе — одно поперекъ желѣзной дороги, другое нѣкоторое время вдоль нея — На Красноставъ, Замостье и далѣе, къ Австрійской границѣ, на Томашовъ.

Незадолго до моего назначенія, 10-мъ полкомъ командовалъ мой однополчанинъ — Атаманецъ Плк. Св. Гр. Грековъ, человѣкъ многосемейный и чадолюбивый. Отъ него въ полку осталась прекрасная, большая, удобная коляска на желѣзномъ ходу, — въ ней возили дѣтей по корпусамъ и гимназіямъ. Запряженная четверикомъ въ рядъ сильныхъ и рослыхъ караковыхъ лошадей Войскового Войска Донского Про-

вальскаго завода, эта коляска съ казакомъ на козлахъ, въ полушубкѣ и папахѣ, при башлыкѣ, ожидала меня на станціи.

Погрузился я съ женою въ нее, казакъ натянулъ вожжи, лошади съ мѣста взяли дружной, ровной, крупной рысью, зажурчали по ровному кирпичному настилу колеса, сосновый боръ дохнулъ въ лицо сырой прохладой мховъ, запахомъ гриба и можжевельника. Я смотрѣлъ то на часы, то на верстовые столбы. Колеса гудѣли ровно, въ перебой цокали подковы лошадей по камнямъ, и каждый часъ, точка въ точку, проходило пятнадцать верстъ. Коляска шла, какъ машина. И вотъ уже показались съ лѣвой стороны шоссе высокіе каменные дома Краснослава, широкая панель, фонари — все такое странное среди лѣсовъ и полей.

Лошади сами остановились у дверей прекрасной «Варшавской» цукерни, кондитерской, какая и въ Петербургѣ, на Невскомъ была бы у мѣста. Сквозь громадное зеркальное окно глядѣли тарелки со всевозможными пирожными, булочками, пончками, берлинскими пышками, вѣнскими вафлями, шоколадомъ и конфетами. Здѣсь полагался лошадямъ получасовой отдыхъ, а пассажирамъ чай, кофе или шоколадъ.

И опять гудѣли колеса, сосновый лѣсъ смѣнялся дубовымъ и буковымъ, черныя голыя яблони-кислицы и дикія груши бульваровъ росли по краямъ шоссе, и верстовой столбъ каждые четыре минуты проплывалъ мимо, отсчитывая пройденный путь. Лошади не прибавляли, не убавляли хода, онѣ не вспотѣли и въ утомительномъ однообразіи поблескивали, мелькая въ воздухѣ, ихъ подковы.

Замостье открылось кварталомъ новыхъ, высокихъ, краснокирпичныхъ «инженерныхъ» построекъ — казармъ 66-го пѣх. Бутырскаго и 13-го Донского каз. Генералъ-Фельдмаршала кн. Кутузова Смоленскаго полковъ, стоявшихъ чинными покоями за обширными полковыми плацами. Проѣхали мимо нихъ, потомъ вдоль большого песчано-глинистаго плаца, за нимъ сейчасъ же показался городъ-игрушка — Замостье. Коляска въѣхала въ маленькую узкую уличку и остановилась у каменнаго бѣлаго трехъэтажнаго зданія, не безъ претензіи построеннаго, съ угловой башенкою, висячимъ балкончикомъ — мѣстной гостиницы.

Командиръ полка прибылъ къ своему полку.

5. ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Я только что успѣлъ привести себя въ порядокъ, достать изъ чемодана мундиръ, ввязать въ него эполеты, вдѣть портупею и перевязь и продѣть орденскую колодку, какъ въ номеръ постучали. Ко мнѣ явился съ рапортомъ вр. командующій полкомъ, помощникъ по строевой части — Полк. Хорошиловъ.

Высокій, толстый, съ черными, похоже, что крашеными волосами, усами и густыми бровями, съ выкаченными круглыми глазами въ полной, парадной формѣ, съ подчеркнутой аффектаціей почтительности онъ доложилъ мнѣ, что «происшествій въ полку никакихъ не случилось» и подалъ рапортъ о списочномъ состояніи полка.

— А почему вы, полковникъ, являетесь къ своему командиру полка не по формѣ одѣтымъ?..

Черные острые глаза Полк. Хорошилова безпокойно забѣгали. Онъ оправилъ на себѣ тугой серебряный шарфъ, одернулъ шашку и помялся на мѣстѣ.

— То есть, господинъ полковникъ?.. — выдавилъ онъ изъ себя хриплымъ голосомъ.

Нужно сказать, что я съ юныхъ лѣтъ впиталъ сознаніе, что военное дѣло состоитъ изъ тысячи мелочей и ни одна не должна быть упущена. Такъ воспитало меня 1-е Военное Павловское училище, такъ было Л. Гв. въ Атаманскомъ полку, гдѣ я прошелъ такъ называемую «Ширминскую» школу. Съ 1896-го года по 1903 г. Л. Гв.

Атаманскимъ полкомъ командовалъ Генералъ-Маіоръ Ширма, бывшій Лейбъ-Драгунъ, еще того времени, когда гвардейскіе драгуны стояли въ Кречевицкихъ казармахъ Новгородской губерніи. Генералъ Ширма воспиталъ насъ на мелочахъ, мы были то, что называется «уставными трынчиками» военнаго дѣла и были пріучены подмѣчать всякую мелочь въ одеждѣ, пріемѣ, построеніи, маневрѣ.

— На вашихъ эполетахъ нѣтъ номера полка. Мы должны этимъ номеромъ и именемъ своего доблестнаго Шефа гордиться. Будьте любезны передать это и господамъ офицерамъ — на эполетахъ и на погонахъ долженъ быть, какъ то Высочайшимъ приказомъ установлено, номеръ полка... Садитесь, полковникъ.

Дальше пошелъ разговоръ о полкѣ. Я поблагодарилъ за любезную посылку за мной лошадей на ст. Травники, выразилъ восхищеніе экипажемъ и видомъ лошадей и, между прочимъ, спросилъ, гдѣ мнѣ полагается жить?..

— Жить, г-нъ п-къ, собственно говоря вамъ негдѣ. Мы никакъ не ожидали, что вы такъ скоро пріѣдете.

— Вотъ такъ-такъ! Высочайшій приказъ о назначеніи меня командиромъ полка, а моего предшественника, Полковника генеральнаго штаба Лащилина, командиромъ бригады, состоялся въ серединѣ октября, я пріѣзжаю въ декабрѣ, черезъ два мѣсяца и... меня не ждали!

— Вы были, г-нъ п-къ, такъ далеко. И полковница Лащилина все не можетъ очистить квартиры и уѣхать. Вы сами понимаете.... Дама-съ!..

Это я понималъ. Этотъ, такъ сказать, «дамскій» пунктъ никакими уставами предусмотрѣнъ не былъ, но считаться съ нимъ приходилось всегда и вездѣ.

— Я слыхалъ, что начальникъ дивизіи хочетъ вамъ предоставить временно квартиру начальника штаба дивизіи, очень хорошая, между прочимъ, квартира, она, правда, меньше командирской, всего пять комнатъ, но комнаты громаднѣйшія и въ саду-съ. А вновь назначенный начальникъ штаба, какъ слышно, пріѣдетъ не скоро. Васъ двое. Вамъ тамъ даже будетъ удобнѣе.

И точно — временно предоставленная мнѣ квартира начальника штаба дивизіи была великолѣпная. Она помѣщалась въ огромномъ зданіи, бывшемъ дворцѣ графовъ Замойскихъ, въ лѣвомъ его углу, внизу, и состояла изъ пяти высокихъ дворцовыхъ покоевъ, окнами выходившихъ на гарнизонный садъ, съ одной стороны, съ другой — на оврагъ, отчасти обращенный въ садъ. У нея былъ свой отдѣльный, и очень красивый, входъ. Единственнымъ недостаткомъ ея было то, что въ ней появлялось привидѣніе, какая то «бѣлая дама». Впрочемъ, ни я, ни смѣнившій меня въ ней начальникъ штаба, Полковникъ Бензенгръ, ни наши жены, этого привидѣнія такъ никогда и не видали.

6. ЗАМОСТЬЕ.

Въ недавнемъ прошломъ, — однако три четверти вѣка тому назадъ, Замостье — крѣпость временъ Имп. Николая I, Вобановской фортификаціи, бастіоннаго фронта, съ глубокими рвами, высокими земляными валами съ эскарпами, контръ-эскарпами, равелинами, вынесенными за гласисъ, каменными казармами, съ амбразурами вмѣсто оконъ. Въ болѣе далекомъ — временъ Александровскихъ и Екатерининскихъ — богатое имѣніе графовъ Замойскихъ, съ громадными дворцами, костелами и графскими службами; въ еще болѣе отдаленномъ, во времена Царя Алексѣя Михайловича — крѣпость — опора поляковъ противъ малороссійскихъ казаковъ. Въ ея окрестностяхъ показывали могилу Андрея, сына Богдана Хмѣльницкаго. Весь городъ — красочная исторія XVII и XVIII вѣковъ. Онъ расположенъ на плоскомъ холмѣ, возвышающемся надъ безконечными болотистыми лугами и моремъ лѣсовъ, хвойныхъ по направленію къ Звѣржинцу и мѣ-

шаныхъ по холмамъ, идущимъ къ Томашову и Грубешову. Вдали отъ желѣзной дороги, Замостье точно застыло въ тихой, глубоко провинціальной жизни.

Городъ маленькій — пройти изъ одного конца въ другой — пять минутъ, обойти кругомъ — двадцати минутъ достаточно. Весь каменный, сжатый, какъ всѣ европейскіе города, устремленный вверхъ, а не вширь, съ прекрасными мостовыми, съ водопроводомъ и канализаціей, но тогда еще безъ электричества, — оно должно было придти зимою 1914-15 годовъ: война помѣшала.

По краю холма, въ сторонѣ отъ города и впереди него стоялъ длинный, старинный, Растрелліевской архитектуры, блѣдно-розовый старый дворецъ гр. Замойскихъ. Въ немъ помѣщались — справа — большой гарнизонный пріемный покой и надъ нимъ гарнизонная церковь, въ серединѣ, внизу — штабъ 1-й Донской каз. дивизіи и управленіе Донского арт. дивизіона; надъ нимъ, въ «бель-этажѣ», квартира начальника дивизіи. Въ третьемъ этажѣ и въ боковыхъ флигеляхъ были казармы Дивизіонной Конно-саперной сотни, писарей штаба дивизіи и квартиры штабныхъ офицеровъ. Съ лѣваго бока, поперекъ замка, стояла длинная, бѣлая постройка — бывшія конюшни графовъ Замойскихъ, теперь передѣланныя въ уютное офицерское собраніе 10-го Донского каз. полка. Обширный прямоугольникъ, образованный этими постройками, былъ занятъ гарнизоннымъ садомъ. Старые, раскидистые дубы и высокіе каштаны, заросли кустовъ сирени, акаціи и жасмина, бѣлая акація и клены — лѣтомъ красивыми зелеными купами обрамляли розовыя стѣны дворцовыхъ построекъ. Справа, за садомъ, надъ рѣчкой Лабунькой, стоялъ древній, XV вѣка, польскій костелъ, и передъ нимъ три дуба, считающихъ за собою не одну сотню лѣтъ. По воскресеньямъ, въ тѣни этихъ дубовъ-великановъ располагалось не мало панскихъ колясокъ, каретъ, тяжелыхъ балагулъ и легкихъ фаэтоновъ, запряженныхъ нарядными польскими полукровками.

Широкая улица-проспектъ отдѣляла городъ отъ сада. Вдоль него были казенныя постройки: — домъ коменданта — бывшій піоратъ, въ немъ помѣщались уѣздное казначейство, квартира уѣзднаго начальника и во второмъ этажѣ — моя будущая квартира. Дальше, въ одну сторону были мужская и женская гимназіи въ прекрасныхъ каменныхъ четырехъ-этажныхъ домахъ, въ другую —казармы и квартира командира 7-й Донской каз. батареи полк. М. М. Иванова. За этими домами укрылся городъ Замостье Широкая, квадратная рыночная площадь, обрамленная чахлыми деревьями — имѣла по одну сторону величественный магистратъ XVII вѣка, съ высокой башней и съ лѣстницей подковой, какъ въ Фонтенебло. На этой лѣстницѣ отцы города привѣтствовали Царя Петра Алексѣевича, когда тотъ ѣхалъ заграницу. Два другихъ фаса были образованы гостинымъ дворомъ съ крытой галлереею, съ маленькими еврейскими лавками, гдѣ можно было имѣть все — отъ фортепьяно и плуговъ, до крошечныхъ дамскихъ часиковъ, отъ телѣгъ, хомутовъ, дегтя и гвоздей — до пудры и духовъ. Господинъ Мандельтортъ торговалъ парфюміей и аптекарскими товарами — онъ же устроилъ мнѣ въ разсрочку пьянино; у господина Ная, нашего полкового поставщика и подрядчика, были склады овса и сѣна. Если чего въ гостиномъ дворѣ не оказывалось — вамъ предлагали сейчасъ-же достать.

— Изъ Варшавы!.. Ну, да, конечно, изъ Варшавы!.. Замостье, панъ полковникъ, такъ это-же есть немножечко тоже Варшава. Ну, скажемъ, столечко — Варшава!

Мнѣ понадобились перья. Я писалъ всегда 86-мъ номеромъ. Зашелъ въ бумажную лавку, такого номера не оказалось.

— Такъ вы скажите, какой вамъ надобенъ? Ахъ, ну 86-й! такъ вы-бы такъ и сказали. Навѣрно и я могъ-бы догадаться, что панъ полковникъ пишетъ 86-мъ номеромъ Ну такъ я-же могъ бы спросить у пана адъютанта Бочарова. Они таки должны знать, какими перьями пишетъ панъ командиръ.

Ну, такъ завтра уже у васъ будуть такія перья. Надо, чтобы панъ полковникъ былъ таки доволенъ. Въ этомъ секретъ коммерціи.

И, «панъ полковникъ» былъ доволенъ — на завтра ему принесли перья 86-й номеръ, тѣ самыя, какими онъ писалъ двадцать пять лѣтъ.

По субботамъ низкія и узкія галлереи, мощеныя вдоль грубыми досками, наполнялись шумной еврейской толпою. Жаргонное горготаніе слышалось по всей площади. Еврейскія дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ тугими, густо-черными косами съ лентами и удивительно бѣлыми лилейными шеями и слегка обнаженными плечами лѣтомъ, зимою въ мѣхахъ, ходили, окруженныя гимназистами взадъ и впередъ по этой галлереѣ. Тутъ шелъ веселый еврейскій флиртъ, и я — мнѣ приходилось проходить черезъ весь гостиный дворъ, когда я шелъ въ полковую канцелярію, — предпочиталъ идти стороною, по площади.

За рынкомъ — узенькая уличка, шаговъ на триста, два маленькихъ квартала — вотъ и все Замостье.

По Томашевскому шоссе было «Новое Замостье» — десятка три деревянныхъ домовъ въ садахъ, уютнаго дачнаго вида. Въ нихъ жилъ командиръ нашей второй бригады — Генералъ-Маіоръ Кунаковъ, и нѣсколько офицеровъ гарнизона, не доставшихъ квартиръ въ городѣ.

7. РАСКВАРТИРОВАНІЕ ПОЛКА.

10-й Донской каз. полкъ былъ разбросанъ по всему Замостью. Послѣ Джаркента, гдѣ сотня отъ сотни стояли на двѣ-три версты разстоянія, гдѣ двѣ сотни помѣщались въ Вѣрномъ, въ 324 верстахъ отъ штаба полка, а одна въ Кольджатѣ, въ горахъ Ала-Тау, въ 111 верстахъ отъ Джаркента, такое расположеніе мнѣ показалось даже тѣснымъ.

1-я и 2-я сотни и полковая учебная команды помѣщались въ упраздненномъ, послѣ Польскаго возстанія 1831-го года, большомъ католическомъ соборѣ. Его колокольня и куполъ были сняты, самъ костелъ былъ передѣланъ въ трехъ-этажное зданіе. Въ первыхъ двухъ этажахъ стояли 1-ая и 2-ая сотни, въ третьемъ — полковая учебная команда. Въ бывшемъ домѣ ксендза помѣщалась полковая канцелярія и команды писарей, трубаческая и нестроевая, а во дворѣ были полковая кузница, оружейная, сапожная, сѣдельная и прочія мастерскія и полковая хлѣбопекарня. Отъ нея во дворѣ всегда стоялъ вкусный запахъ свѣже-испеченаго хлѣба.

Конюшни этихъ частей помѣщались въ полу-верстѣ, на лугу, за штабомъ дивизіи, въ деревянныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ, сдѣланныхъ самимъ полкомъ, «безъ расходовъ отъ казны».

3-я и 4-я сотни квартировали въ каменныхъ городскихъ домахъ за гимназіями.

5-ая и 6-ая сотни и Дивизіонная Конно-пулеметная команда, состоявшая при полку — помѣщались въ старыхъ крѣпостныхъ казармахъ въ равелинѣ. Ходить туда приходилось черезъ глубокій и широкій крѣпостной ровъ, гдѣ были прорублены ступени, зимою, въ гололедицу, очень скользкія. Казармы низкія, мрачныя. Изъ-за толстыхъ стѣнъ и малыхъ оконъ-амбразуръ въ нихъ всегда бывало по крѣпостному темно и уныло. Конюшни были за гласисомъ, въ полѣ. Это были новенькія, кирпичныя конюшни, только что построенныя для полка Инженернымъ Вѣдомствомъ. Я ихъ и принималъ отъ подрядчика.

При пріемѣ этихъ конюшень я нарвался. Въ строевыхъ частяхъ существовало предубѣжденіе противъ инженеровъ-строителей и всякаго рода подрядчиковъ. «Наживаются», молъ, — «а сами строятъ кое-какъ»...

Я принималъ конюшни, какъ полагается, комиссіей, въ которую входили мой помощникъ по хозяйственной части Войсковой

Старшина Ив. Ник. Фарафоновъ, человѣкъ честнѣйшій, ревнивый къ полковымъ интересамъ, берегущій казенную и казачью копѣйку, какъ зѣницу ока, и, именно въ силу этого, особенно предубѣжденный противъ инженеровъ и подрядчиковъ, и командиры сотень и команды, кому предназначались эти конюшни.

— Узки станки... Какъ туда лошадь поставить?.. — говорили мнѣ подъ руку члены комиссіи.

И точно — станки были уже, чѣмъ были Л. Гв. въ Атаманскомъ полку и въ Офицерской Кавалерійской Школѣ.

— А какія перекладины поставлены, — мрачно бурчалъ Фарафоновъ, — да она (лошадь) вставать будетъ — въ разъ поломаетъ, а мы чини!

— И не покрашены.

— Совершенно кривыя.

Словомъ — все было плохо. «Намъ бы дали эти деньги, мы-бы гораздо лучше построили... Инженеры, называются!..».

Составили мы актъ, и я отказался принимать конюшни. Черезъ недѣлю пріѣхалъ изъ Дистанціи инженерный полковникъ. Все было сдѣлано согласно съ планомъ и вѣдомостью, гдѣ точно было указано и ширина станковъ и толщина жердей и что должно быть покрашено и чего не надо было красить. Планъ и вѣдомость были утверждены штабомъ дивизіи и инженерной дистанціей.

Мнѣ пришлось выслушать много ѣдкихъ словъ на тему о томъ, что «не дворцы-же строить для казачьихъ лошадей... все предусмотрѣно закономъ... капризовъ исполнять не приходится»... Я былъ принужденъ принять конюшни, а потомъ каждую недѣлю своими средствами чинить ихъ, замѣнять вальки и «приспособляться»... Виновата была тогдашняя общая тенденція, вызванная постоянными урѣзками смѣты Военнаго Министерства — давать минимумъ того, что надо дать.

По одну сторону Замостья, за рѣкою Лабунькою, мелкой, съ узкимъ пѣшеходнымъ мостикомъ, на болотистой низинѣ былъ грязный и топкій плацъ для конныхъ ученій. Онъ полого спускался къ болоту и, когда разсыпешь четыре сотни въ лаву, — дальній флангъ увязаетъ въ болотѣ. Про этотъ плацъ въ Замостьѣ существовала легенда: — шла лѣтомъ босая баба и наперола пятку о что-то острое. Стала глядѣть — торчитъ копье казачьей пики. Стали то мѣсто раскапывать, а тамъ цѣлый конный казакъ оказался. Осенью какъ утонулъ въ болотѣ, такъ о немъ никто и не спохватился.

По одну сторону плаца было наше казачье стрѣльбище.

У въѣзда въ Замостье, наверху, былъ небольшой пѣшій плацъ. Онъ примыкалъ къ городу, былъ немного посуше и назывался Бородинскимъ, вѣроятно потому, что раньше въ Замостьѣ былъ расквартированъ 68-й пѣх. лейбъ-Бородинскій полкъ.

8. ПРІЕМЪ ПОЛКА

На этомъ Бородинскомъ плацу я на другой день по пріѣздѣ въ Замостье принималъ полкъ.

Полкъ выглядѣлъ прекрасно. Казаки были одѣты въ собственное обмундированіе — въ шинели и папахи, при караульной аммуниціи. Уже тогда между полками и окружными станицами на Дону было соглашеніе — станицы черезъ военныхъ приставовъ и окружныхъ атамановъ — сами заготовляли обмундированіе и снаряженіе для казаковъ въ своихъ мастерскихъ и военно-ремесленныхъ школахъ, казаки передъ командированіемъ въ полки заказывали или покупали обмундированіе въ этихъ мастерскихъ. Станицы имѣли возможность покупать прямо на фабрикахъ сукно и весь нужный прикладъ, этимъ достигалось полное однообразіе казачьяго обмундированія, чего раньше

ше, когда казакъ обмундировывался «до - машнимъ» способомъ, не было.

Прекрасный хоръ трубачей (не штатный) съ бѣлымъ никелированнымъ инструмен - томъ, съ капельмейстеромъ и — о чудо!.. — Русскимъ — А. М. Кузько (обыкновенно въ полкахъ камельмейстерами были нѣмцы, чехи и евреи), шесть сотенъ и пулеметная команда, сотни по 16 рядовъ во взводахъ — пограничные казачьи полки содержались всегда не только въ полномъ штатномъ составѣ, но имѣли запасъ сверхъ штата, имѣя въ виду 6-час. мобилизацію, — веселыя, бравыя и въ большинствѣ красивыя лица казаковъ, съ лихо заломленными на бокъ папахами съ алымъ верхомъ — все это радовало глазъ. Люди были мельче, чѣмъ Л. Гв. въ Атаманскомъ полку, но и суше, тоньше — могу сказать — элегантнѣе. Полкъ формировался изъ казаковъ Донецкаго окр., главнымъ образомъ — изъ Каменской, Гундоровской, Усть-бѣло-калитвенской и Луганской ста - ницъ, гдѣ легкая подмѣсь малороссійской крови — неизбѣжное слѣдствіе хохлацкихъ слободъ, вклинившихся въ станичные юр - ты — смягчила и украсила черты казачьяго лица.

На офицерахъ — новые свѣтло сѣрые пла - щи (пальто) и у всѣхъ на серебряныхъ по - гонахъ цифра «10» — у кого вышитая, какъ полагается, золотой канителью, у кого на - бивная, штампованная, изъ бронзы. Вчераш - ній мой разговоръ съ Полковникомъ Хоро - шиловымъ сказался. «Господа», не имѣвшіе номера на погонахъ, спѣшно его наставили. Еврейскія лавочки все имѣли на готовѣ «изъ Варшавы» и вчера бойко поторговали накладною цифрою «10».

Обычный опросъ претензій. Таковыхъ за - явлено не было. И это тоже было пріятно. Полкъ показался «чистенькимъ».

Церемоніальнымъ маршемъ прошли, какъ идетъ въ упряжи застоявшаяся лошадь. Видно, давно не ходили, но это дѣло попра - вимое. Это всегда такъ бываетъ при «хали - фахъ на часъ», т. е., когда одинъ командиръ сдаетъ полкъ, а другой полкъ принимаетъ — бываетъ, такъ сказать, нѣкоторый ант - рактъ, когда часть распускается.

Былъ легкій морозъ, гололедка. Маршъ звучалъ рѣзко, и казаки проходили, стара - тельно равняясь и отбивая ногу. Не было того, чего хотѣлось съ точки зрѣнія «трын - чика», гвардейскаго, можетъ быть, даже не - много и пѣхотнаго требованія. Чтобы шагъ былъ полтора аршина, чтобы шли свободно, не тѣснясь, чтобы рука сгибалась мягко и шашки одновременно отблескивали, а по - воротъ головы былъ лихой — лѣвое ухо на воротникъ, подбородокъ задорно припод - нятъ, ну и прочее соотвѣтственно, какъ по - лагается, но я понималъ: — все это придетъ скоро. Матерьялъ то былъ восхитительный!

Послѣ обѣда была выводка.

«Халифатъ» отзывался и на лошадяхъ. Тѣ - ла были пестрыя, больше среднія, были и вовсе худыя — не отошли еще послѣ осен - нихъ маневровъ. Лошади обрасли зимней шерстью и было видно, что онѣ начищены «къ выводкѣ». Кое гдѣ была запущена ковка, а такихъ мелочей, какъ подпаленныя уши, подбитыя гривки и «бронза» на подко - вахъ, словомъ того «кондитерства» выводки какое мы знали Л. Гв. въ Атаманскомъ пол - ку и въ Офицерской кав. школѣ, здѣсь, оче - видно, никогда не знавали. Но все это было «дѣло наживное» — все это можно было по - править и создать въ 4-6 недѣль. На лицо бы - ло самое существенное — лошади были вели - колѣпныя. Такія лошади и въ любомъ ка - валерійскомъ полку были-бы украшеніемъ. Рослыя полукровки — 2 аршина 2½-3 вершка, такъ называемые «приплодки ста - ничныхъ табуновъ», т. е. дѣти уже скра - шенныхъ англійской кровью казачьихъ по - лу-рабочихъ, полу-степныхъ кобылъ и по - чти чистокровныхъ жеребцовъ Войскового Войска Донского Провальскаго завода — онѣ были легки, нарядны, горячи и рѣзвы — настоящія казачьи лошади. Подобраны онѣ были въ полку по мастямъ. Въ 1-й сот - нѣ лошади были свѣтло-рыжія, съ бѣлыми отмѣтинами на лбу и бѣлоножки, хотя пря - мо станови Л. Гв. въ Уланскій ЕЯ ВЕЛИЧЕ - СТВА полкъ — заглядѣнье, а не кони! и самыя худыя, потому, что самыя рѣзвыя,

нервныя и кровныя, онѣ плохо держали тѣло; во 2-й сотнѣ — темно рыжія и бурыя, безъ отмѣтинъ; въ 3-й — вишнево-гнѣдыя, легкія и тоже, вслѣдствіе большой кровности, худоватыя; въ 4-й — караковыя — красота, а не сотня; въ 5-й — сѣрыя; въ 6-й — вороныя, и очень хороши были, любовно подобранныя со всей дивизіи ея начальникомъ — въ конно-пулеметной командѣ. Какъ казачьи, такъ и артиллерійскія отъ двуколъ и вьючныя онѣ были всѣ гнѣдыя и рослыя. Когда вся эта слишкомъ тысяча лошадей прошла мимо меня съ остановкой каждой лошади, съ показомъ ея: — «а ну проведи»!.. «а ну поставь»!.. — восторгомъ билось мое сердце. Съ такими людьми, съ такимъ конскимъ составомъ можно работать, какъ лучшая стратегическая конница. Никакіе рейды ихъ не испугаютъ. Это уже теперь мое дѣло, моя обязанность, мой долгъ и моя радость создать, скрѣпить, вылѣпить изъ этого настоящій Донской казачій полкъ.

9. ПЕРВЫЕ ШИПЫ

Вечеромъ я запросто былъ у начальника дивизіи, Генералъ-Лейтенанта Алексѣя Львовича Вершинина. Генералъ Вершининъ былъ моимъ товарищемъ по Атаманскому полку и моимъ бывшимъ командиромъ. Онъ былъ человѣкомъ, съ которымъ я по пословицѣ «пудъ соли съѣлъ». Когда я юнкеромъ являлся въ полкъ — Вершининъ былъ штабсъ-ротмистромъ и полковымъ адъютантомъ. Онъ помогалъ мнѣ въ моихъ первыхъ шагахъ въ полку; вмѣстѣ съ нимъ я искалъ себѣ лошадь; въ семьѣ его я былъ своимъ человѣкомъ и теперь пришелъ къ нему, уже послѣ оффиціальной явки, какъ къ старому другу и совѣтнику, какъ къ «Алексѣю Львовичу».

За вечернимъ чаемъ я передалъ ему свои восторженныя впечатлѣнія отъ внѣшняго вида полка, отъ людей и лошадей, отъ об мундированія и снаряженія.

— Особенно порадовало меня, что не было заявлено претензій.

— Погодите радоваться.

— А что?..

—Да вотъ увидите... Но ничего не предпринимайте сами, не поговоривъ, не посовѣтовавшись со мною.. Вы, хотя уже и командовали полкомъ, но здѣсь вы человѣкъ новый, а у насъ, что городъ, то норовъ, что деревня — то обычай. Въ каждомъ военномъ округѣ свои нравы.

Ген. Вершининъ круто перемѣнилъ разговоръ и перешелъ на воспоминанія Петербургской жизни и службы. Намъ было о чемъ вспомянуть.

На другой день, съ частной почтой, поданной не въ канцелярію, а на мою квартиру, я получилъ два анонимныхъ письма. Въ гвардіи былъ обычай — анонимныя и псевдонимныя письма, не читая рвать, но я уже слышалъ, что въ Кіевскомъ воен. округѣ, со временъ ген. Драгомірова, по анонимнымъ письмамъ приказано было производить разслѣдованіе. Слышалъ я, что и въ Варшавскомъ округѣ такими письмами не пренебрегали.

Я прочелъ эти письма.

Написаны они были грамотно, простымъ казачьимъ языкомъ, прилично по формѣ изложенія и касались двухъ командировъ сотень. Жалованье и ремонтныя деньги не выдавались казакамъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, были задержаны денежные переводы и письма... Неблагополучно съ фуражемъ... Словомъ — судебное дѣло.

Я пошелъ къ ген Вершинину.

— Я этого ожидалъ, — сказалъ мнѣ начальникъ дивизіи. — Я это зналъ и хотѣлъ посмотрѣть, какъ съ этимъ разберется молодой командиръ полка.

— Но почему казаки не заявили претензій на опросѣ? Писать анонимныя письма!.. Какая это гадость! Что же дѣлать?. Какъ отдавать подъ судъ по анонимному доносу!.

— Въ нашемъ дисциплинарномъ уставѣ точно указанъ способъ принесенія жалобы на начальство, — спокойно сказалъ Вершининъ. — Но... Жизнь этотъ способъ забраковала. Претензія, заявленная на смотру, всегда кладетъ отпечатокъ какого-то неблагополучія на полкъ. Въ 10-мъ полку заявили претензіи! Мы тутъ всѣ на виду. Казаки крайне самолюбивы, имъ честь полка, а, слѣдовательно, и честь округа ихъ выше всего... Кромѣ того тутъ еще и «страхъ іудейскъ». Заявить претензію приходится открыто. И сотенный командиръ и вахмистръ, и взводный всѣ будутъ видѣть, или во всякомъ случаѣ знать, кто именно заявилъ претензію, ну и значитъ могутъ всегда такъ или иначе допечь жалобщика. Надо много мужества, чтобы заявить претензію. Храбрыхъ людей много, мужественныхъ — разъ, два и обчелся. Вотъ жизнь и выработала этотъ подленькій способъ искать правды, писать анонимныя и подметныя письма. Способъ гадкій, ибо соблазнительный, при немъ такъ просто оклеветать непріятнаго начальника. Но, я знаю, Петръ Николаевичъ, что тутъ не клевета. До васъ въ полку шла большая карточная игра и вамъ ее надо совершенно прекратить. Для васъ это легче легкаго, ибо вы сами въ карты не играете.

— Но, какъ же покончить съ этими господами?

— Покончите и съ ними. Только тихо, по Божески, съ ними покончите, какъ этого и хотѣли писавшіе вамъ письма и, увѣряю васъ, вовсе не плохіе казаки. Они писали не для суда. И, если вы доведете дѣло до суда, они первые васъ подведутъ. Всѣ казаки дружно отрекутся отъ всего, какъ одинъ покажутъ, что они все и всегда получали сполна и премного довольны своими командирами сотень. Такіе случаи бывали. Тѣмъ болѣе, что одинъ сотенный командиръ и безъ того уходитъ въ январѣ на льготу, а другой — одинъ изъ лучшихъ вашихъ командировъ сотень и горячо любимъ казаками. Чортъ его попуталъ. Вы пріѣхали скоро и неожиданно. Пріѣзжай вы въ февралѣ, какъ мы васъ тутъ ожидали, оба, не бѣдные люди, давно расквитались-бы съ казаками и ничего не открылось бы. Вамъ надо, не подавая вида, что вы читали эти письма, такъ черезъ недѣльку, невзначай зайдти въ одну, другую сотню, вызвать казаковъ на провѣрку, потребовать ихъ записныя книжки и поговорить съ ними. И когда сами обнаружите недочеты, вызовите сотенныхъ командировъ по одиночкѣ къ себѣ на квартиру и имѣйте съ ними уже особый разговоръ. Дайте срока двѣ недѣли... Если не будетъ все ликвидировано, ну, тогда подъ судъ, но уже съ документами вашего личнаго опроса. Впрочемъ, я увѣренъ, что до суда не дойдетъ... Это результатъ общаго легкомыслія и... карточной игры.

Я послушался совѣта своего стараго командира и товарища. Дней черезъ пять я пришелъ въ одну сотню вечеромъ, построилъ людей.

— Книжки!

Все было исправно. Прошелъ въ сотню, указанную въ письмѣ. Въ книжкахъ не оказалось отмѣтокъ полученія жалованія.

— Почему у тебя не отмѣчено октябрьское, ноябрьское и декабрьское жалованье?

Молчаніе.

— Что-же ты молчишь?

— Не могу знать...

— Дурацкій отвѣтъ. Кто-же знаетъ?.. А у тебя?.. Жалованье и ремонтныя ты на дѣлѣто получилъ?

— Такъ что не выдавали.

Потомъ былъ серьезный и очень тяжелый разговоръ сначала съ однимъ, потомъ съ другимъ командиромъ. Разговоръ съ глаза на глазъ въ моемъ частномъ кабинетѣ. Были слезы, клятвы, просьба разрѣшить съѣздить домой устроить дѣла. Я разрѣшилъ. Черезъ двѣ недѣли по одному вызывалъ казаковъ въ сотенную канцелярію, провѣрилъ снова книжки и основательно допросилъ каждаго. Все было сполна выплачено. Одинъ сотенный командиръ вскорѣ ушелъ на льготу съ замаранной аттестаціей, другой сталъ самымъ исправнымъ, смѣлымъ и любимымъ казаками командиромъ. Его сотня была образцовой.

10. ПОМОЩНИКЪ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЧАСТИ ВОЙСКОВОЙ СТАРШИНА ФАРАФОНОВЪ

Вообще на офицерскій составъ полка я не могъ пожаловаться. Офицеры были одинъ лучше другого. Я затрудняюсь сказать, какіе были лучше — старшіе — воспитанники Новочеркасскаго казачьяго училища (окружнаго), или молодежь изъ Николаевскаго кавалерійскаго и Новочеркасскаго казачьяго военнаго училищъ.

О полк. Хорошиловѣ мнѣ много писать не приходится. Я его не поспѣлъ узнать. Въ январѣ онъ ушелъ на льготу.

Мой помощникъ по хозяйственной части Войск. Стар. Иванъ Николаевичъ Фарафоновъ былъ человѣкъ рѣдкой, щепетильной честности. Холостякъ, совершенно не пьющій, не играющій въ карты, аскетъ, фанатикъ военнаго дѣла, съ одной стороны болѣзненно самолюбивый ко всему что касается казаковъ и стремящійся под ять полкъ на недосягаемую высоту чести, доблести и благородства, съ другой — насквозь знающій душу «казуни» и потому до грубости жестокій при обличеніи казачьихъ шалостей, взыскательный, берегущій казенное и казачье добро.

Онъ повелъ меня въ свою гордость — полковой цейхгаузъ, гдѣ хранился «неприкосновенный запасъ» полка.

Осенью, до моего пріѣзда, въ полку была повѣрка мобилизаціонной готовности, такъ называемая «пробная мобилизація». Изъ Штаба Окр. пріѣзжала комиссія. Она была поражена тѣмъ, что она нашла въ полку. Да и было отъ чего.

Большой сарай цейхгауза стоялъ на отшибѣ, охраняемый двумя часовыми. Когда мы вошли въ него — пріятный запахъ дегтя и ворвани ударилъ въ носъ. На высокомъ стеллажѣ въ чинномъ порядкѣ висѣли не предусмотрѣнныя табелями, но заведенныя на полковыя хозяйственныя суммы — офицерскіе вьюки, по одному на каждаго сотеннаго командира и по одному на двухъ младшихъ офицеровъ. Запасныя сѣдла, амуниція, хомуты и упряжь обоза, все отлично прожированное и смазанное, было развѣшано въ безукоризненномъ порядкѣ. Стальныя пики на весь составъ полка хранились въ цейхгаузѣ. Полкъ учился со старыми буковыми. Кухни и кипятильники Борю, двуколки, патронныя и лазаретныя повозки, парныя подводы — все новенькое, на ободахъ колесъ цифры и каждый день колеса передвигаются на одну спицу. На повозкахъ на клеенкѣ табели имущества и порядокъ укладки. Мѣшки съ постоянно обновляемымъ сухарнымъ запасомъ, жестянки съ сахаромъ, чаемъ и солью, надъ каждымъ отмѣтка, когда замѣнять, кому выдавать и сколько. Саквы и мѣшки и мѣшечки на каждаго казака, все съ номерами, съ отмѣтками вѣса. Въ особыхъ шкафахъ, за холщевыми занавѣсями обмундированіе перваго срока... Всего не перечтешь. Чего, чего тамъ не было на случай войны! Все заводилось постепенно, годами, выписывалось изъ Москвы, Петербурга и Саратова, копилось, какъ приданое копится невѣстѣ по Домострою. И богатой невѣстой оказывался мой 10-й полкъ.

— У насъ, господинъ полковникъ, — сказалъ мнѣ Фарафоновъ, — все готово. Хотябы завтра въ походъ.

Я посмотрѣлъ на своего помощника. Онъ понялъ мой молчаливый вопросъ.

— Мы не вѣримъ въ возможность войны, господинъ полковникъ. Мы убѣждены въ разумномъ миролюбіи нашего Государя. Да намъ война и никакъ не нужна. Но... Господинъ полковникъ, извольте убѣдиться, у насъ все готово!

Это «все готово» я увидалъ и въ полковой канцеляріи, когда провѣрялъ горы розовыхъ конвертовъ, папокъ и пакетовъ съ надписью «по мобилизаціи».

Мобилизаціонная часть полковой канцеляріи внимательно слѣдила за жизнью полка, всѣ отпуска, всѣ госпитальные больные, всѣ перемѣны сейчасъ же вносились въ эти

готовыя къ отправкѣ бумаги. Запасы на - шихъ прекрасныхъ приграничныхъ картъ и картъ австрійскихъ до Львова и Перемышля по разсчету по листу на каждаго офицера и на половину урядниковъ полка, дислокація австрійскихъ войскъ съ именами всѣхъ начальниковъ, до командировъ эскадроновъ, включительно, хранилась, составлялась и повѣрялась въ полку. И часто можно было видѣть по вечерамъ полкового адъютанта Константина Помпеевича Бочарова, гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ въ таинственной бесѣдѣ съ подозрительнаго вида евреемъ, а послѣ таковой бесѣды появлялись исправленія въ дислокаціи и спискахъ австрійцевъ въ Равѣ Русской, въ Ржешувѣ и другихъ городахъ приграничной полосы.

Еще болѣе оцѣнилъ я эту готовность къ войнѣ, когда пошли у насъ вечернія тактическія занятія съ офицерами и военная игра, въ которой съ одной стороны дѣйствовалъ нашъ XIX арм. корпусъ съ 1-й Донской каз. дивизіей, а съ другой стороны корпусъ ген. Ауфенберга и 6-ая австр. кав. дивизія. Хорунжіе и сотники моего полка — одни водили разъѣзды и сотни подъ своими именами, другіе шли подъ подлинными именами австрійскихъ офицеровъ и командовали тѣми самыми частями, которыя, въ случаѣ войны должны были быть противъ насъ.

Все это было заведено начальникомъ дивизіи ген. Вершининымъ. Въ 1912-мъ году, въ Люблинѣ, гдѣ стояло двѣ сотни 9 Донского каз. ген.-ад. гр. Орлова-Денисова полка были общія тактическія занятія частей гарнизона, подъ руководствомъ командира XIV арм. корпуса ген. Брусилова. На нихъ военная игра. ведшаяся ген. Вершининымъ обратила особое вниманіе ген. Брусилова и онъ назвалъ Люблинскій гарнизонъ — Люблинской военной академіей.

Со всѣмъ этимъ меня знакомилъ Фарафоновъ.

Въ маѣ 1915-го года онъ принялъ отъ меня 10-й полкъ... а зимою 1917-го года въ станицѣ Каменской казаки-большевики убили этого честнѣйшаго и благороднѣйшаго казака патріота, посчитались съ нимъ за его строгость и педантичность.

Да, все было въ полку готово къ войнѣ.

Хотѣли мы войны, или нѣтъ? Военныхъ часто обвиняютъ, что это они главная причина возникновенія войнъ.

Ихъ честолюбіе, ихъ славолюбіе, даже, будто, корысть — увлекаютъ ихъ на войну.

Хотѣли мы войны?

Сложенъ и труденъ отвѣтъ на такой вопросъ. Коротко сказать, — конечно, — нѣтъ. Мы не хотѣли, потому что мы-то, какъ никто, а такіе, какъ я, пробывшіе полтора года на войнѣ съ японцами, особенно остро ощущали, что такое война во всемъ ея безобразіи. И мы ее не хотѣли.

Хотѣть войны — это значило желать разрушенія всего этого такими трудами и многими годами непрерывной работы созданнаго. Вѣдь мы всѣ подлинно любили своихъ казаковъ, какъ рѣдкая мать любитъ своихъ дѣтей. Война — это гибель этихъ людей, уходъ ихъ изъ жизни — навсегда. А мы были отвѣтственны за нихъ и передъ Вой - скомъ и передъ ихъ родителями и женами, кого многіе изъ насъ знали. Война — это потеря и порча всего этого имущества, накопленнаго съ такими заботами и такъ любовно. Не говорю уже про свое личное. Вѣдь каждому изъ насъ, при 6-ти-часовой то мобилизаціи грозила мгновенная разлука съ семьею и гибель домашняго очага, своего уюта, тоже создававшагося постепенно, годами, любовно, гдѣ каждая мелочь, какое нибудь кресло, туалетъ жены, картина, охотничье ружье — имѣли свою исторію и таили въ себѣ прелесть воспоминанія.

Мы не могли хотѣть войны и мы — строевые начальники — ее не хотѣли.

. Ордена, чины, усиленный окладъ содержанія — все то, въ чемъ насъ, обычно, такъ страстно обвиняютъ пацифисты: — «генералы продались, чтобы воевать», конечно, имѣли, особенно, у молодежи свою притягательную силу: — какой хорунжій не мечталъ о бѣленькомъ крестикѣ, да и только-ли хорунжій?!. Но все это: — мечты о подви-

ИСТОРИ...

гахъ, «блага» жизни — жалованье по окладу военнаго времени, чины — все это въ общемъ было такимъ ничтожнымъ по сравненію съ тѣмъ огромнымъ, что отбирала отъ насъ война, что мечты мечтами — а войны мы все таки никогда серьезно не желали.

Но было у насъ, однако, у кадровыхъ офицеровъ, людей военной касты, такъ сказать, людей, отдавшихъ всю жизнь военному дѣлу, одно совсѣмъ особенное чувство. Мы сознавали, что теперь мы готовы къ войнѣ и мы знаемъ, что такое война, и какъ на ней нужно поступать. У насъ не повторятся ошибки Русско - Японской войны и потому было сознаніе, что теперь-то м ы п о б ѣ д и м ъ, хотя бы и самихъ нѣмцевъ, о непобѣдимости которыхъ мы были наслышаны со школьной скамьи. И было это чувство подобно чувству школьника передъ экзаменомъ изъ какого-нибудь особенно труднаго предмета. И страшно.. и хочется быть вызваннымъ, потому что знаешь, что отвѣтишь хорошо.

Мы знали, что на новой войнѣ мы отвѣтимъ хорошо... на двѣнадцать балловъ!

Какъ перемѣнилась Русская армія, послѣ Японской войны! Нельзя и сравнивать того, что было, съ тѣмъ, что есть. Я помню Донскіе армейскіе полки за годъ до Японской войны, на большихъ Курскихъ маневрахъ. Плохія лошаденки, небрежная, неряшливая сѣдловка, оборванные вьюки, сосновыя пики различной длины, потому что онѣ ломались и ломались обычно на концѣ, гдѣ петля, и ихъ не замѣняли, но перевязывали петлю къ обломку и такія пики производили впечатлѣніе игрушечнаго дреколья; на маневрѣ жиденькая одношереножная лава, вялое гиканіе, стрѣльба съ коня и джигитовка. Въ пѣхотѣ — густыя цѣпи, близкія поддержки въ сомкнутомъ строю, атака съ музыкой и барабаннымъ боемъ, плохое самоокапываніе, батареи на открытыхъ позиціяхъ, выравненныя, какъ на картинкѣ — все это теперь, а прошло едва десять лѣтъ, казалось намъ точно прошедшимъ вѣкомъ.

У насъ было все новое и по новому. Мы знали между тѣмъ, что сосѣдей нашихъ это новое почти не коснулось. И потому въ общемъ нежеланіи войны — было и нѣкоторое хотѣніе помѣряться силами, держать экзаменъ, ибо знали мы, что на этотъ разъ выдержимъ и побѣдимъ.

Въ Японскую войну кавалерія выступила безъ биноклей, даже и у офицеровъ. Теперь И. Н. Фарафоновъ въ полковомъ цейхгаузѣ съ гордостью подвелъ меня къ стѣнѣ, увѣшанной длинными рядами биноклей въ футлярахъ.

— Эти — въ желтой кожи футлярахъ — Цейссовскіе, на всѣхъ офицеровъ полка, — сказалъ онъ мнѣ. — А тѣ, въ черныхъ, очень хорошіе призматическіе — на урядниковъ полка...

И вотъ въ душѣ боролись сложнѣйшія чувства: — съ такими людьми и лошадьми и съ такимъ богато снаряженнымъ полкомъ мы несомнѣнно побѣдимъ... И намъ хотѣлось побѣды. Но, побѣдивъ, мы потеряемъ и людей, и лошадей и все это снаряженіе и имущество... Болью сжималось сердце, ибо съ чѣмъ останешься?

— Такъ вы думаете, Иванъ Николаевичъ, выходя изъ цейхгауза, сказалъ я, — войны не будетъ?

— Кто знаетъ это, кромѣ Бога. Но, вѣрю — Государь не допуститъ войны. Ну, а когда все это въ войнѣ потеряемъ? Что останется? Вы знаете, что «дома» дѣлается. Пропаганда и броженіе придавлены, но они идутъ, а, если мы все это потеряемъ, — Фарафоновъ широкимъ жестомъ показалъ на цейхгаузъ, у котораго полковой капте нармусъ съ разводящимъ навѣшивали замокъ и накладывали печати, — съ чѣмъ и съ кѣмъ мы пойдемъ бороться съ подлинными врагами Россіи?..

11. КОМАНДИРЫ СОТЕНЬ. БОИ У ДУБА, ИВАНОВИЦЕ И ЧЕРТОВЧИКА.

Какая прелесть были мои сотенные командиры, начальникъ конно-пулеметной команды, начальникъ команды связи и полковой адъютантъ!.. Въ каждомъ, въ той или иной мѣрѣ отразились тѣ необычайныя, блистательныя черты, которыми отличались Русскіе офицеры ИМПЕРАТОРСКОЙ арміи и за которыя такъ звонко сказалъ про нихъ нашъ Суворовъ: — «господа офицеры, какой восторгъ!»...

1-ю сотнею командовалъ есаулъ Ханженковъ. Семейный человѣкъ и хорошій семьянинъ — ему первое время тягостными и трудными показались мои требованія. А спрашивалъ я много. Въ 5 час. утра была утренняя уборка и командиръ сотни долженъ былъ на ней быть. Я требовалъ, чтобы командиръ сотни зналъ каждую лошадь — а онѣ всѣ были одинаковыя, рыжія, не отличишь одну отъ другой. Я требовалъ, чтобы, согласно съ полковымъ расписаніемъ занятій, каждый сотенный командиръ вырабатывалъ свое сотенное расписаніе, соображенное съ нарядомъ на службу, баннымъ днемъ и т. п. Я требовалъ присутствія всѣхъ людей на занятіяхъ и гонялъ лодырей. Я совалъ свой носъ не туда, куда слѣдуетъ — въ отхожія мѣста и на кухни.

— Не можетъ-же, господинъ полковникъ, здѣсь розами пахнуть, — возмущенно говорилъ мнѣ, въ общемъ невозмутимый Ханженковъ.

— Я и не требую, чтобы розами пахло, но пусть ничѣмъ не пахнетъ.

Ему было сначала трудно. Служба была раньше съ развальцемъ, потихоньку, съ картишками послѣ полудня, съ вечерами въ семьѣ. Теперь она горѣла. И, если офицеръ сказалъ казаку: — «поди сюда!» — пулей долженъ былъ бѣжать казакъ. — «Ходу! А не то — пачка нарядовъ!!».

Доставалось и вахмистру. Рыжія лошади... Какія красавицы!.. А худы!.. Очень худы!!

— Почему, Сѣнинъ, лошади не поправляются?

— Ваше высокоблагородіе, чего пробовано не перепробовано... Развѣ такую накормишь? Загорится, заиграетъ и опять сквозная.

— А ты не пробуй, а корми овсомъ, а то смотри, какъ бы я самъ тебя чѣмъ худымъ не накормилъ.

О, эти туманныя, зимнія утра! Чуть брежжитъ разсвѣтъ, растоптанный, неглубокій снѣгъ подлѣ конюшень мягокъ и холоденъ, поле вдали клубится туманомъ. Ряды рыжихъ лошадей на коновязи, шурханье щетокъ и стукъ скребницъ, выколачиваемыхъ о камень. Казаки въ бѣлыхъ фартукахъ чистятъ лошадей и косятся на командира полка.

— И чего «оно» ходитъ... Спокою не даетъ!..

Холодная сырость въ воздухѣ, Впереди длинный рабочій день.

Къ смотру — не узнать Ханженкова. Вдругъ загорѣлось самолюбіе, брошены были карты... Съ прекрасными своими офицерами подъесауломъ Мазанкинымъ и хорунжимъ Шляхтинымъ онъ преобразилъ сотню. Какъ ходила она — золотая — по подсохшему плацу въ маѣ 1914-го года, послушная знаку своего командира и какъ вихремъ летали сытыя, подтянутыя лошади. Заглядѣнье!

На войнѣ — скала. Невозмутимое хладнокровіе, спокойствіе, увѣренность.

И вотъ, въ первые дни войны, когда еще остры впечатлѣнія и къ каждому выстрѣлу прислушиваешься, заночевали мы гдѣ-то на австрійской границѣ, недалеко отъ Майдана-Гурно. Пѣхота Ауфенберга на насъ напирала. Я спалъ въ своей постели-сороканожкѣ, въ тѣсной польской халупѣ. Надъ головою, на стѣнѣ — трубка полевого телефона. Около 2-хъ час. ночи, на заставахъ началась стрѣльба. Сначала одиночная, потомъ чаще. Я надавилъ пружину телефона.

— Командиръ первой сотни? Что у васъ тамъ такое?

— Ничего особеннаго, господинъ полковникъ, — какъ всегда, какъ бы сонным

голосомъ отвѣчалъ Ханженковъ, — показался противникъ. Застава открыла огонь.

— Огонь-то сильный. Тамъ есть и пулеметы.

— Два, господинъ полковникъ.

— Подмоги вамъ не надо?

— Зачѣмъ? Спите спокойно. Сами отобьемъ.

Я лежалъ раздѣтый. Бой то усиливался, то стихалъ. Вдругъ пошли залпы. Одинъ... Другой... Третій...: Запищалъ телефонъ.

— Вы, г. полковникъ?

— Я. Что у васъ?

— Непріятель отбитъ. Полевые караулы заняли прежнія мѣста.

Я завернулся въ бараній мѣхъ, служившій мнѣ одѣяломъ. Тихая ночь была за халупой. Ну, развѣ не восторгъ такіе офицеры?.

Въ бою подъ Дубомъ (17-го авг. 1914-го г.) австрійская пѣхота нажала на 16-ю кавалерійскую дивизію и мой 10-й полкъ, къ ней приданный. Отходить намъ по безконечной болотной гати. Дивизія стала вытягиваться на нее. Сзади оставался ея начальникъ ген. А. М. Драгомировъ. Мой полкъ былъ въ арьергардѣ. Спѣшенная 1-ая сотня прикрывала отходъ огнемъ. Съ небольшой высоты у начала гати она была вся видна. Я послалъ приказаніе Ханженкову отходить. По одному, по два, сгибаясь, потянулись къ горкѣ казаки. Остающіеся усилили огонь. Отходили шагомъ — такъ учили: — «на непріятеля бѣгомъ, отъ непріятеля — шагомъ»...

Синеватая пѣхота длинными цѣпями надвинулась по зеленому полю и залегла. Противъ нея было человѣкъ двадцать казаковъ. Австрійцы подались еще впередъ. Отъ нихъ до первой сотни было уже не болѣе 600 шаговъ. Послѣдніе люди цѣпи отходили.

Сзади всѣхъ командиръ сотни Ханженковъ. Сутулая, худая фигура медленно, меланхолично, равнодушно ко всему шагаетъ по мокрому лугу. Сзади и справа трубачъ. Золотая сигналка блеститъ на солнцѣ. Кругомъ роютъ землю пули. Когда попадутъ въ мочажину видно серебро всплеска. Ханженковъ подходитъ ко мнѣ. Тутъ стоитъ его лошадь. Онъ медлительно, лѣниво какъ то садится въ сѣдло и соннымъ голосомъ, чуть въ носъ говоритъ: —

— Зачѣмъ отходимъ?.. А вѣдь мы бы ихъ побили.

Командиръ 2-й сотни есаулъ Апостоловъ былъ подъ стать Ханженкову. Онъ былъ очень многосемейный и сильно сдавленный той страшной офицерской нуждой и бѣдностью, которую нужно тщательно скрывать. Я подозрѣвалъ, что онъ и его семья временами голодали, а недоѣдали всегда. Тяжелъ удѣлъ армейскаго семейнаго офицера. При такихъ домашнихъ обстоятельствахъ не легка была для Апостолова служба, и 2-ая сотня замѣтно отставала отъ другихъ. Приходилось нажимать, а нажимать было нелегко, когда знаешь внутреннюю обстановку жизни офицера.

Высокая, худая фигура, постное, обросшее рѣдкой бородою лицо, рано посѣдѣвшіе волосы и тусклый, печальный взглядъ сѣрыхъ глазъ. Этотъ взглядъ останавливалъ начальническій разносъ. Сознаніе бѣдности вызывало нервность и неровность въ обращеніи съ людьми. На счастье въ сотнѣ былъ прекрасный, незамѣнимый офицеръ, хорунжій Максимъ Максимовичъ Протопоповъ. Красивый, стройный, свѣтлый блондинъ, кумиръ Замостскихъ гимназистокъ, лихой наѣздникъ и изящный танцоръ, онъ впрягся въ службу со всѣмъ пыломъ молодой души и гдѣ только могъ замѣнялъ и дополнялъ командира сотни, увлекая своимъ примѣромъ казаковъ.

Пришла война — и вотъ, подите вы, — такова игра фортуны. Первая военная добыча — офицерское шако и венгерка, сабля и сумка, солдатскіе мундиры и ментики, пять лошадей, карабины и сабли въ первое утро объявленной войны, теплое, солнечное, радостное іюльское утро ко мнѣ въ Бархачевъ привезли казаки 2-й сотни изъ разъѣзда хорунжаго Протопопова!

Не безъ опасеній въ районъ Томашовъ — Майданъ-Гурно посылалъ я съ равѣдывательной сотней есаула Апостолова. Боялся за него и адъютантъ Бочаровъ, — не напута-

ла-бы чего 2-ая сотня? Обстановка сложная — крутыя балки и горы, покрытыя густымъ лѣсомъ, переплетъ лѣсовъ и болотъ, и непріятель, какъ бы вклинившійся въ насъ.... И... первые плѣнные, 60 чел. австрійской пѣхоты съ офицерами, походная кухня, двуколка съ телефоннымъ имуществомъ были взяты подъ вечеръ есауломъ Апостоловымъ!..

И первый орд. Св. Георгія 4-й ст. въ полку получилъ тотъ же хмурый, съ постнымъ лицомъ командиръ 2-й сотни. Мы задерживали австрійскую пѣхоту. На широкомъ лугу, у дер. Ивановице, 4-го ноября 1914-го года, залегли цѣпи спѣшенныхъ сотень нашей дивизіи. Казаки окопались «лунками» и ведутъ перестрѣлку. Намъ приказано держаться во что бы то ни стало. Непріятель наступалъ рѣшительно, и мы сошлись на прямой выстрѣлъ. Назадъ податься некуда. Сзади ровный скатъ, гладкое поле — противнику бить по насъ, какъ по мишенямъ. Печальный осенній день, и настроеніе безотрадно тяжелое. Большія потери. Видъ бредущихъ и ползущихъ назадъ раненыхъ, убитыхъ, остающихся лежать неподвижными фигурами въ цѣпи — выносить невозможно, все это тяжелая картина войны. Погибать приходится. Коноводы далеко позади. Поддержки и смѣны не будетъ. Некому поддержать. Лучшія мои сотни колебались. Я лежалъ на мѣстѣ сотенныхъ поддержекъ съ адъютантомъ и ординарцами, составляя послѣдній резервъ, — поддержки давно были влиты въ цѣпи. Пули уже не свистали въ воздухѣ, но чмокали и рыли землю вокругъ насъ. Передо мною стыкъ между 2-й и 3-й сотнями, и видно, какъ австрійцы накапливаются для послѣдняго удара..

Вдругъ вижу — 2-я сотня встала, блеснули въ воздухѣ шашки — тогда мы не имѣли еще штыковъ, — раздалось дружное «ура». Апостоловъ повелъ сотню въ атаку, за нимъ поднялись 3-я, потомъ 1-я и 4-я сотни.

Ведутъ плѣнныхъ... 77 человѣкъ... поле, такъ грозно урчавшее частымъ огнемъ, затихаетъ. Непріятельскія цѣпи вдругъ отхлынули и скрылись въ лощинѣ. Наша неожиданная атака отбила непріятеля.

Подъ вечеръ хмурый Апостоловъ велъ свою сотню къ коноводамъ. Я дождался его.

— Держаться было невозможно, — точно извиняясь, сказалъ онъ, — вотъ я и повелъ сотню въ атаку... Разрѣшите оставить людей, подобрать убитыхъ.

Георгіевскій крестъ былъ ему наградой. Въ скоромъ времени его перевели въ 13-й Донской каз. полкъ, гдѣ была большая убыль въ офицерахъ. Дальнѣйшая судьба его, какъ и судьба есаула Ханженкова, мнѣ неизвѣстны.

3-ею сотнею командовалъ есаулъ Тихонъ Петровичъ Краснянскій. Это былъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, высокій, стройный черноусый и черноглазый. Отличный во всѣхъ отношеніяхъ офицеръ, но то, что называется — «трудно-управляемый». Духомъ казачьей вольницы, партизанской самостоятельностью отъ него вѣяло. Такими должно быть были есаулы, командиры казачьихъ сотень у Дениса Давыдова, Фигнера, Дорохова, возможно, что и самъ Дороховъ былъ такой, какъ Краснянскій.

Ген. Вершининъ, дѣлая мнѣ, новому командиру полка, характеристику моихъ офицеровъ, сказалъ мнѣ: —

— Вы мнѣ Краснянскаго не трогайте. Самолюбивъ до чорта. Но дѣло знаетъ и горячо любитъ. Предоставьте его самому себѣ. Не ошибетесь.

Краснянскій былъ участникомъ Японской войны. Мои указанія, основанныя на опытѣ этой войны, онъ понималъ съ полуслова и шелъ со своею сотней впереди моихъ требованій. Его сотня была лучшею въ полку, съ нею соревновала только 4-ая, и мнѣ нужно было много такта, политичности и искусства при отдачѣ приказа о смотрахъ, чтобы не задѣть самолюбія ни того, ни другого изъ сотенныхъ командировъ. Оба жили интересами своихъ сотень.

Краснянскій много читалъ, былъ образованъ, онъ свободно говорилъ по польски, легко сходился съ мѣстными жителями и зналъ всѣхъ кругомъ Замостья. На войнѣ

его донесенія были такъ т ы, подробны, ясны и четки, что иногда казалось, уже не «фейнеръ-кондитеръ» ли онъ? Но провѣ - ришь — все совершенно вѣрно. У него былъ даръ кавалерійскаго начальника видѣть сквозь непріятельскую завѣсу, вѣрно угадывать, что дѣлается кругомъ. Онъ умѣлъ заставить разговаривать съ нимъ жителей, умѣлъ ихъ очаровать и потомъ связать то, что «говорятъ» съ тѣмъ, что онъ самъ ви - дитъ. Храбрость и хладнокровіе его были поразительны. Я былъ увѣренъ, что пер - вый Георгіевскій крестъ я надѣну на грудь доблестнаго Тихона Петровича. Думаю, что и онъ въ этомъ былъ увѣренъ. Но ему не везло. Онъ получилъ всѣ ордена, былъ произведенъ въ Войсковые Старшины — а Георгіевскій крестъ отъ него ускользалъ.

Когда, 1-го августа 1914-го года, въ соста вѣ 1-й Донской дивизіи, бывшей подъ на - чальствомъ ген.-лейт. Кузьмина-Караваева, полкъ переходилъ Австрійскую границу, на - правляясь на Бѣлжецъ и Любичъ, я наканунѣ, 31-го іюля, послалъ съ развѣдывательной сотней Краснянскаго. И не только я, но вся дивизія была спокойна. Мы шли съ от - крытыми глазами. Точныя и подробныя до - несенія насъ встрѣтили передъ разсвѣтомъ, на границѣ, сама-же сотня примкнула къ полку, когда тотъ велъ бой за овладѣніе Бѣлжецемъ.

Сотни плѣнныхъ, пулеметы, наконецъ, орудіе (у Чертовчика, 15-го авг. 1914-го г.) были взяты 3-й сотней, и все не подходило подъ статутъ. Атакованное сотней орудіе было брошено австрійцами въ самомъ на - чалѣ атаки и потому оказывалось взятымъ не съ боя. Щепетильно честный Краснян - скій просилъ меня не представлять его къ Георгіевскому кресту.

Казаки сотни были увѣшаны крестами, — командиръ креста не имѣлъ. Уже появился офицерскій Георгій у хорунжаго Лазарева, Протопоповъ былъ представленъ къ кре - сту... Все это видимо томило Краснянскаго и, когда потребовался штабъ-офицеръ во второ-очередной полкъ, Краснянскій про - силъ объ откомандированіи его отъ 10-го полка.

Я потерялъ Краснянскаго изъ вида. Услы - шалъ о немъ въ первые дни борьбы съ большевиками на Дону при атаманѣ Кале - динѣ. Въ районѣ Азова, на югѣ Донского войска дѣйствовалъ самостоятельный от - рядъ «Тихона Краснянскаго». Этотъ отрядъ былъ грозою для большевиковъ. Въ ско - ромъ времени мы узнали, что Краснянскій убитъ въ бою съ красными и отрядъ его разошелся.

По его характеру, по складу всей его партизанской жизни иного конца нельзя было ожидать для Краснянскаго. Никто изъ знавшихъ его не могъ-бы представить себѣ Тихона Петровича мирно умирающимъ отъ старости или отъ болѣзни. Казакъ-парти - занъ онъ и умеръ, какъ подобаетъ партиза - ну.

— Черный воронъ, что ты вьешься
Надъ моею головой,
Ты добычи не дождешься —
Черный воронъ, — я — не твой!..

пѣла его сотня, и слушалъ своихъ пѣсель - никовъ лихой черноусый есаулъ. А, когда запоютъ: —

... Подъ зеленою ракитой
Русскій раненый лежалъ
И къ груди, штыкомъ пробитой,
Крестъ свой мѣдный прижималъ...

вздохнетъ Тихонъ Петровичъ, опуститъ голову и отойдетъ въ сторону. Зналъ... Предчувствовалъ, какой конецъ его ожида - етъ. Только врядъ-ли догадывался, что отъ предательской, подлой руки своего бра - та, Русскаго солдата-большевика?

Другимъ «крэкомъ» (такъ на скаковомъ языкѣ называется лучшая лошадь — на - дежда скаковой конюшни) полка былъ ко - мандиръ 4-й сотни есаулъ Евгеній Ивано - вичъ Тапилинъ. Средняго роста, въ русыхъ большихъ усахъ, прекрасный наѣздникъ, онъ былъ всегда и вездѣ со своими казака - ми. Самъ хорошимъ, красивымъ барито - номъ запѣвалъ съ пѣсельниками и такъ-же, какъ и Краснянскій, шелъ впереди требова - ній командира полка. Онъ тоже былъ уча - стникомъ Японской войны, много читалъ по

военнымъ вопросамъ и легко воспринялъ теорію спѣшеннаго, стрѣлковаго боя и боя смѣшаннаго, гдѣ конная атака завершаетъ пѣшій бой.

Слѣдуя завѣтамъ Петра Великаго, я не держался устава, «яко слѣпой стѣны», но помнилъ, что «по нуждѣ и примѣненіе бываетъ». Имѣя подъ командой великолѣпныхъ людей, природныхъ воиновъ, притомъ прекрасныхъ, спокойныхъ стрѣлковъ, я завелъ обычай рѣдкихъ цѣпей. Спѣшенная сотня, т. е. 80-90 чел. занимали участокъ по фронту около версты, притомъ люди лежали не въ порядкѣ на равныхъ интервалахъ, но тамъ, гдѣ этого требовала мѣстность. Иногда, гдѣ нибудь за закрытіемъ, образовывались одна-двѣ ружейныя батареи, которыя я подкрѣплялъ еще и пулеметами, а промежутокъ между ними шаговъ 100-200, взятый подъ перекрестный огонь, не былъ никѣмъ занятъ. На ровной мѣстности стрѣлки ложились одинъ отъ другого на 15-20 шаговъ и не въ порядкѣ, но какъ кому выгоднѣе для обстрѣла и для маскировки. Краснянскій и Тапилинъ это прекрасно усвоили.

Воспитанный моимъ отцомъ, офицеромъ Николаевскихъ временъ, съ дѣтства наслышавшійся о знаменитыхъ «разводахъ» Имп. Александра II въ Михайловскомъ манежѣ, я пріучалъ казаковъ, — что было необходимо и нелегко, — къ щепетильной аккуратности обмундированія и сѣдловки. Поводья всегда должны были быть выравнены на лещоткахъ, вьюки педантично уложены, ремни смазаны саломъ и почернены, вьючные ремешки такъ должны быть пропущены въ мочки, чтобы бронзовыя пряжки оказались на одной линіи. Вотъ эту науку «фейнеръ-кондитерства» Тапилинъ усвоилъ лучше всѣхъ. На смотръ сотни, на который полагалась сѣдловка съ попоной въ заднемъ вьюкѣ — онъ вывелъ сотню съ уложенными поверхъ попонъ узкой полоской свернутыми, чисто постиранными, холщевыми саквами, отъ чего получилась ровная бѣлая линія съ блестящими на ней черными ремнями съ золотыми пряжками. Какою-то Александровской стариною манежной красоты строя повѣяло отъ такой сѣдловки... Нечего и говорить, что училась сотня безподобно.

Съ такими командирами сотень, какъ Краснянскій и Тапилинъ, на войнѣ я могъ производить весьма рискованные маневры.

12 БОЙ У ДЗВОНОВИЦЪ 16-ГО НОЯБРЯ 1914-ГО ГОДА.

Что знаетъ на войнѣ казакъ о томъ, что происходитъ? Да, что казакъ! Офицеръ и, даже, командиръ полка очень мало разбирается въ обстановкѣ. Это уже потомъ, много послѣ, когда въ большихъ штабахъ — корпуса, а то и арміи, допросятъ плѣнныхъ, разберутся по картамъ, сдѣлаютъ сводки донесеній — скажутъ: — вотъ кто и сколько было противъ васъ и вотъ, что вы сдѣлали и что надо было сдѣлать — тогда поймешь суть боя.

Для насъ же — исполнителей, — въ томъ числѣ и для меня, командира полка, есть только таинственный «онъ». Иногда этотъ «онъ» — пѣхота съ артиллеріей — тогда дѣло серьезнѣе, этотъ «онъ» — «синіе, горбатые», значитъ — австрійцы, или «совсѣмъ темные» — венгерцы, или «сѣрые въ кахъ, прямоугольные» — «германъ». Его бываетъ «мало», «совсѣмъ немного, надо быть, только застава, не больше, какъ полурота, и того меньше», или «много, такъ валомъ и валитъ... его сила, большими и многими цѣпями... все поле сине отъ его.: Поболѣе баталіона будетъ.. Цѣльный евоный полкъ!.. Сила идетъ!.. засыпаетъ пулями, держаться невозможно никакъ... Антилерія бьетъ почемъ зря... не жалѣютъ снарядовъ!..»... «Онъ» бываетъ «далеко».. «Онъ — вотъ онъ тутъ, за горушкой»..

Но это всегда только «онъ», немного таинственный и неизвѣстный.

Въ усталость многодневного похода, боевъ, недоѣданія, недосыпанія, плохихъ ночлеговъ, осенней грязи, зимней стужи, длин

ной, однообразной лентой полей, перелѣсковъ, деревенекъ, стодоловъ, халупъ входитъ утомительный «походъ».. Въ немъ не разбираешься, гдѣ и что было.

Такъ вотъ — середина ноября 1914-го года. Легкій морозъ сковалъ грязь, и гулки и жестки стали проселочныя дороги. Осенее небо бурыми тучами низко и словно печально нависло надъ землей. Дни короткіе, ночи длинныя, холодныя и темныя. Мы входили въ Галицію. Пошли холмы, горы, мѣстность стала красивѣе. Слащавую нѣмецкую олеографію напоминали круглыя горки, покрытыя ровнымъ саженымъ еловымъ лѣсомъ, красная черепица крышъ и шпили костеловъ.

Подъ ранній вечеръ я получилъ приказаніе начальника дивизіи стать на ночлегъ въ дер. Дзвоновице. 10-й полкъ шелъ, какъ почти всегда ходилъ, въ авангардѣ. Головною сотнею шла 5-ая сотня есаула Тюрьморѣзова, почтеннаго, очень не молодого офицера, сѣдого, не очень расторопнаго, но исполнительнаго и добросовѣстнаго. Сумрачныя были дали. Въ темномъ небѣ, какъ то беззвучно рвались высокія шрапнели австрійцевъ. Очень мы устали за день похода, промерзли, тянуло въ хаты, согрѣться, поѣсть и заснуть. Я выслалъ квартирьеровъ и самъ шелъ въ головѣ полка. 5-ая сотня, не входя въ деревню, остановилась, и я наѣхалъ на нее.

— Почему вы стоите и держите квартирьеровъ?

— Ваше Превосходительство (я былъ за Комаровскіе бои въ августѣ произведенъ въ генералъ-маіоры) — дер. Дзвоновицы находится подъ артиллерійскимъ огнемъ непріятеля.

Тюрморѣзовъ показалъ рукой на небо. Какъ разъ въ этотъ моментъ въ надвигавшемся вечернемъ сумракѣ въ черно-свинцовыхъ тяжелыхъ тучахъ сверкнули четыре огонька высокихъ разрывовъ и поплыли бѣло-оранжевые дымки. Разрывы были такъ высоки, что не было слышно звука ихъ.

— Онъ стрѣляетъ на предѣлѣ, — сказалъ я. — Очевидно, что онъ уходитъ. Пускайте квартирьеровъ. Пока они разведутъ сотни по квартирамъ, онъ совсѣмъ уйдетъ.

— Какъ прикажете-съ..

Квартирьеры рысью вошли въ деревню. Пока они разсчитывали дворы и сотни занимали ихъ — обстрѣлъ, впрочемъ и раньше совершенно невинный и безопасный, прекратился и мы спокойно заночевали. Поздно ночью походныя заставы были смѣнены сторожевыми заставами отъ 13-го Донского каз. полка.

На другой день, съ утра, на заставахъ пострѣливали. Противникъ нащупывалъ насъ. Я прошелъ на окраину деревни и осмотрѣлся. Деревня Дзвоновище лежала въ неглубокой, широкой долинѣ, устьемъ спускавшейся на востокъ... Съ запада долина замыкалась цѣпью невысокихъ холмовъ. Тамъ видна была деревня и у рощи что-то вродѣ замка. Тамъ и шла перестрѣлка. Съ юга долина была прикрыта крутой и круглой горой, покрытой молодымъ, еловымъ лѣсомъ. По долинѣ тутъ и тамъ росли островами небольшія, густыя рощи. Къ сѣверу отъ Дзвоновицъ мѣстность была открытая. Чистыя, сжатыя поля и поля подъ паромъ полого поднимались къ ровной грядѣ холмовъ, отдѣлявшихъ долину съ сѣвера. Тамъ была большая деревня, въ ней расположились штабъ дивизіи и 9-й и 15-й Донскіе полки.

Погода была хмурая. Сѣрый день насупился густыми туманами. Весь день на заставахъ шла рѣдкая стрѣльба, но противникъ не напиралъ и мы простояли въ деревнѣ спокойно. Днемъ я верхомъ объѣхалъ поля и деревни. Я проѣхалъ и на сторожевыя заставы 13-го полка. За грядою холмовъ открывался широкій горизонтъ полей. Бѣлесой лентой ровное шоссе уходило на западъ. Дымка тумана скрывала дали. Не видно было, кто стрѣлялъ. «Та-пу... та-пу», раздавались двойные выстрѣлы австрійцевъ, безвредныя пули посвистывали въ воздухѣ.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня на заставахъ закипѣла и забурлила настоящая боевая стрѣльба. Пять сотень 13-го полка жидкими цѣпями влились въ линію заставъ. Загремѣло восемь орудій австрійскихъ батарей и имъ стала отвѣчать наша 7-ая Донская каз. батарея, занявшая позицію въ глубинѣ долины, за невысокимъ холмомъ. Утромъ я былъ вызванъ въ штабъ дивизіи и получилъ задачу — оборонять гряды холмовъ, гдѣ были расположены заставы. Мнѣ были подчинены, кромѣ моего полка, 13-й полкъ и три сотни 15-го полка, а также 7-ая батарея. Ознакомившись съ обстановкой и уяснивъ, что на заставы идетъ атака цѣлаго пѣхотнаго полка и что сотнямъ 13-го полка не устоять, я подкрѣпилъ его своими 1-ю, 3-ю и 4-ю сотнями, а самъ проѣхалъ на батарею, на наблюдательный пунктъ.

Къ полудню перестрѣлка достигла большого напряженія и есаулъ Краснянскій прислалъ ординарца съ донесеніемъ, что держаться дальше нельзя. Казаки 13-го полка колеблются, потери велики. Я пѣшкомъ прошелъ къ Краснянскому. Противникъ былъ отъ насъ болѣе, чѣмъ въ тысячѣ шаговъ, онъ залегъ густыми цѣпями и не окапывался. Земля была мерзлая, да по рѣдкому нашему огню противникъ понялъ, что противъ него только спѣшенная кавалерія.

— Сейчасъ тихо, — сказалъ мнѣ Краснянскій, — должно быть «каву» (кофе) пьетъ. А то вотъ взялъ насъ въ хорошій переплетъ и сотни 13-го полка сползли внизъ за холмы.

Я послалъ за командирами своихъ 1-й и 4-й сотень и когда тѣ пришли, объяснилъ имъ свою задачу.

— Евгеній Ивановичъ, — сказалъ я Тапилину, — вамъ подчиняю 1-ю сотню. Когда 13-й полкъ станетъ отходить, отходите и вы и накопитесь вонъ въ томъ лѣску, что влѣво отъ васъ, а вы, Тихонъ Петровичъ, соберете свою сотню напротивъ, въ лѣсу, что правѣе насъ. 13-му полку я посылаю приказаніе, какъ только противникъ начнетъ наступленіе, отходить за батарею. Противникъ увидитъ нашу батарею, какъ бы брошенную, онъ же и стрѣлять не будетъ, прислуга спрячется, и повалитъ на нее. Онъ попадетъ въ мѣшокъ между вами. Атакуйте съ обѣихъ сторонъ безъ огня и безъ крика. Поняли меня? Разскажите казакамъ задачу. Удержите казаковъ при общемъ отступленіи.

— Конечно, удержимъ, — послѣдовалъ спокойный отвѣтъ обоихъ сотенныхъ командировъ.

— Итакъ, ждите моего приказанія объ отходѣ. Надо дать австрійцамъ ближе подойти, чтобы легче было завлечь ихъ.

— Постараемся. А какъ 13-й?

— Думаю, что и онъ справится со своею задачей.

Я вернулся на батарею. По условіямъ мѣстности наблюдательный пунктъ былъ позади батареи, шагахъ въ трехстахъ отъ нея. Я усѣлся на высокой соснѣ, рядомъ съ Матвѣемъ Матвѣевичемъ Ивановымъ, и мы по очереди смотрѣли въ рогатый бинокль.

Въ третьемъ часу дня противникъ поднялся и валомъ повалилъ на насъ. Сотни 13-го полка, не ожидая приказанія, сорвались и быстро стали спускаться къ намъ съ холмовъ. Сверху мнѣ было отлично видно, какъ одни казаки въ шинеляхъ — это былъ 13-й полкъ, шли безпорядочными цѣпями къ батареѣ, другіе въ полушубкахъ — это были мои — 10-й полкъ, — расходились по лѣсамъ и исчезали въ чащѣ. Все шло хорошо. Казаки, которымъ была разсказана задача, дѣйствовали совершенно самостоятельно. Я могъ быть спокоенъ.

Полковникъ Ивановъ, всегда невозмутимый, щеголявшій своимъ «артиллерійскимъ» хладнокровіемъ и выдержкой, попыхивалъ подлѣ меня папиросой.

— Не пора ли убирать батарею? — сказалъ онъ мнѣ. — Вѣдь, когда австрійцы поднимутся на гребень — это будетъ всего верста.

— А вамъ первый разъ быть подъ ружейнымъ огнемъ противника? поставьте на картечь.

Ивановъ пожалъ плечами.

— На картечь... Конечно, на картечь. Но ихъ, по донесеніямъ, очень много. Они могутъ все таки ударить. У меня мало снарядовъ. Сзади насъ никого.

— У васъ въ прикрытіи моя 5-ая сотня и у меня въ резервѣ 2-ая и 6-ая.

Ивановъ снова пожалъ плечами.

— Дѣло ваше — вы начальникъ. Я ничего, однако, не буду говорить на батарею.

— Передайте только, чтобы были внимательны и не стрѣляли-бы до тѣхъ поръ, пока австрійцы не повернутъ обратно.

— А вы въ этомъ увѣрены?

— Не сомнѣваюсь.

— Кто-же у васъ тамъ?.. — Ивановъ широкимъ жестомъ показалъ на лѣсные острова.

— Краснянскій и Тапилинъ.

— А!..

Это «а» было весьма многозначительно. За нимъ вырвался большой клубъ папироснаго дыма и вся фигура батарейнаго командира выразила глубочайшее спокойствіе.

Австрійцы показались на гребнѣ. Они задержались на немъ. Было видно, какъ офицеры высматривали нашу позицію. Имъ было видно полное наше и какъ-бы безпорядочное отступленіе и пустая, не стрѣляющая по нимъ батарея. Тихія осеннія сумерки спускались въ долину. Австрійцы густыми цѣпями повалили внизъ. Потомъ въ лѣсу раздалось нѣсколько одиночныхъ выстрѣловъ; вѣроятно, австрійскіе дозоры наткнулись на казаковъ, а затѣмъ люди въ синеватыхъ шинеляхъ хлынули потокомъ назадъ, раздались крики, безпорядочная стрѣльба, батарея забила по гребню, преграждая путь отступленія и вотъ уже къ намъ идетъ густая колонна плѣнныхъ — болѣе двухсотъ человѣкъ, окруженная казаками. Наши сотни стали снова выходить на гребень, гдѣ были утромъ. Тамъ почти не стрѣляли.

Ивановъ тщательно раскурилъ папиросу и сказалъ мнѣ со всѣмъ своимъ хладнокровіемъ:

— Это вы хорошо придумали.

— Это не я придумалъ, — отвѣчалъ ему я, подражая ему въ хладнокровіи и безстрастіи, — на Академическомъ языкѣ это называется «Канны», на нашемъ, казачьемъ «вентерь». Это можно дѣлать, однако, только тогда, когда имѣешь такихъ прекрасныхъ сотенныхъ командировъ и такихъ казаковъ, какъ тѣ, кѣмъ я имѣю высокое счастіе командовать.

Конечно, это былъ рискъ. Но на войнѣ, какъ въ карточной игрѣ выигрываетъ тотъ, кто рискуетъ. Мы удержали позицію и взяли около двухсотъ плѣнныхъ, сами не понеся почти никакихъ потерь.

Ночь прошла спокойно, въ полной томительной тишинѣ. Подъ утро выпалъ снѣгъ и все стало выглядѣть на нашемъ участкѣ совсѣмъ по иному. Голубое небо, легкій морозъ, снѣгъ, хрустящій подъ ногами, яркое солнце, блиставшее надъ горами и лѣсами — все было празднично и олеографія пейзажа стала еще картиннѣе.

Утромъ адъютантъ меня порадовалъ — къ намъ подошла пѣхота. Я поѣхалъ по участку. Съ юга къ самымъ Дзвоновицамъ подошла, не помню, 75-ая или 100-ая пѣхотная дивизія. На горкѣ, съ каменной часовенкой, съ Распятіемъ, я встрѣтилъ ея начальника, Ген.-Лейт. Папенгута. Онъ со своимъ начальникомъ штаба выбиралъ позицію лѣвѣе насъ. Сзади, по гребню, въ верстѣ за нами, какая-то пѣхота рыла окопы. Я послалъ узнать, кто тамъ — это оказался Л. Гв. 3-й Стрѣлковый полкъ съ ген. Усовымъ.

Мы были не одни.

13. ДЗВОНОВИЦЕ. 18-ГО НОЯБРЯ 1914 ГОДА.

На войнѣ, въ бою, какъ во снѣ. Видишь и не понимаешь, ощущаешь и не сознаешь. Зачѣмъ эта пѣхота? Какъ очутилась она сзади насъ? Какая ея задача? Кто кому подчиненъ, она намъ, или мы ей? Что же мы будемъ дѣлать въ этой долинѣ съ перелѣсками впереди нея? Я послалъ записку нач. 1-й Дон. каз. дивизіи, Ген.-Лейт. Чоглокову, спрашивая указаній. Получилъ отвѣтъ: — «о пѣхотѣ и ея задачахъ распоряженій нѣтъ. Вамъ продолжать выполнять поставленную вамъ задачу — удерживать дер. Дзвоновице и гряду холмовъ къ западу отъ нея».

Ординарецъ, возившій записку, передалъ мнѣ, что полки нашего резерва посѣдлали и стоятъ въ резервной колоннѣ сбоку деревни, держа лошадей въ поводу.

У меня были мои спѣшенныя сотни и 5 сотень 13-го и 15-го полковъ, занимавшія все ту же гряду холмовъ.

Часовъ около десяти утра началось на меня наступленіе австрійцевъ. На этотъ разъ на меня шли уже не роты, не батальоны, не полкъ, но, судя по донесеніямъ, поступавшимъ со всѣхъ сторонъ и съ совершенно неожиданныхъ мѣстъ, на меня навалилась по крайней мѣрѣ австрійская бригада. Вдоль линій холмовъ шелъ серьезный стрѣлковый бой и наша 7-ая батарея, не экономя снарядовъ, выпускала очередь за очередью. Надъ долиной часто рвались австрійскія шрапнели и огонь австрійскихъ батарей продвигался впередъ и билъ далеко по долинѣ. Было очевидно, что и сами батареи за ночь подошли ближе къ намъ. Противникъ большими силами обходилъ мой лѣвый флангъ, просачиваясь черезъ большую гору, покрытую густымъ лѣсомъ. Тамъ, гдѣ я видѣлъ утромъ ген. Папенгута, шла оживленная перестрѣлка. Я поскакалъ съ адъютантомъ и ординарцами туда. Но едва я выскочилъ изъ улицы деревни, какъ попалъ подъ такой сильный и близкій ружейный огонь, что немыслимо было скакать толпой. Я оставилъ ординарцевъ въ улицѣ за домами, а самъ съ адъютантомъ и штабъ-трубачемъ карьеромъ проскакалъ до часовенки и укрылся за нею. Здѣсь я слѣзъ съ лошади и старался разобраться, что-же произошло? Отъ часовни влѣво лежала наша пѣхотная цѣпь. Это она и вела перестрѣлку съ австрійцами. Ротный командиръ сообщилъ мнѣ, что части его полка еще далеко и что онъ не можетъ держаться и будетъ отходить. Вся вторая долина, отдѣленная отъ той, гдѣ мы были деревней Дзвоновице, была полна сѣроватыми цѣпями австрійцевъ. Они, никѣмъ неудерживаемые, быстро наступали, заходя мнѣ въ тылъ, гдѣ стояли мои коноводы и ударяли поперекъ деревни, вытянутой одной прямой линіей домовъ. Я вернулся въ деревню и приказалъ сотнямъ резерва рассыпаться вдоль халупъ и удерживать деревню. Тутъ-же въ цѣпяхъ, между домами, я написалъ подробное донесеніе ген. Чоглокову, нарисовалъ ему обстановку и просилъ его немедленно приказать 9-му полку атаковать въ конномъ строю по снѣжному полю и сквозь Дзвоновице атакующихъ австрійцевъ, такъ какъ, по моему мнѣнію, только конная атака могла удержать наступленіе и спасти мой полкъ, находившійся въ критическомъ положеніи. Телефонная связь была прервана и я послалъ это донесеніе съ тремя ординарцами.

— Врядъ-ли удержимъ, — сказалъ мнѣ Бочаровъ, адъютантъ, съ которымъ я шелъ пѣшкомъ вдоль деревни. — Смотрите-ка что дѣлается.

Было неважно. Съ холмовъ неудержимо катились сотни 13-го и 15-го полковъ и мои 2-ая и 5-ая сотни. Батарея огрызалась всѣми шестью орудіями и по частотѣ очередей, зная недостатокъ патроновъ, я понималъ, что это послѣдняя ея стрѣльба — сейчасъ и она будетъ сниматься съ позиціи. Меня брали въ тиски. Слѣва и сзади не останавливаясь шли австрійскія цѣпи и были онѣ въ восьмистахъ шагахъ отъ насъ.

— Надо продержаться минутъ десять, а

тамъ конная атака всѣхъ ихъ смететъ ко всѣмъ чертямъ. . . . . ..

— А вы увѣрены, что начальникъ дивизіи пошлетъ 9-й полкъ?

Время остановилось. Я вспомнилъ библейскій разсказъ про Іисуса Навина, вѣроятно и у него было такъ-же горячо, какъ у насъ теперь. Минуты казались часами. Мнѣ была видна вся околица деревни. Есаулъ Краснянскій спокойно ходилъ вдоль нея надъ лежавшими казаками. Онъ готовился встрѣтить на штыкъ. Минуты все таки шли. Я отмѣчалъ ихъ по сближенію съ нами австрійцевъ. Они были такъ ясно видны. Они шли съ примкнутыми штыками, готовясь ударить въ рукопашную. Они должны были захватить и коноводовъ. Отступать было поздно. Австрійцы врывались въ деревню и между ними и казаками начинался штыковой бой. Надо было драться до послѣдняго и или побѣдить, или умереть. Я и Бочаровъ вынули револьверы изъ кобуръ. Трудно передать, что въ это время было въ мысляхъ, какія думы неслись ураганомъ, да я ихъ и не запомнилъ. Все это продолжалось всего нѣсколько секундъ. Я увидѣлъ картину такой красоты, какая никогда мною не будетъ забыта. Это была подлинная батальная картина старыхъ временъ.

Было за полдень. Съ бездоннаго, прозрачнаго голубого, словно праздничнаго неба, на снѣжный, чистый пологъ полей, не порушенный человѣческими слѣдами, золотое солнце лило яркіе лучи. По пологому скату, идущему къ Дзвоновицамъ, въ изумительномъ порядкѣ, какъ и на смотрахъ не всегда бываетъ, разомкнувшись въ четыре грозныя шеренги, эшелонами, широкимъ наметомъ шла атака дивизіона 9-го Донского каз. полка. Прекрасныя гнѣдыя лошади казались громадными. Впереди, на уставной дистанціи скакалъ съ вынутой и взятой «къ бою» шашкой Войск. Старшина. командиры сотень были на своихъ мѣстахъ. пики и шашки у казаковъ «къ бою». Молча и неслышно, какъ призрачное видѣніе, по бѣлому снѣгу несся дивизьонъ и вотъ — влетѣлъ въ деревню. Онъ смелъ по пути атаки всѣ австрійскія цѣпи, которыя шли на коноводовъ. Одни австрійцы остановились, другіе, уже безоружные, бѣжали сзади въ паникѣ. Я видѣлъ, какъ казакъ ударилъ пикой подъ подбородокъ солдата, бывшаго въ пяти шагахъ отъ меня и тотъ упалъ навзничъ, кровяня снѣгъ. По деревнѣ кучами стояли люди съ поднятыми руками, ихъ окружали казаки Краснянскаго.

Гвардейскіе стрѣлки встали во весь ростъ въ своихъ окопахъ, кричали «ура» и аплодировали атакѣ 9-го полка. Въ деревнѣ шла толчея и суматоха. Въ громадной толпѣ плѣнныхъ совсѣмъ затерялись мои казаки. Въ плѣнъ попало 8 офицеровъ и 524 пѣхотинца!..

Дрожащей отъ волненія рукой я на какой-то скамьѣ возлѣ халупы писалъ представленіе къ ордену Св. Георгія командира дивизьона и командировъ сотень, такъ доблестно атаковавшихъ австрійцевъ и выручившихъ мой полкъ. И тутъ-же отдавалъ приказанія о сборѣ оружія, выносѣ раненыхъ и убитыхъ, возстановленіи положенія, занятіи прежнихъ позицій. Бой кончился. Австрійцы ушли за холмъ.

Въ умирающемъ зимнемъ днѣ были торжественная тишина и радость побѣды.

Вечеромъ я получилъ приказаніе отойти къ штабу дивизіи. На наше мѣсто становилась пѣхота, мы получали новую задачу.

Точно это послѣднее наступленіе австрійцевъ было только для того, чтобы новыми кровными узами связать наши полки «Краонской» бригады и показать примѣръ братской выручки и святого исполненія долга. Только для того, чтобы показать значеніе и силу конной атаки въ разгаръ стрѣлковаго боя.

Казаки моей 3-й сотни, безъ всякаго участія офицеровъ, сложили о Дзвоновицкихъ бояхъ пѣсню. Я услышалъ ее въ первый разъ гдѣ-то подъ Ясломъ, гдѣ полкъ стоялъ въ резервѣ и пѣсельники мои пѣли у

штаба ген. Цурикова. Я запомнилъ изъ нея два куплета: —

... «Налетѣлъ орломъ крылатымъ
Генералъ-маіоръ Красновъ,
Онъ съ полкомъ своимъ десятымъ
Бьетъ Отечества враговъ...

... Ужъ казаки вытѣсняютъ
Вражью цѣпь изъ Дзвоновицъ,
И въ стодолы заглядаютъ,
Не засѣлъ ли тамъ австрійцъ...».

Евгеній Ивановичъ Тапилинъ, уже въ чинѣ генерала и въ должности начальника большого коннаго отряда, въ 1920-мъ году, въ Крыму, во время прорыва Врангелевскаго фронта красными былъ звѣрски зарубленъ большевиками.

14. БОЙ У НЕЗВИСКИ 1-ГО МАРТА 1915-ГО ГОДА.

5-й сотней, какъ я уже упоминалъ, командовалъ Есаулъ Тюрьморѣзовъ. Ему было, вѣроятно, за пятьдесятъ. Тяжелая служебная лямка многихъ лѣтъ службы, путешествій на льготу и снова въ полкъ, неоднократнаго командованія сотней сказывалась на немъ. Ему было трудно поспѣвать за такими молодцами, какъ Краснянскій и Тапилинъ. И, 5-ая, на сѣрыхъ лошадяхъ сотня, требовавшая усиленной чистки — была трудная сотня. Она отставала отъ другихъ сотень полка на ученьяхъ, нелегко было Есаулу Тюрьморѣзову и на маневрахъ. На войнѣ я его поберегалъ, да и сѣрыя лошади не всегда были удобны впереди. На 5-ю я возлагалъ охрану тыла, прикрытіе батареи, обозовъ, конвоированіе плѣнныхъ.

Какъ старикъ, былъ Есаулъ Тюрьморѣзовъ человѣкомъ необычайной исполнительности и точности, но, какъ бывшій въ годахъ и умудренный разнообразнымъ опытомъ, большой и трудный стажъ прошедшій, видавшій виды и различныхъ начальниковъ, былъ человѣкомъ тяжелымъ на подъемъ и недовѣрчивымъ. Онъ всегда требовалъ точнаго и опредѣленнаго приказанія, намековъ не понималъ... «Да, нельзя-ли на бумажкѣ?.. Потому оно... Все-же документикъ!.. никогда не вредное»...

И вотъ ему-то прилучилось съ его 5-й сѣрой сотней совершить красивѣйшій подвигъ и спасти меня отъ лютаго позора — потери батареи.

Въ концѣ февраля 1915-го года заняли мы съ боя дер. Незвиску, на Днѣстрѣ, подлѣ Городоньки, на шоссе на Серафинце. Я былъ раненъ пулей въ плечо, но, питая отвращеніе къ госпиталямъ и лѣченію, остался въ строю. Послѣ долгихъ и упорныхъ боевъ за обладаніе Городонькой, каждая сторона осталась при своемъ, а пустая Городонька, съ теплыми хатами между нами, — ничья. Противъ насъ смѣшанный отрядъ — и опять, кто противъ насъ — это знаютъ большіе штабы, мы же знали точно, что была тутъ австрійская пѣхота — «синіе, горбатые», были венгерцы — «темные плащи», была конная Прусская бригада драгунъ и кирасиръ — мы имѣли въ первый день плѣнныхъ отъ нея, была германская батарея—бѣлые, какъ наши, разрывы шрапнелей, и были три австрійскихъ батареи — по двѣнадцати вспышекъ отмѣчала при стрѣльбѣ наша батарея.

У насъ были заранѣе подготовленные окопы, тогда еще безъ проволочнаго заграждения. Мой участокъ — поперекъ шоссе, идущаго изъ Iозефова на Серафинце, былъ занятъ моимъ полкомъ и приданной ко мнѣ ротою, небольшого состава (ок. 100 чел.) 5-го стр. полка. У меня-же была 7-я Донская каз. батарея. Коноводы стояли въ Незвискѣ и Исаковѣ, верстахъ въ 4-хъ позади позиціи. Батарея стала въ лощинѣ, за разрушеннымъ и сгорѣвшимъ большимъ винокуреннымъ заводомъ съ высокой каменной оградой. Я со штабомъ помѣстился на самомъ заводѣ, въ главномъ заводскомъ зданіи, гдѣ въ мѣдномъ большомъ кубѣ мнѣ наслали соломы и можно было отдыхать.

Когда брали Незвиску — была гололедка, а 28-го февраля вдругъ задула, замела снѣжная метель, повалила большими бѣлыми

хлопьями и, къ ночи — ни окоповъ, ни батареи не стало видно, — все сравняло ровной бѣлой пеленой. Пушки замело выше тѣла орудія. Метель дула непріятелю въ лицо, намъ въ спину. Наступила звенящая зимняя тишина. Вѣтеръ несъ,мчалъ и крутилъ большія хлопья снѣга. Температура упала, вѣроятно (градусника не было), до 15-ти градусовъ ниже ноля. Ко мнѣ стали поступать тревожныя донесенія объ обмороженіи казаками ногъ. У насъ валенокъ не было. Валенки были только у пѣхоты. Я рѣшился на отчаянную, рискованную мѣру — убрать казаковъ съ позиціи. Одной сотнѣ выставлять въ окопахъ полевые караулы, которые смѣнять каждые 2 часа. Самъ я остался на заводѣ.

Вьюга продолжалась всю ночь 28-го февраля и весь день 1-го марта. Мы проваливались въ снѣгу, почти, по поясъ. Впереди ничего не было видно. Смазка на винтовкахъ замерзла и курокъ не разбивалъ капсюль. Мнѣ казалось безумiемъ въ такую погоду атаковать австрійцамъ, которымъ пришлось бы идти на встрѣчу бурѣ.

Подъ вечеръ 1-го марта, полковой адъютантъ, Сотникъ Ушаковъ (Подъесаулъ Бочаровъ уже командовалъ въ это время 2-й сотней), обратилъ мое вниманіе, что по заводу посвистываютъ пули. Вотъ ударила въ стѣну и сбила штукатурку, зазвенѣла о нашъ мѣдный кубъ. Телефонистъ, сидѣвшій у окна безъ рамы, былъ раненъ въ руку ниже локтя. За воемъ вѣтра не было слышно выстрѣловъ. Я вышелъ на дворъ, гдѣ стояли наши лошади, и послалъ адъютанта посмотрѣть, что дѣлается у стрѣлковъ. Адъютантъ сѣлъ на лошадь и исчезъ въ бѣломъ хаосѣ вьюги. Онъ сейчасъ-же вернулся.

— Стрѣлки отходятъ. Они оставили окопы, — тревожно доложилъ онъ мнѣ.

— Вотъ какъ?.. А батарея?..

Мой вопросъ былъ глупый. Я самъ зналъ, что на батареѣ былъ только часовой и что ее совсѣмъ не видно подъ снѣгомъ.

Я взгромоздился на лошадь, раненая рука мнѣ мѣшала, и поскакалъ впередъ. Лошадь проваливалась по брюхо въ снѣгъ и шла неровными скачками.

Сейчасъ-же за заводомъ, въ сумеркахъ догорающаго дня показались колеблющіяся сѣроватыя фигуры идущихъ мнѣ на встрѣчу людей.

— Почему отходите?.. Кто вамъ приказалъ?.. Гдѣ ротный командиръ?..

Ротный командиръ самъ подошелъ ко мнѣ. Онъ былъ совершенно обмерзлый и губы плохо повиновались ему. Онъ объяснилъ, что онъ атакованъ громадными силами венгерцевъ и, такъ какъ винтовки не стрѣляютъ, а штыками одинъ на десять онъ бороться не можетъ, онъ рѣшилъ отойти, онъ послалъ мнѣ словесное донесеніе. Пока мы съ нимъ разговаривали, рота уже подошла къ самому заводу. Передъ нами показались въ вьюжныхъ вихряхъ темныя фигуры, то появлявшіяся, то исчезавшія. Ихъ было очень много.

Вызывать полкъ, хотя и по телефону, было поздно. Оставалось положиться на волю Божью и, предупредивъ сотни, скакать къ нимъ, чтобы, собравъ полкъ, попытаться что нибудь предпринять. Я поѣхалъ къ заводу. На немъ никого не было. Пѣхота увлекла за собою телефонистовъ, ординарцевъ и, даже, вѣстовыхъ и трубачей. Мы оставались вдвоемъ съ Ушаковымъ передъ наступавшей на насъ во вьюгѣ венгерской пѣхотой. Я объѣхалъ заводъ и, вдругъ, увидалъ въ затишкѣ, въ балкѣ, гдѣ шла полевая дорога поперекъ шоссе, длинную колонну конницы, медленно подвигавшуюся, какъ сонное видѣніе, вдоль балки.

Это шла смѣнять караулы моя 5-ая сотня.

Говорить, объяснять Есаулу Тюрьморѣзову обстановку было безполезно. Это не Краснянскій, или Тапилинъ, которые на лету все схватили бы. Оставалось одно, что закономъ запрещено, самому командиру полка командовать сотней.

— Пятая сотня, слушать мою команду!..

Есаулъ Тюрьморѣзовъ, ѣхавшій сбоку сотни, закутанный съ ушами и носомъ башлыкомъ, услыхавъ мой голосъ, засуетился и сталъ командовать:

— Сотня смирно! Пики въ руку! Равненіе на лѣво! Господа офицеры!

Я спустился ближе къ сотнѣ и, не ожидая поскакавшаго по сугробамъ ко мнѣ съ рапортомъ Тюрьморѣзова, продолжалъ командовать: —

— Пятая сотня отдѣленіями налѣво, мар-р-шъ!

Въ балкѣ вытянулся фронтъ сѣрой сотни. Люди смыкались къ серединѣ.

— Передъ нами, — кричалъ я въ затишкѣ балки, — отходитъ наша пѣхота. Смотри, чтобы ее невзначай не порубить. За нею венгерцы. У нихъ замерзли винтовки — стрѣлять не могутъ. Сгоняй въ плѣнъ. Руби непокорныхъ. Погромче гичать!.. Поняли?

— Понимаемъ, — глухо пронеслось по фронту.

— Шашки къ бою, пики на бедро!.. Первая шеренга въ лаву мар-ршъ! Вторая шеренга на пятьдесятъ шаговъ за нею!

Сотня дрогнула. Упали пики, взятыя на бедро, сотня раздалась шире и быстро стала подниматься по щекѣ балки, обтекая заводъ. Я поскакалъ за нею.

«Поскакалъ» — невѣрное слово: какъ и сотня не скакала и не шла рысью, такъ и я за нею подавался неровными скачками утопавшей въ снѣгу, храпѣвшей лошади.

Быстро прошли черезъ цѣпь стрѣлковъ.

— Свои!.. Свои!.. — бормотали солдаты. Они поворачивались и шли за казаками. Нестройный, заглушаемый воемъ вѣтра гикъ, какой-то грозно унылый, дикій, раздался изъ лавы. Стрѣлки закричали «ура».

Потомъ... Только во снѣ бываетъ подобное. Кажется, по насъ все-таки стрѣляли. Но какъ? Люди почти по поясъ въ снѣгу, сбмерзшіе, стрѣляли въ «бѣлый свѣтъ, какъ въ копѣечку»... Кого-то, все таки, въ пылу боя мы покололи и порубили. Тутъ, тамъ лежали темными кулями убитые и раненые — снѣжная вьюга ихъ сейчасъ-же заметала. Вся-же масса, подгоняемая казаками, покорно сбивалась въ колонну, отдавая ненужныя больше ружья и направляясь къ шоссе.

Маіоръ, два офицера и 176 нижнихъ чиновъ 65-го Венгерскаго пѣх. полка длинною змѣею направлялись по шоссе къ штабу дивизіи, въ Іозефовъ.

Въ затишкѣ двора винокуреннаго завода я допросилъ маіора, какъ могли они рѣшиться атаковать въ такую жестокую пургу? Совершенно замерзшій, потрясенный происшедшимъ маіоръ протягивалъ мнѣ руки въ шерстяныхъ мокрыхъ митенкахъ съ торчащими наружу распухшими малиново-бурыми пальцами. На его усталыхъ воспаленныхъ глазахъ блистали слезы. На дурномъ нѣмецкомъ языкѣ онъ разсказывалъ мнѣ:

— Пруссаки... пруссаки потребовали, чтобы мы атаковали. Имъ донесли, что никого нѣтъ, что позиція совершенно оставлена русскими. Мы пошли. Ружья не стрѣляютъ. Пока дошли до васъ, выбились изъ силъ.

Онъ показалъ, что его обмороженные пальцы никакъ не гнутся.

— Нельзя стрѣлять... Защищаться... Мы развѣ виноваты, что тутъ оказались тысячи казаковъ!

Я отпустилъ его погрѣться.

Между тѣмъ слухъ о побѣдѣ, какими то невидимыми путями распространился далеко назадъ. Сконфуженные вернулись ординарцы и трубачи.

— Мы тутъ вовсе недалече были. Такъ только отъ вьюги укрылись маленько...

Телефонисты направили линію. Я вызвалъ полкъ, написалъ донесенія, послалъ конные разъѣзды и патрули вдоль позиціи и впередъ къ Днѣстру. Пришедшая прислуга батареи откапывала изъ подъ снѣга орудія. Батальонъ венгерцевъ могъ быть авангардомъ, надо было быть готовымъ такимъ же маневромъ встрѣтить и главныя силы. Зимняя ночь спускалась на землю. Вьюга выла съ прежней силою. Насъ согрѣвала побѣда и неожиданный успѣхъ. Кругомъ была мертвая тишина. Казаки собирали ружья и сносили ихъ къ заводу.

Скажутъ: — случайность?.. счастье?..

Не воля-ли Господа Бога?! Не молитва-ли близкихъ людей?!

Дальнѣйшая судьба Есаула Тюрьморѣзова мнѣ неизвѣстна. Въ бытность мою Донскимъ Атаманомъ я видѣлъ его въ станицѣ Константиновской. Онъ жилъ въ своей хатѣ. Я былъ у него, пилъ въ садикѣ чай и мы вспоминали страшное дѣло у Незвиски 1-го марта 1915-го года и конную атаку въ метель его лихой 5-й сотни.

15. ЕСАУЛЪ ЗАХАРОВЪ

Въ январѣ 1914-го г. 6-ю сотню принялъ, прибывшій со льготы, Есаулъ Захаровъ. Это былъ очень красивый, высокій, немного полный человѣкъ, съ блѣднымъ лицомъ, оттѣненнымъ черными усами и черною бородою узкой лопатой. Когда онъ мнѣ представлялся — стѣснялся и было что-то «штатское» въ его манерѣ держаться. Но глубокіе, темные глаза смотрѣли умно и серьезно.

— Господинъ полковникъ, — сказалъ онъ мнѣ, — я давно не былъ въ строю. Я былъ учителемъ въ станичной школѣ... И потому, если что позабылъ, или у васъ тутъ новое заведено, покорнѣйше прошу научить меня и наставить.

Мнѣ не пришлось ни учить, ни наставлять Есаула Захарова. Онъ какъ-то сразу впрегся въ тяжелую лямку сотеннаго командира, учился у своихъ товарищей командировъ другихъ сотень и у своей прекрасной молодежи. Незамѣтно, безъ крутыхъ взысканій, онъ подобралъ сотню, самъ усердно занялся ѣздою — и вотъ уже сталъ радовать меня внѣшній видъ его вороной сотни, развѣдчики на экзаменѣ блистали знаніями, умѣніемъ чертить и разбираться по русскимъ и австрійскимъ картамъ, вахмистръ и взводные прониклись серьезностью и вниманіемъ къ своимъ обязанностямъ, молодецки выглядѣла 6-я сотня.

Какъ волновался Есаулъ Захаровъ передъ сотеннымъ смотромъ! Экзаменъ сотни! Годами онъ былъ старше Тапилина и Краснянскаго, какъ видно, былъ образованнѣе, глубже, замкнутѣе въ себѣ и очень самолюбивъ. Его сотня ни въ чемъ не отставала отъ лучшихъ сотень полка и онъ былъ очень удовлетворенъ.

По мобилизаціи одна сотня полка уходила въ распоряженіе штаба XIX арм. корпуса, а потомъ, впредь до прибытія казачьихъ частей 3-й очереди, къ штабу 5-й арміи.

По зрѣломъ размышленіи въ эту отвѣтственную командировку я назначилъ 6-ю сотню. И не раскаялся. Все время отъ чиновъ штаба корпуса, а потомъ штаба арміи я слышалъ только похвалы сотнѣ и ея командиру.

Въ концѣ сентября сотня вернулась къ полку. Въ маѣ 1915-го г. я получилъ 3-ю бригаду Кавказской Туземной дивизіи и покинулъ родной полкъ, а десять дней послѣ моего отъѣзда изъ полка, когда III Конный корпусъ гр Келлера, въ спѣшенномъ порядкѣ бралъ укрѣпленную австрійскую позицію у Баламутовки-Топороуца, когда 9-й Дон. каз. полкъ, имѣя во главѣ доблестнаго командира, Полковника Ивана Даниловича Попова, шашками порубилъ проволочныя загражденія и атакою овладѣлъ первыми рядами окоповъ, Есаулъ Захаровъ съ Сотникомъ Ушаковымъ, со своей 6-й сотней въ штыки бросился на австрійскую дѣйствующую батарею. Батарея была взята: Есаулъ Захаровъ и Сотникъ Ушаковъ были убиты на взятомъ ими орудіи. Блистательная смерть и великолѣпный подвигъ закончили славное командованіе сотней Есауломъ Захаровымъ.

Есаулъ Захаровъ и Сотникъ Ушаковъ удостоились посмертнаго награжденія орденами св. Георгія.

16. БОЙ ПОДЪ ХМѢЛЬНИКОМЪ 22-ГО ОКТЯБРЯ 1914-ГО ГОДА

Конно-пулеметная команда, тогда новинка въ нашей арміи, — была въ особомъ присмотрѣ и почетѣ у Начальника дивизіи, ген. Вершинина. Лучшіе люди, лучшія лошади. Командовалъ ею Подъесаулъ Ивановъ и въ ней было два офицера; Хорунжій Бѣляевъ и Хорунжій — не могу вспомнить фамилію этого доблестнаго офицера. Команда была тѣсная семья, крѣпко спаянная любовью къ своей части и желаніемъ ей успѣха во всемъ.

Когда ни придешь къ нимъ въ казарму, въ старомъ крѣпостномъ равелинѣ — всегда тамъ чистота, порядокъ и кипятъ занятія.

Какія прекрасныя мишени — панорама мѣстности — просто художественныя картины — декораціи, написалъ Ивановъ со своими офицерами масляными красками. Горы, холмы, лѣса, деревни, поля, всюду показаны цифрами разстоянія — все это было для повѣрки установки прицѣла. Всегда на полу, на разостланныхъ попонахъ лежали противъ этихъ мишеней пулеметчики и колдовали что-то по указкѣ офицера или урядника со своими пулеметами.

Весною у насъ были состязанія въ преодолѣваніи препятствій, въ рубкѣ, уколахъ пикой, стрѣльбѣ, гимнастикѣ, развѣдкѣ и т. д. На большомъ плацу былъ построенъ дощатый манежъ съ ложами и трибунами для зрителей. Есаулъ Ивановъ установилъ тамъ, посерединѣ, высокій и широкій, полутора аршинный хворостяной барьеръ, въ видѣ положенной на бокъ буквы «Х». Всѣ восемь пулеметовъ выѣхали въ манежъ на двуколкахъ, продѣлали на галопѣ красивую фигурную ѣзду, на карьерѣ выстроили фронтъ. Мгновеніе — и пулеметы уже на землѣ, прислуга лежитъ подлѣ нихъ, готовая къ дѣйствію, еще мгновеніе и вотъ пулеметы уже на вьюкахъ и скачутъ черезъ барьеры прямо, наискось, другъ противъ друга, по одному, по два, по четыре. Страшно смотрѣть, какъ прыгаютъ вьючныя лошади съ пулеметами. Какъ демоны-жабы торчатъ на нихъ пулеметы на разставленныхъ точно лапы широкихъ и низкихъ колесахъ.

Въ августѣ 1914-го г., когда обнаружился обходъ нашею 5-ю арміей австрійцевъ и непріятель передъ нами сталъ отходить, я съ полкомъ, безъ артиллеріи, преслѣдовалъ непріятеля. Австрійцы цѣплялись арьергардами за каждое дефиле, за каждую удобную позицію. Обстрѣливаемые артиллерійскимъ огнемъ, мы останавливались, спѣшивались, а иногда, зарвавшись, принуждены были откатываться. Два пулемета были временно переданы въ 3-ю Дон. каз. дивизію, я шелъ съ шестью пулеметами.

Мы шли по шоссе, передъ нами было горное дефиле, занятое австрійцами. Двѣ батареи противника держали насъ на мѣстѣ. Мы должны были отойти. Вдругъ скачетъ ко мнѣ Ивановъ.

— Господинъ полковникъ, я принужденъ былъ оставить пулеметную двуколку. Всѣ лошади перебиты шрапнельнымъ огнемъ. Противникъ стрѣляетъ, нѣтъ возможности подойти къ ней. Она брошена на шоссе, пулеметъ я взялъ на вьюкъ.

— Какъ оставили двуколку?!. Не можетъ этого быть!.. Какой позоръ!. Сейчасъ-же вернуться, вывезти двуколку. Ничего не смѣть оставлять противнику, — вскричалъ я, покраснѣвъ отъ негодованія, досады и стыда.

— Господинъ полковникъ!.

— Ничего не господинъ полковникъ!

За мною шла 4-я сотня.

— Есаулъ Тапилинъ, впередъ! Раскиньте лаву, прикройте пулеметчиковъ, пока они будутъ вывозить двуколку. Подъесаулъ Ивановъ подайте казачьихъ лошадей въ двуколку.

И самъ въ негодованіи, все забывая, поскакалъ съ Тапилинымъ.

Высоко въ небѣ рвались бѣло-желтыя шрапнели. Лава лихо пошла къ горамъ, можно было думать, что она идетъ атаковать самыя орудія. Пулеметчики съ заводными лошадьми окружили двуколку. Два раза шрап-

нель рвалась низко надъ ними и оба раза, слава Богу, позади ихъ. Только одинъ казакъ былъ легко раненъ шрапнельной пулей. Наконецъ, объамуничили лошадей и карьеромъ вывезли двуколку. Я приказалъ Тапилинской лавѣ медленно отходить.

Я не жалѣлъ, что погорячился. Это было начало войны. Крѣпко, накрѣпко въ сознаніи казаковъ засѣло: — ничего, ни мелкаго, ни крупнаго, нельзя оставлять врагу. Полкъ потомъ не бросилъ ни одного раненаго, ни одного убитаго, ни винтовки, ни штыка, ни сѣдла, ни вьюка.. На глазахъ всего полка былъ данъ показной урокъ отношенія къ казенному имуществу.

22-го окт. 1914-го г., подъ Хмѣльникомъ, 1-ая Дон. каз. дивизія нажала отступающаго противника. Въ его арьергардѣ — суматоха. Скачутъ батареи, спѣшатъ въ безпорядкѣ обозы, большія части пѣхоты идутъ толпами.

Я шелъ въ авангардѣ. Какъ на смотру я развернулъ полкъ, построилъ разомкнуто, четырьмя эшелонами для атаки на пѣхоту, пулеметы на вьюкахъ шли позади. Мы пошли полевымъ галопомъ на пѣхоту прикрытія. Я скакалъ впереди полка. Меня удивило спокойствіе прикрытія. Они не только не стали ускорять отхода, но, напротивъ, остановились въ тѣсномъ, сомкнутомъ строю, вѣроятно, двухъ полковъ, позади небольшой деревни. Мы прошли деревню. Три австрійскія батареи открыли по насъ огонь. Шрапнели стали рваться надъ атакующимъ полкомъ. Едва я выскочилъ за деревню все стало ясно. Тотъ оврагъ, который такъ невинно выглядѣлъ на картѣ, оказался глубокой балкой со столь отвѣсными берегами, что образовался какъ бы естественный крѣпостной ровъ, который проходить въ конномъ строю можно было только шагомъ. За нимъ насъ ожидала австрійская пѣхотная бригада, готовая встрѣтить насъ батальнымъ огнемъ.

Это было одно мгновеніе. Я понялъ, что все будетъ зависѣть отъ моего спокойствія и выучки полка. Въ полкѣ я не сомнѣвался. Я приказалъ трубачамъ трубить отступленіе.

— «Стройно, чинно отступайте и другъ друга подкрѣпляйте», — въ двѣ трубы раздался сигналъ.

Полкъ, какъ на ученьи повернулъ назадъ. Австрійцы поняли мой маневръ и открыли бѣшеный огонь изъ винтовокъ. Я послалъ ординарцевъ по сотнямъ передать приказаніе отскочить за дома деревни и тамъ спѣшиться для атаки въ спѣшенномъ порядкѣ. Трубачамъ приказалъ играть сигналъ «вызовъ батареи на позицію» и «карьеръ».

Удивительно красивый этотъ сигналъ, какой-то торжественный, раздался въ осеннемъ воздухѣ, и вихремъ навстрѣчу пулямъ вылетѣли всѣ восемь пулеметовъ. Австрійскія пули перестали падать вокругъ насъ. Наши пулеметы строчили бѣшеную строчку, пѣхота противника подалась назадъ, батареи снялись съ позиціи и все перешло въ отступленіе. У меня было ранено два пулеметчика и нѣсколько казаковъ сотень. Мои цѣпи стремительно спускались въ оврагъ. Черезъ ихъ головы били пулеметы. Австрійцы бросились бѣжать. Главная добыча досталась 15-му Донскому каз. ген. Краснова I-го полку, который былъ брошенъ въ преслѣдованіе по главному шоссе черезъ мостъ Начальникомъ дивизіи, ген. Чоглоковымъ, моему-же полку досталось только то, что не успѣло уйдти, пока мы перелѣзали черезъ оврагъ: — одинъ вполнѣ исправный автомобиль, 8 повозокъ, 4 зарядныхъ арт. ящика и 50 плѣнныхъ.

Спасеніе полка и побѣда были выиграны пулеметами Подъесаула Иванова.

Сейчасъ, сколько мнѣ извѣстно, доблестный начальникъ нашей конно-пулеметной команды находится во Франціи и работаетъ на заводѣ.

17. ПОЛКОВОЙ АДЪЮТАНТЪ К. П. БОЧАРОВЪ.

Полковой адъютантъ... По не писаному уставу — полковой командиръ командуетъ полкомъ, а полк. адъютантъ командуетъ командиромъ полка. Подготовить бумаги, во время доложить — подъ горячую руку — къ разносу, подъ добрую — къ помилованію, поднести готовый приказъ — такъ постепенно въ заботливыя, бархатныя руки адъютанта попадаетъ ком. полка, и уже трудно ему что нибудь рѣшить безъ своего постояннаго совѣтчика и докладчика. Вездѣ командиръ полка ищетъ совѣта, подсказки, указанія своего адъютанта. Адъютантъ начинаетъ фактически командовать полкомъ.

По счастью въ моей службѣ былъ шестилѣтній стажъ то временнаго, то дѣйствительнаго бытія полковымъ адъютантомъ при трехъ различныхъ командирахъ Атаманскаго полка. И вышло у насъ, что «дока на доку напалъ».

Константинъ Помпеевичъ Бочаровъ былъ и точно дока. Канцелярія была налажена, трубачи и писаря подтянуты, бумаги не задерживались. Работать съ нимъ было легко, онъ сразу и какъ то весело призналъ мои «адъютантскія» познанія и позволилъ мнѣ самому командовать и собою и полкомъ.

Онъ былъ молодымъ вдовцомъ, и это вдовство наложило на него печать серьезности, вдумчивости, легкой грусти, безразличія къ опасностямъ на войнѣ. Онъ былъ кореннымъ, съ молодыхъ лѣтъ, офицеромъ 10-го полка и жителемъ Замостья, онъ безпристрастно и честно, безъ всякаго лицепріятія давалъ характеристики офицерамъ, помогалъ мнѣ разобраться въ обстановкѣ жизни въ Польшѣ, а тутъ было не меньше особенностей, чѣмъ въ Центральной Азіи, откуда я пріѣхалъ. Онъ съумѣлъ себя такъ поставить, что мѣстное населеніе, на три четверти еврейское, любило и уважало его. Если я къ этому прибавлю, что онъ, какъ рѣдко кто, разбирался по картѣ и ріентировался, какъ днемъ такъ и ночью, то станетъ понятно, какого золотого помощника и заботливаго друга я нашелъ въ лицѣ своего полкового адъютанта — Бочарова.

На войнѣ, когда мѣсяцами приходилось дѣйствовать на широкомъ фронтѣ, наша штабная компанія — Иванъ Николаевичъ Фарафоновъ, адъютантъ Бочаровъ, начальникъ связи, семь урядниковъ ординарцевъ, штабъ-трубачъ и его помощникъ, наши вѣстовые — составили маленькую, но очень тѣсную подлинную семью. Спали всѣ въ одной халупѣ, а то и просто подъ открытымъ небомъ, питались чѣмъ Богъ послалъ и шли то впер[illegible] полка, то назади.

На ночлегѣ, бывало, пишешь въ полевой книжкѣ съ вкладными листами приказъ полку, а за стѣною слышишь на дворѣ безпокойный голосъ Бочарова: —

— Панъ... а панъ!.. Яки е? Сладкое млеко е?

И печальный отвѣтъ:

— Ни, панъ, вшистко знищено!.. Нема ничого.

— Ты не бойся, панъ, за все заплатимъ...

По при-Санскимъ полямъ и холмамъ гнали мы въ августѣ австрійцевъ. Брали плѣнныхъ и разсыпались сотенными лавами верстъ на двѣнадцать. Поля, перелѣски, рощицы, отдѣльныя фермы, большіе стодолы. Откроешь двери халупы — а тамъ штабелями мертвецы — австрійскій пріемный покой былъ, уходили, не успѣли похоронить. Смердятъ — ночевать нельзя. Тамъ гонятъ плѣнныхъ, тамъ сами идутъ сдаваться... «Братушки Русы», — спрашиваютъ дозорныхъ казаковъ, — «гдѣ Русскій плѣнъ?».

Послѣ жестокихъ Комаровскихъ боевъ, наступила передышка и не слышно о потеряхъ съ нашей стороны. Только плѣнные и добыча: обозы, склады, пулеметы, винтовки...

Ѣду я со своимъ «штабомъ» лугомъ подъ горку. Передъ нами сквозь лѣса прошумѣли сотни, разсыпались на широкомъ фронтѣ, точно сѣть закинули въ морѣ лѣсовъ. Вдругъ изъ зеленой рощи показывается полурота австрійской пѣхоты, человѣкъ

шестьдесятъ. Увидали насъ, остановились, засуетились съ ружьями, стрѣлять по насъ хотятъ.

— Г-нъ полковникъ, разрѣшите съ ординарцами атаковать, въ плѣнъ забрать?!

— Съ Богомъ, Константинъ Помпеевичъ, валяйте!..

Бочаровъ съ ординарцами, вѣстовыми и трубачами поскакалъ подъ гору по зеленому лугу. Заиграла подо мною моя «Гризетка». Я поскакалъ за ними.

Ведутъ навстрѣчу плѣнныхъ. И не сопротивлялись.

Румяный урядникъ, ординарецъ 2-й сотни, широко улыбается.

— И не дрались, ваше высокоблагодоріе, а то порубить бы охота.

И мрачный басъ Фарафонова:

— Эхъ ты!.. Порубить?! Ему, чай, тоже жить-то охота!

И на войнѣ не всегда — драма, бываетъ и полегче.

Въ февралѣ 1915 года Константинъ Помпеевичъ доблестно командовалъ у меня 2-ю сотней. Послѣ революціи, когда я командовалъ Ш Коннымъ корпусомъ въ походѣ на Петроградъ, я засталъ его командиромъ 10-го Донского полка.

Потомъ слыхалъ о немъ, что онъ въ Болгаріи, въ нищетѣ, тоскуетъ по родной землѣ, мятется, не знаетъ, что дѣлать. Разметала насъ злая судьбина по всему свѣту, какъ осенніе листья зимняя буря.

Вспоминая доблестныхъ своихъ соратниковъ и дѣла, ими совершенныя я не говорилъ о потеряхъ полка... «А объ убитыхъ и раненыхъ будетъ домашній счетъ», — училъ насъ нашъ несравненный Донской герой гр. Платовъ. Потери были очень большія. Къ веснѣ 1915-го года болѣе двухъ третей полка была молодежь изъ командъ пополненія. Полкъ перемѣнилъ свой внѣшній видъ. Но духъ полка остался все тотъ же. Онъ остался и въ загадочномъ походѣ 10-го Донского каз. полка подъ командой Войск. Стар. Голубова съ большевиками противъ атамана Каледина на Новочеркасскъ. Какой бѣсъ ихъ тогда попуталъ?!. Какъ проклинали ихъ тогда, какъ презирали! Пришли въ Новочеркасскъ и заняли караулами соборъ, женскій институтъ, гимназію, войсковой музей — не дали надругаться большевикамъ надъ святынями, опозорить своихъ сестеръ, сохранили войсковыя регаліи. Смятенъ былъ ихъ умъ, но что то оставалось въ кровавомъ кошмарѣ, охватившемъ ихъ въ эти ужасные дни.

Во дни освобожденія Дона 10-й Донской каз. полкъ послужилъ основаніемъ для знаменитаго своими побѣдами надъ большевиками Гундоровскаго каз. полка.

18. СБЛИЖЕНІЕ СЪ КАЗАКАМИ ПОЛКА

Моя спайка съ полкомъ, взаимное уваженіе, довѣріе, а потомъ и любовь дались мнѣ далеко не сразу. И много соли пришлось вмѣстѣ съѣсть и много обидъ и огорченій было съ обѣихъ сторонъ, безсонныхъ у меня ночей, тревогъ и заботъ прежде, чѣмъ создалось то стройное зданіе 10-го полка, о которомъ и противникъ отзывался съ большимъ уваженіемъ. Такъ, Командующій 4-й Австро-Венгерской арміей ген. Ауфенбергъ пишетъ о боѣ подъ Рабинувкой, гдѣ противъ него дѣйствовали 10-й Донской каз. полкъ, нѣсколько сотень 13-го и 15-го полковъ, 2 эскадрона Л. Гв. Гродненскаго гус. полка и 7-ая Донская каз. батарея, бывшіе подъ моимъ начальствомъ:

... «Къ сожалѣнію, 2/15-го августа не было счастливымъ днемъ. При своемъ движеніи на Томашовъ Витманъ (начальникъ 6-й Австро-Венгерской кав. дивизіи) встрѣтилъ уланъ и казаковъ, которые сначала были приняты за пѣхоту, такъ какъ они въ спѣшенномъ строю занимали лѣса (Ауфенбергъ называетъ Гродненскихъ гусаръ ошибочно уланами). Сразу-же въ этомъ первомъ столкновеніи выявилось громадное различіе обученія каждой изъ сторонъ и не въ нашу пользу, ибо до атаки дѣло дойти не могло.

Наша кавалерія не нашла въ лѣсистой и съ малымъ кругозоромъ мѣстности, подходящаго поля дѣйствія, не смогла использовать свою артиллерію и, повидимому, потеряла связь со своей пѣхотой. Послѣдняя вела наступленіе самостоятельно, во время котораго командиръ полка (89-го пѣхотнаго) баронъ Хальзкаузенъ палъ, находясь въ боевой линіи. Кромѣ того, пѣхота Дейтчмейстера попала подъ хорошо направленный атриллерійскій огонь, изъ зоны котораго она не могла быстро выйти. Такъ совершенно неудовлетворительно кончилось первое боевое дѣло. Уже вечеромъ прибылъ въ штабъ офицеръ генеральнаго штаба Аугенцейгеръ, который изложилъ ходъ дѣла. Не смотря на небольшое хвастовство докладчика, можно было заключить, что, во всякомъ случаѣ, Русскіе внушали къ себѣ большое уваженіе. Въ особенности импонировала въ малыхъ столкновеніяхъ пика, а такъ же ловкость казаковъ»*)...

Легче далось мнѣ овладѣніе душами рядовыхъ казаковъ. То, что такъ быстро, безшумно, а, главное, безъ всякаго скандала и огласки, были ликвидированы денежныя недоразумѣнія съ сотенными командирами и что наиболѣе виновный былъ безъ пощады удаленъ изъ полка — сразу поставило меня въ довѣрчивыя отношенія съ казаками полка.

— Справедливый командиръ... Онъ полагаемое даетъ... Тянетъ насъ, а того, чтобы себѣ взять чего отъ казака — этого не допуститъ.

Приспособленіемъ нашей гвардейской пищевой раскладки къ армейскому довольствію быстро удалось улучшить пищу казаковъ. По соглашенію съ интендантствомъ я сталъ получать нѣсколько разъ въ недѣлю бѣлую муку, вмѣсто ржаной — появился у насъ бѣлый пшеничный хлѣбъ, къ какому казаки привыкли съ дома. Начальникъ дивизіи и интендантство охотно шли навстрѣчу моимъ просьбамъ и докладамъ. Брюхо играетъ большую роль въ жизни человѣка, большую, чѣмъ мы предполагаемъ, а, когда оно стало сытно и вкусно накормлено, — отношенія стали и еще улучшаться.

Маленькая заминка вышла съ овсомъ. Казачьей лошади полагалось 10 ф. 32 з. овса въ день. Казакъ и смотрѣлъ на эту дачу, какъ на свою собственность. «Давай полагаемое — оно мое!». Между тѣмъ иная лошадь и этой дачи, особенно, сначала не выѣдала, а другой и 12 фунт. было мало. Я завелъ, какъ это дѣлается вездѣ въ кавалеріи, нормировку овсяной дачи такимъ образомъ, чтобы выравнять тѣла. Зналъ, что это вызоветъ неудовольствіе, можетъ быть, ропотъ, жалобы и доносы. Но до ропота не дошло. Казаки скоро поняли, что я не себѣ беру этотъ овесъ, не «экономію» создаю за ихъ счетъ, но тутъ-же въ сотнѣ скармливаю этотъ овесъ худымъ лошадямъ и успокоились. Помогли и вахмистры, и урядники. Это имъ приходилось выслушивать отъ меня «кислыя» слова и угрозы спороть нашивки за худыхъ лошадей.

Но окончательно рядовая казачья масса была покорена самымъ, казалось бы, пустымъ обстоятельствомъ.

Вскорѣ послѣ принятія мною полка въ Замостскомъ лазаретѣ умеръ отъ воспаленія легкихъ казакъ. По уставу гарнизонной службы требовалось назначить отдѣленіе (въ кавалеріи понималось буквально — т. е. 6 человѣкъ) для сопровожденія тѣла. Такъ тутъ всегда и дѣлалось. Но въ гвардіи мы всѣ съ молодыхъ лѣтъ были подъ впечатлѣніемъ прекраснаго трогательнаго стихотворенія К. Р.

... «Умеръ, бѣдняга, въ больницѣ военной
И не велѣлъ долго жить»...

Въ нарушеніе устава, мы въ гвардіи хоронили рядового солдата, какъ своего полкового товарища, со всѣмъ возможнымъ почетомъ и вниманіемъ къ усопшему.

Я переговорилъ съ гарнизоннымъ священникомъ, отцомъ Бекаревичемъ. Тѣло казака привезли въ церковь наканунѣ по-

*) Ген. Н. Н. Головинъ. Изъ исторіи кампаніи 1914-го года на Русскомъ фронтѣ. Галиційская битва. Стр. 92.

гребенія, служили панихиду, въ день похоронъ была отслужена заупокойная литургія и отпѣваніе. За гробомъ были наряжены хоръ трубачей и взводъ 16ти рядняго состава. Занятія въ полку были отмѣнены. Весь полкъ пришелъ проститься съ покойникомъ. Были вѣнки отъ его товарищей, одностаничниковъ, отъ сотни, отъ офицеровъ полка и особо отъ меня. Хоронили по войсковому обычаю. Впереди несли большой намогильный крестъ, потомъ крышку гроба, потомъ покойника въ открытомъ гробу, за нимъ ѣхали дроги, вели коня, потомъ шли трубачи, взводъ караула, затѣмъ сотня, гдѣ служилъ покойный и товарищи изъ другихъ сотень. Всѣ офицеры и я были на похоронахъ.

От. Бекаревичъ потомъ мнѣ говорилъ:

— Хорошо вы это сдѣлали, Петръ Николаевичъ, очень вы этимъ утѣшили казаковъ. Раньше все такъ бывало мизерно, просто обидно было хоронить казаковъ. А теперь все... и трубачи... И вѣнокъ вашъ. Фотографію похоронъ снимали, въ станицу послали, вотъ, молъ, какъ у насъ хоронятъ... Съ поче-етомъ... Вдовѣ и матери на утѣшеніе...

Такъ оно и вышло — теперь казаки были со мною до самого моего съ ними разставанія.

19. ОТНОШЕНІЯ СЪ ОФИЦЕРАМИ

Гораздо труднѣе было съ офицерами. Прежде всего, какъ это ни грустно, но надо признать, что въ арміи былъ антагонизмъ между ея частями. ... «Изъ гвардіи!..». «Третій командиръ полка въ дивизіи изъ гвардіи!!»... «Что-же въ арміи развѣ наши хуже?..» ... «Изъ школы!.. Мудритъ... Въ рукахъ какъ то работать лошадей заставилъ... Офицерская ѣзда каждый Божій день... На чистку ходи!.. Покоя нѣтъ... И обращеніе... Не по имени отчеству, а «хорунжій такой-то», «сотникъ такой-то...».

Такъ уже повелось, что какой-бы прошлый командиръ ни былъ — онъ хорошъ. «Что прошло — то будетъ мило»... Новый же никуда не годится. Мой предшественникъ, генеральнаго штаба полк. Лащилинъ, и точно былъ прекраснѣйшимъ человѣкомъ. Онъ командовалъ полкомъ «на цензъ», любилъ семью, карты, собраніе, мирную бесѣду и, главное, чтобы «все по хорошему», безъ обиды.

У меня же — всякая вина виновата. Казакъ провинился, а его вина на командирѣ сотни взыскана. Всякая мелочь попадаетъ въ приказъ, задѣваетъ самолюбіе.

Началась борьба.

Сначала ждали, сжимаясь. «Новая метла». Подождемъ — ошарпается. А «новая метла» нажимала все сильнѣе, все туже.

Первое столкновеніе не замедлило произойдти.

Я былъ очень занятъ. Пріемъ полка, налаживаніе по новому занятій, необходимые и неизбѣжные визиты чинамъ всего гарнизона отнимали все мое время и не удавалось поговорить съ офицерами и дойти до «точки».

Между тѣмъ наступили праздники Рождества Христова. Въ офицерскомъ собраніи для дѣтей зажжена была елка, молодыя дамы и барышни танцовали, трубачи играли — все шло по хорошему.

На Крещенье, 6-го января, на рѣкѣ Лабунькѣ была приготовлена крестообразная прорубь для водосвятія. Мы были въ Холмской епархіи архіепископа Евлогія. Епархія была сложная и трудная — тутъ и воинствующіе, поддержанные богатыми помѣщиками католики, и придавленные, угнетенные уніаты и православные, которымъ отъ Владыки былъ данъ приказъ высоко держать знамя Православія. Водосвятіе должно было сопровождаться большой церемоніей, съ пушечной пальбой. Оба казачьихъ полка должны были стать шпалерами отъ церкви до рѣки, а потомъ участвовать въ парадѣ.

Я былъ въ церкви. Къ концу обѣдни полк. Хорошиловъ долженъ былъ построить полкъ и приготовиться для встрѣчи крестнаго хода. Послѣ «Отче Нашъ» я вышелъ изъ церк-

ви, чтобы осмотрѣть полкъ и поздороваться съ казаками.

Былъ порядочный «Крещенскій» морозъ. Длинныя шеренги сотень въ новыхъ шинеляхъ, въ папахахъ съ алыми тумаками и начерненныхъ ремняхъ амуниціи подъ яркимъ солнцемъ и голубымъ Замостскимъ небомъ, — а оно, по отзывамъ о. Бекаревича, Ниццскому не уступитъ, — выглядѣли прекрасно. Но передъ взводами никого. «Смирно» мнѣ скомандовалъ вахмистръ 1-й сотни.

— Гдѣ господа офицеры?..

— Ушли въ собраніе, ваше высокоблагородіе, погрѣться.

Мнѣ очень трудно было въ присутствіи казаковъ сдержаться и ничего не сказать. Я послалъ сопровождавшаго меня дежурнаго по полку за офицерами, а самъ пошелъ вдоль полка. Ни одного офицера не было ни въ полкахъ, ни въ батареѣ. Очевидно это «такъ и полагалось».

По окончаніи церемоніи, когда сотни расходились по казармамъ, я приказалъ офицерамъ собраться въ полковой артели и построиться по сотнямъ. И былъ «разносъ» въ холодной, очень вѣжливой, очень корректной, и потому наиболѣе обидной и непріятной формѣ съ напоминаніемъ о святости строя, о долгѣ офицера быть всегда при своей части и никуда не отлучаться отъ команды, словомъ, было сказано все, что полагается въ такихъ случаяхъ сказать. Послѣ парада предполагался общій завтракъ, я сухо поблагодарилъ пригласившаго меня старшаго полковника и ушелъ къ себѣ.

Ледъ установился между мною и г. г. офицерами. Я зналъ, что меня въ полной мѣрѣ оправдывалъ только Иванъ Николаевичъ Фарафоновъ, да заступался за меня, впрочемъ только по обязанности полкового адъютанта, Бочаровъ, да они двое и ближе узнали меня за этотъ первый мѣсяцъ моего командованія полкомъ.

Но это прохладное отношеніе не только не смутило меня — оно во многомъ мнѣ помогло. Я устанавливалъ новое расписаніе занятій — каждую недѣлю у меня одинъ день, и зимою, посвящался маневру въ полѣ. Одну недѣлю маневръ былъ дневной — выступали со свѣтомъ, возвращались къ ночи, другую недѣлю маневръ былъ ночной, выступали передъ сумерками, возвращались къ разсвѣту. Я завелъ, кромѣ того, спеціальныя ночныя занятія для команды связи, съ развѣдчиками, а иногда и цѣлыми сотнями. Если не было общаго коннаго ученія, то обязательно бывала офицерская ѣзда, или въ манежѣ (открытомъ, конечно) или въ полѣ, разъ въ недѣлю бывала стрѣльба офицеровъ изъ винтовокъ или револьверовъ, причемъ я постоянно напоминалъ, что въ Сибирскомъ каз. полку, которымъ я командовалъ, эта стрѣльба неизмѣнно давала полные сто процентовъ, моя мишень была тому наглядным доказательствомъ — 5 пуль изъ винтовки, 7 изъ Нагана всегда лежали въ ней кучно и близко къ центру. Для младшихъ офицеровъ была три раза въ недѣлю по вечерамъ гимнастика и фехтованіе, ну и, конечно, были и тактическія занятія, очень скоро вылившіяся въ захватывающую военную игру на той самой мѣстности — кто тогда могъ о томъ подозрѣвать!.. — гдѣ черезъ полгода пришлось играть уже со смертью.

Слѣдуя духу тогдашняго «передъ военнаго» времени, я упразднилъ въ офицерскомъ собраніи буфетную стойку, уничтожилъ продажу водки и вина и замѣнилъ ихъ квасами и фруктовыми водами. Такая мѣра на моихъ глазахъ была проведена въ Офицерской Стрѣлковой школѣ ея начальникомъ, ген. Розеншильдъ-Паулинымъ, и дала благіе результаты. Здѣсь, у меня, эту мѣру оцѣнили сразу только полковыя дамы, бюджетъ которыхъ увеличился почти вдвое.

Проводить все это при прохладномъ ко мнѣ отношеніи г. г. офицеровъ было легче. Никто не пытался меня убѣждать, отговаривать, доказывать, что «это невозможно», сло вомъ, дѣлать все то, что полагается дѣлать съ «хорошимъ человѣкомъ». Я сразу попалъ въ плохіе, непріятные, неудобопереносимые начальники, можетъ быть и хуже ругали меня еще за глаза мои «господа» — но все воспринималось покорно и безъ возраженій.

— Слушаюсь, господинъ полковникъ!..

— Будетъ исполнено, господинъ полковникъ!..

— Какъ прикажете, господинъ полковникъ!..

«Господину полковнику» провести всѣ эти очень тяжелыя и трудныя мѣропріятія было много легче, чѣмъ «Петру Николаевичу» — отцу командиру, душѣ общества.

Ледъ, однако, началъ постепенно таять. Когда тугоуздныя, дурноѣзжія, не идущія на препятствія офицерскія лошади, послѣ работы по Школьной системѣ начали становиться мягкими на поводъ, послушными и стали прекрасно прыгать — офицеры послѣ ѣзды не расходились молча, но подходили ко мнѣ, спрашивали совѣта, указаній, распрашивали о школьной работѣ, или смотрѣли, какъ я работалъ свою лошадь и, какъ мягко ходила она у меня на уздечкѣ, дѣлая высшую школу.

Еще подался и сталъ мягче ледъ послѣ слѣдующаго случая. Однажды, послѣ гимнастики меня обступила молодежь и лучшіе мои гимнасты хорунжіе Шляхтинъ, Протопоповъ, Тропинъ и Бѣляевъ стали говорить о томъ, что они готовятъ «шикарный» гимнастическій номеръ къ нашимъ «конкурсамъ» и что хорошо было-бы показать этотъ номеръ въ гимнастическихъ фуфайкахъ съ вышитыми гербами, легкихъ панталонахъ (то гда еще не было безстыдной моды ходить въ трусикахъ) и башмакахъ.

Я имъ ничего не сказалъ и не обѣщалъ, но, придя въ канцелярію, гдѣ ярко горѣли лампы надъ столами Фарафонова, адъютанта и дѣлопроизводителя, гдѣ было свѣтло, тепло и какъ то озабоченно, не сѣлъ за свой командирскій столъ, а, пока адъютантъ зажигалъ мнѣ лампу, подсѣлъ къ хозяйственнымъ столамъ.

— Иванъ Николаевичъ, — сказалъ я Фарафонову, — не выйдемъ мы изъ смѣты, если закажемъ на всю нашу офицерскую молодежь гимнастическіе костюмы?

— А вотъ, посмотримъ, — сурово сказалъ мой помощникъ. Онъ выглядѣлъ въ очкахъ особенно неприступнымъ и серьезнымъ. — Дайте-ка мнѣ, — кинулъ онъ въ писарскую комнату, — каталоги, что прислали намедни изъ Варшавы.

Какъ я и зналъ, полкъ могъ дать мнѣ эти нѣсколько десятковъ рублей.

Тутъ уже присталъ ко мнѣ адъютантъ, чтобы для такого случая я разрѣшилъ всѣмъ хорнымъ трубачамъ нашить наплечники, бѣлые съ алою строчкой. Это было совсѣмъ незаконно. Штатнаго хора полку не полагалось, а нештатнымъ трубачамъ, естественно, нельзя было носить наплечники. Я разрѣшилъ — это-же почти ничего не стоило. Тогда адъютантъ сталъ просить, чтобы были куплены фанфары...

— Господинъ полковникъ, уже, пожалуйста, съ синими бархатными подвѣсками, съ вышитыми серебромъ цифрами «10» и съ серебряной бахромой.

Дѣло въ томъ, что въ 9-мъ Донскомъ казачьемъ полку такіе фанфары съ подвѣсками уже были.

Фарафоновъ пощелкалъ на счетахъ.

— Что-же, — суровымъ басомъ сказалъ онъ, — можно купить и фанфары... Съ подвѣсками... Денегъ хватитъ.

— Пошлите-ка, Константинъ Помпеевичъ, — сказалъ я, — за Хорунжимъ Шляхтинымъ.

На другой день Хорунжій Шляхтинъ поѣхалъ въ командировку въ Варшаву, а дня черезъ три у насъ гимнасты одѣлись въ костюмы, а трубачи начали разучивать фанфарные марши.

Какъ ошибаются тѣ, кто думаетъ, что, обряжая армію въ уныло сѣрый цвѣтъ, лишая ее всякихъ отличій, именъ, званій, шефовъ, пестроты красокъ онъ слѣдуетъ духу времени — примѣненіе къ мѣстности!.. защитный цвѣтъ!.. Онъ только угашаетъ живой духъ, мертвитъ армію... Въ унылой безпросвѣтно-скучной жизни глухого мѣстечка, вдали отъ желѣзной дороги, гдѣ нѣтъ никакихъ развлеченій, сколько радости доставляетъ всякая мелочь, выдѣляющая насъ отъ другихъ.

— Въ 10-мъ полку фанфары!.. Съ подвѣска-ами!

— Въ 10-мъ полку офицеры гимнастику дѣлаютъ. Да ка-а-къ!.. Въ костюмахъ!..

— Въ 10-мъ полку трубачи наплечники надѣли. Кр-р-расиво какъ!..

Объ этомъ говоритъ весь гарнизонъ. Объ этомъ щебечутъ барышни, генеральскія дочки Поляковы, объ этомъ сказала сама Зинаида Алексѣевна Вершинина, дочь Начальника дивизіи. Объ этомъ на перемѣнахъ говорятъ гимназистки и гимназисты, объ этомъ говорятъ всѣ евреи мѣстечка и валомъ валятъ къ гарнизонному саду смотрѣть, какъ будутъ играть трубачи съ наплечниками и съ фанфарами съ подвѣсками...

Ледъ сильно подался.

Онъ подался еще сильнѣе, когда въ неизбѣжныхъ столкновеніяхъ между чинами полка и еврейскимъ населеніемъ командиръ полка круто сталъ на сторону офицеровъ и казаковъ, и были сказаны, а потомъ и подтверждены приказомъ «сакраментальныя» слова: — «званіе казака-солдата высоко и почетно. Самъ Государь Императоръ носитъ это высокое воинское званіе. Предписываю беречь его. Казакъ обязанъ уступать дорогу женщинѣ, ребенку и старику, какого-бы званія они ни были, хотя-бы — нищіе. Всѣ прочіе должны давать дорогу казаку»...

Дѣло въ томъ, что послѣ безпорядковъ 1905-го года еврейское населеніе обнаглѣло, начальство-же, не получая поддержки сверху, растерялось и во всякомъ столкновеніи между «штатскими» и «военными» — всегда попадало военному, какъ легко достижимому дисциплинарной рукѣ начальника.

Столкновенія были часты. Они почти всегда носили вызывающій, теперь сказали-бы — «провокаціонный» характеръ. Приведу примѣръ. Офицеръ, уже не помню кто именно, но помню, что кто-то изъ самыхъ смирныхъ и скромныхъ сотниковъ, велъ взводъ мимо мужской гимназіи. Взводъ шелъ строемъ по шести, только что подсчитали ногу и ее четко отбивали по мостовой. Великовозрастный гимназистъ-еврей, сынъ, кажется, городского головы, или кого то другого, словомъ сынъ кого-то богатого, а потому считавшій, что ему все позволено, подстрекаемый своими товарищами, ворвался въ ряды казаковъ, чтобы черезъ нихъ перейдти на другую сторону улицы.

Мы учили всегда — фронтъ святое мѣсто, фронтъ — мѣсто, куда посторонній не можетъ залѣзать. Еврею дали по загривку такъ, что онъ турманомъ вылетѣлъ изъ фронта.

Это было часовъ въ 10 утра. Отъ 12 до 1 ч. у насъ была офицерская стрѣльба изъ револьверовъ. Мы стрѣляли въ старомъ крѣпостномъ валу подъ штабомъ дивизіи. Я только что выпустилъ свои семь пуль, какъ оружейникъ, выдававшій патроны, доложилъ мнѣ, что какіе-то «господа жиды» желаютъ меня видѣть.

— Скажи имъ, что я отъ 2-хъ часовъ буду въ канцеляріи и тамъ приму ихъ.

— Я имъ уже резонилъ это, ваше высокоблагородіе, да они дюжа наступаютъ и они уже здѣсь.

Я обернулся отъ — «линіи огня» — и точно три почтенныхъ іудея направлялись ко мнѣ на самую линію огня.

— Господа, — оказалъ я имъ, — на стрѣльбище постороннимъ лицамъ ходить не разрѣшается.

— Господинъ полковникъ, мы къ вамъ съ жалобой... На вопіющій, возмутительный поступокъ, на звѣрское поведеніе вашихъ офицеровъ, избившихъ сына господина...

— Очень хорошо... Вы мнѣ все это скажете въ канцеляріи, а сейчасъ потрудитесь удалиться со стрѣльбища.

Они, ворча что то подъ носъ, ушли. Ко мнѣ въ канцелярію они не заявлялись, но вечеромъ я былъ вызванъ къ Начальнику дивизіи. На меня уже была подана жалоба, скрѣпленная многими подписями на то, что я допустилъ избіеніе казаками сына такого-то и что, когда ко мнѣ пришли съ жалобой на это я, «угрожая револьверомъ», прогналъ жалобщиковъ.

Медицинскій осмотръ, произведенный частнымъ врачомъ, не подтвердилъ того, что гимназистъ былъ избитъ, на немъ и синяковъ не оказалось. Что касается до угрозъ револьверомъ, то, ихъ конечно, не было,

ибо я знаю, какъ надо держать револьверъ, когда онъ въ рукахъ и хотя-бы и не заряженъ. Все это я сказалъ Начальнику дивизіи.

— Все это такъ, Петръ Николаевичъ, но у васъ былъ револьверъ въ рукахъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство, — былъ. Я былъ на стрѣльбищѣ и только что кончилъ стрѣлять. Револьверы были у всѣхъ офицеровъ.

— Ну вотъ видите... Что вы думаете дѣлать съ офицеромъ, который велъ взводъ и съ казаками?

— Отдамъ въ приказѣ благодарность за сознательное ощущеніе святости воинскаго строя.

— Ахъ, Петръ Николаевичъ!.. Оставьте всѣ эти идеальные взгляды. Не въ такое время мы живемъ... Я васъ понимаю, но поймите и вы меня. Я усталъ съ вами возиться... Я самъ ничего предпринимать не буду. Но я пошлю жалобу по командѣ. На обоихъ Лазаревыхъ съ субботы лежатъ жалобы... Управляющій имѣніемъ графовъ Замойскихъ жаловался уже прямо на васъ...

— Этотъ-то на что?.

— Вы ѣздили съ офицерами по графскимъ лѣсамъ?

— Да, ѣздилъ... Позапрошлый четвергъ... Я дѣлалъ полевую ѣзду. Былъ глубокій снѣгъ и мы ничего не могли потоптать.

— Управляющій говорилъ, что вы могли потоптать молодыя посадки.

— Я видѣлъ посадки и мы ихъ объѣхали.

— Управляющій и не говоритъ, что вы ихъ потоптали, онъ сказалъ, что вы ихъ могли потоптать. Я послалъ жалобу въ штабъ корпуса.

Я зналъ, что у Начальника дивизіи опасно больна жена и самъ онъ очень страдалъ отъ тяжкой хронической болѣзни и уже подалъ прошеніе объ отставкѣ. Я понималъ, что ему не легко, но сотнику, ведшему взводъ и казакамъ я отдалъ благодарность въ приказѣ и напомнилъ о святости фронта и о нашей обязанности этотъ фронтъ защищать отъ всякихъ посягательствъ.

Ледъ окончательно подался, но растаялъ онъ совершенно лишь въ февралѣ, когда полкъ праздновалъ 100-лѣтній юбилей своего существованія.

20. «РАЗНОСЪ» КОМАНДИРА КОРПУСА

Въ январѣ 1914-го г. въ Варшавѣ скончался Командующій войсками Варшавскаго воен. округа Генералъ-Адъютантъ Скалонъ. Отъ всѣхъ частей округа ко гробу покойнаго возлагались вѣнки и были посланы депутаціи въ составѣ командира полка, старшаго ротнаго (сотеннаго) командира, полкового адъютанта, вахмистра, урядника и казака. Я поѣхалъ въ Варшаву.

Не помню точно, въ какой гостинницѣ мы останавливались, но помню, что тамъ-же стоялъ и командиръ XIX арм. корпуса генералъ-лейтенантъ Саранчовъ и начальникъ штаба корпуса генералъ маіоръ Асмусъ.

Такъ какъ я еще не представлялся командиру корпуса по случаю принятія полка, я спросилъ генерала Асмуса, когда я могу явиться генералу Саранчову. Мнѣ было указано въ 6 час. вечера того-же дня.

Въ назначенное время я въ парадной формѣ, въ эполетахъ, при орденахъ, направился по корридору гостинницы къ номеру командира корпуса. Генералъ Асмусъ ожидалъ меня у дверей.

— Ну, батюшка мой, — сказалъ онъ мнѣ — не завидую я вамъ. Жесточайшій разносъ васъ ожидаетъ, да еще какъ бы не съ послѣдствіями. У генерала на столѣ вотъ этакая — Асмусъ показалъ рукою на полъ-аршина — куча жалобъ еврейскихъ на васъ. А генералъ этого терпѣть не можетъ. Просмотрѣлъ и сказалъ — во всемъ виноватъ командиръ полка и я съ него настрого взыщу. Распустилъ офицеровъ и казаковъ.

— Ваше превосходительство, вы, вѣроятно, знаете, у меня, какъ говорится — совсѣмъ наоборотъ.

— Знаю, знаю, Петръ Николаевичъ, со-

чувствую вамъ, да время теперь такое, когда офицеръ всегда и во всемъ виноватъ... Ну, обождите, пока тутъ, я доложу о васъ.

Всего этого, конечно, я ожидалъ, такъ и должно было быть, ибо время было взвихренное, плыла Россія, какъ по взбаламученному морю. Семь бѣдъ — одинъ отвѣтъ. Я готовился дать этотъ отвѣтъ.

— Пожалуйте, полковникъ.

Въ небольшомъ гостинничномъ номерѣ, позади круглаго стола, на которомъ лежала папка бумагъ «этакъ съ полъ-аршина» — стоялъ средняго роста, довольно полный генералъ съ рѣдкой сѣдой бородой. Онъ былъ въ кителѣ. Сѣро-стальные глаза пронизывали меня суровымъ взглядомъ.

Я вытянулся, въ лѣвой рукѣ папаха съ перчаткой отъ правой, правая вдоль лампаса. На груди и за бортомъ «иконостасъ» орденовъ, не мало боевыхъ, съ мечами, за Японскую войну — словомъ аттестація на лицо и аттестація внушительная.

— Ваше превосходительство, командиръ 10-го Донского казачьяго Генерала Луковкина полка, Полковникъ Красновъ, представляется по случаю вступленія въ командованіе полкомъ.

Полъ-минуты тягостнаго молчанія.

— Такъ... такъ... Вы — полковникъ Красновъ?.. Такъ... такъ. А, скажите, — генеральнаго штаба полковникъ Красновъ, Николай Николаевичъ, вамъ какъ доводится?

— Двоюроднымъ племянникомъ, ваше превосходительство.

— Онъ-же женатъ на Вѣрѣ Димитріевнѣ Плетневой?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Я Вѣру Димитріевну и Елену Димитріевну отлично знаю.

— Такъ... такъ... Такъ онѣ-же мои племянницы.

Я сколько могъ выразилъ на лицѣ радостное изумленіе.

— Да... Вотъ оно какъ... Такъ, садитесь пожалуйста, — сказалъ генералъ, показывая мнѣ кресло и опускаясь на диванъ. — Значитъ — какъ бы свойственники... Хотя и дальніе.

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Очень пріятно съ вами познакомиться.

Генералъ сталъ мягкой пухлой рукой похлопывать по грудѣ дѣлъ.

— Я про васъ давно прослышанъ.

«Ну», — думаю, — «вотъ сейчасъ и начнется разговоръ о томъ, что и какъ обо мнѣ прослышанъ командиръ корпуса». Не слѣдуетъ-ли на всякій случай встать для приличія разноса.

— Да-авно прослышанъ... Еще по Петербургу... Вѣдь мы съ вами оба Петербуржцы, а вотъ встрѣчаться какъ то не приходилось.

И начался длинный, сердечный, задушевный разговоръ о Петербургѣ, объ Инженерномъ училищѣ, о конкурахъ въ Михайловскомъ манежѣ и т. д. и т. д. Часа полтора продержалъ меня за этимъ разговоромъ командиръ корпуса и все время я слышалъ за дверьми шаги — то, волнуясь за меня, ходилъ по корридору добрѣйшій генералъ Асмусъ

Разстался со мною генералъ Саранчовъ самымъ сердечнымъ образомъ. Ни слова объ евреяхъ не было сказано. Когда я, наконецъ, вышелъ, Асмусъ бросился ко мнѣ.

— Ну, что? Какъ? Не слишкомъ? Да у васъ, я вижу!.. Самообладаніе! Даже не покраснѣли!..

Я разсказалъ все, что было.

— Ахъ ты, вотъ милый старикъ! Узнаю его... Чудесный, восхитительный старикъ... Вспомнилъ племянницъ, растаялъ и понялъ, что онъ былъ не правъ. Сердечный и умный человѣкъ...

21. ПОДГОТОВКА КЪ СТОЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ПОЛКА

На 23-е и 24-е февраля выпадала 100-лѣтняя годовщина сраженія съ французами подъ Краономъ-Лаономъ,когда въ снѣжную вьюгу Донскіе казачьи полки Мельникова 4-го и Мельникова 5-го, родоначальники 9-го и 10-го Донскихъ казачьихъ полковъ, съ

«превеликимъ мужествомъ» атаковали французскія пѣхотныя каре, разсѣяли и порубили ихъ, чѣмъ способствовали общей побѣдѣ, за что были награждены особыми знаменами.

Государь Императоръ въ ознаменованіе столѣтняго юбилея этого сраженія пожаловалъ 9-му и 10-му Донскимъ казачьимъ полкамъ новыя знамена съ юбилейными лентами. На эти дни въ полку намѣчались большія торжества. Начальникъ дивизіи разрѣшилъ ассигновать на устройство юбилейныхъ празднествъ 5000 рублей изъ хозяйственныхъ суммъ полка.

Это теперь, когда мы познакомились съ «керенками», съ украинскими карбованцами, Донскими рублями, Добровольческими «колокольчиками», Сѣверо-Западными «крылатками», когда привыкли жить на динары, леи и франки — мы потеряли ощущеніе настоящаго полновѣснаго Русскаго рубля. Тогда, въ до-военное время, покупательная сила рубля была громадна и пять тысячъ рублей были суммой, позволявшей широко отпраздновать полковой юбилей.

Между мною и командиромъ 9-го полка было рѣшено, что въ знакъ общей работы полковъ Мельникова 4-го и Мельникова 5-го подъ Краономъ полки обмѣняются подарками.

Вотъ здѣсь-то, въ подготовкѣ къ юбилейнымъ торжествамъ, мнѣ очень помогли мои Петербургскія связи. Не въ томъ смыслѣ, какъ принято разумѣть это слово, но мои знакомства и дружба съ людьми талантливыми, съ художниками, музыкантами, печатниками и вообще свѣдущими людьми. Я ихъ широко использовалъ.

Мой другъ и товарищъ по Л. Гв. Атаманскому полку генералъ-маіоръ въ отставкѣ Николай Павловичъ Карповъ былъ прекраснымъ художникомъ и скульпторомъ. Онъ окончилъ Академію Художествъ съ большой серебряною медалью. По моей просьбѣ онъ вылѣпилъ изъ воска статуетку Донского казака на лошади временъ Отечественной войны и въ формѣ 1814-го года. Эту прекрасно вышедшую статуетку исполнилъ въ серебрѣ извѣстный Петербургскій ювелиръ и граверъ Кортманъ. Она была поставлена на каменный пьедесталъ съ накладными буквами соотвѣтствующихъ случаю надписей. Это былъ подарокъ 10-го Донского полка — 9-му полку.

Полковникъ Л. Гв. Казачьяго полка Сергѣй Александровичъ Траилинъ, извѣстный композиторъ, авторъ многихъ симфоній и оперы «Тарасъ Бульба», по моей просьбѣ написалъ для полка встрѣчный юбилейный маршъ, въ который темами вошли — Русскій гимнъ Александровскихъ временъ, мотивы Марсельезы и казачья пѣсня «Войско Платова героя». Я провелъ этотъ маршъ по командѣ и онъ былъ утвержденъ для полка. Это было новшество, такъ какъ до сего времени свои полковые марши имѣли только гвардейскіе полки, всѣ же армейскіе полки имѣли одинъ общій **«Войсковой»** маршъ, составленный при генералѣ Хрещатицкомъ изъ казачьихъ пѣсень. Свой полковой маршъ поднималъ полкъ въ глазахъ офицеровъ и казаковъ. Мы очень волновались, утвердятъ-ли его за полкомъ... навсегда?.. Когда была Имперія мы вѣрили, что есть такое слово — **навсегда!**

Другой мой товарищъ по Атаманскому полку есаулъ Алексѣй Акимовичъ Карповъ, служившій въ это время въ Москвѣ, по моей просьбѣ снялъ копіи въ Лефортовскомъ архивѣ со всѣхъ наградныхъ дѣлъ, касавшихся полка Мельникова 5-го, что дало мнѣ возможность составить краткую памятку столѣтняго существованія полка и особенно подробно описать все сдѣланное полкомъ во время сраженія подъ Краономъ. Мои хорошія отношенія съ Р. И. Голике помогли мнѣ заглазно издать въ типографіи Голике и Вильборгъ, одной изъ лучшихъ Петербургскихъ типографій, эту памятку, снабдивъ ее портретами Государей, командировъ полковъ, изображеніями стараго и новаго знаменъ и сценъ полковой жизни. Мой другъ, художникъ Н. С. Самокишъ, украсилъ книгу своими рисунками и виньетками. Вышла очень приличная книжка, которая была роздана всѣмъ офицерамъ и казакамъ полка.

Командированный въ Петербургъ офицеръ отыскалъ въ Интендантскомъ музеѣ формы полка 1814-го года, образцы оружія и снаряженія, и мои портные, знавшіе меня съ перваго моего чина, и поставщики снаряженія — Капланъ, Скосыревъ и Шафъ изготовили мундиры, портупеи, банделеры и сабли того времени, а изъ Артиллерійскаго музея были получены карабины и пистолеты.

До юбилейныхъ дней оставалось какихъ нибудь полтора мѣсяца и всѣмъ моимъ друзьямъ, всѣмъ офицерамъ и казакамъ нужно было лихорадочно напряженно работать. Занятія и маневры въ полку не прекращались. Самъ я работалъ по ночамъ, чтобы все поспѣть сдѣлать къ сроку.

Нашъ юбилей было событіе не только въ Замостьи, но и во всей округѣ, ожидались гости изъ частей гарнизона, отъ 9-го Донского полка, отъ 7-го уланскаго Ольвіопольскаго полка изъ Грубешова, нашего сосѣда... Прибивка знамени, парадъ, торжественный оффиціальный обѣдъ, балъ и кавачій спектакль, который готовила пулеметная команда — все это нужно было подготовить, разучить, срепетировать, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, чтобы нигдѣ не было ни сучка, ни задоринки.

Вотъ въ эти-то дни, когда весь полкъ сверху до низу работалъ съ полнымъ напряженіемъ и растаяли послѣднія льдинки между мною и господами офицерами.

22. ПРИБИВКА ЗНАМЕНИ.

Покойнымъ Ген.-Адъютантомъ Скалономъ было назначено — передачу знамени и парадъ полку имѣть въ конномъ строю.

Такъ и готовились.

Вторая половина февраля — время въ Замостьи самое ужасное. Полковой плацъ — море грязи. Если утромъ скуетъ морозомъ — колоть такая, что можно ноги поломать лошадямъ.

На парадъ шло восемь сотень — шесть полковыхъ (старослужащіе казаки были задержаны) и двѣ сотни молодыхъ казаковъ команды пополненія. Кромѣ того, восьми-пулеметная дивизіонная конно-пулеметная команда.

Подобралъ я лошадей въ сотняхъ — шерсть въ шерсть. Красота!

Два раза въ недѣлю мы дѣлали репетиціи парада. Все надо было разучить. Кому и когда слѣзать для пріема знамени, кому передавать лошадей и отъ кого тѣхъ принимать. Какъ садиться, что командовать. Ген. Вершининъ, не смотря на болѣзнь, произвелъ полную репетицію парада и нашелъ, что все шло прекрасно — хоть на Марсово поле въ Петербургѣ. Несмотря на глубокую грязь — сотни ходили развернутымъ фронтомъ, не тѣснясь, въ строгомъ равненіи и шагомъ, и рысью, и наметомъ и широкимъ наметомъ. Сердце радовалось за полкъ.

За три дня до смотра, изъ Варшавы, отъ вр. Командующаго войсками Варшавскаго воен. округа Генерала отъ Кавалеріи Раушъ-фонъ-Траубенберга пришла телеграмма: — «парадъ и принятіе знамени — пѣшемъ строю»...

Бросился я на Бородинскій плацъ. Что пройдутъ хорошо — въ этомъ я не сомнѣвался, полкъ каждую недѣлю ходилъ подъ музыку, но позволитъ-ли это грунтъ?..

Грунтъ былъ — грязь и болото!

На первой же репетиціи — плачевная картина. Люди тонули выше щиколотки въ грязи. Какая же тутъ могла быть «нога», какое «печатанье съ носка»?.. Куда поставить священника и аналой? А когда надѣнемъ новыя шинели — всѣ полы будутъ захлюстаны грязью. Вывести въ мундирахъ?.. нельзя — простудимъ начальство!

Отпустивъ полкъ, я стоялъ на плацу въ глубокомъ и печальномъ раздумьи. Подлѣ меня мои помощники — Фарафоновъ, адъютантъ и полковой квартермистръ подъесаулъ Плѣшаковъ.

— А что, если, — грубоватымъ своимъ голосомъ началъ Фарафоновъ, — что, если?.. помостить?.. Пескомъ посыпать?

— До смотра — три дня... Иванъ Николаевичъ. Когда-же тутъ мостить и чѣмъ?.. Песокъ сыпать — утонетъ!..

— Это вѣрно, что утонетъ.

Тутъ въ наше, ставшее тяжелымъ, молчаніе вошелъ несмѣлый голосъ Плѣшакова.

— Господинъ полковникъ, разрѣшите... Если взять на лѣсопильномъ заводѣ на прокатъ доски? Тамъ охотно дадутъ. Имъ-же ничего не сдѣлается. И вотъ эту площадь, гдѣ молебенъ и начальство, а такъ-же весь проходъ церемоніальнаго марша настелить помостомъ изъ досокъ и пескомъ присыпать, и видно даже не будетъ. Здѣсь мы построимъ трибуну-бесѣдку для гостей, украсимъ ее матеріями и флагами, а отъ нея проложимъ панельку деревянную до самаго шоссе. Елочками обставимъ.

— А успѣете? — мрачно спросилъ Фарафоновъ. Онъ уже учуялъ новые, непредвидѣнные расходы, но понималъ — неизбѣжные! Столѣтніе юбилеи бываютъ одинъ разъ въ сто лѣтъ. Надо раскошеливаться.

— Я утромъ говорилъ съ оружейнымъ мастеромъ и плотниками. Берутся. Изъ сотень народомъ помогутъ.

Каждому извѣстно, что такое въ полку оружейный мастеръ. Это магъ и волшебникъ. Художникъ и архитекторъ, строитель и изобрѣтатель, математикъ и химикъ, пиротехникъ и плотникъ.

Никто изъ насъ и завтракать не пошелъ. Послали за оружейнымъ мастеромъ, появились нестроевые съ ленточной рулеткою и кольями, стали мѣрять, считать въ грязной, засаленной тетрадкѣ, въ клеенчатомъ переплетѣ. И, вотъ, уже покатили въ полковомъ экипажѣ Фарафоновъ съ Плѣшаковымъ на лѣсопильный заводъ, а, когда поздно вечеромъ я изъ канцеляріи прошелъ на плацъ — тамъ горами лежали доски, въ темнотѣ громыхали полковыя и артельныя подводы и что то кричалъ оружейный мастеръ темнымъ фигурамъ мастеровыхъ.

У меня — дѣла — по горло! За всѣмъ не досмотришь, да и нужно-ли досматривать? Все идетъ само, все покатилось, какъ салазки съ горы. Вездѣ веселая, дружная, полковая работа кипитъ.

Когда отзвучали послѣднія ноты торжественно-печальной «вѣчной памяти» всѣмъ чинамъ Донского казачьяго Мельникова 5-го и 10-го Донского казачьяго генерала Луковкина полковъ, на браняхъ убіеннымъ и въ мирѣ усопшимъ — начальникъ дивизіи, ген.-лейт. Вершининъ, оба командира бригадъ — генералы З. С. Кунаковъ и К. С. Поляковъ, всѣ офицеры полка, вахмистры и урядники молчаливой толпой прошли черезъ гарнизонный садъ по упругимъ, сырымъ дорожкамъ въ полковое собраніе. Въ гостиной былъ поставленъ большой столъ, накрытый чернымъ сукномъ. На немъ было положено древко и рядомъ ящикъ съ знаменнымъ полотнищемъ. Въ отдѣльной коробочкѣ были гвозди съ большими шляпками и въ деревянномъ футлярѣ серебряный молотокъ съ гравированной надписью на немъ и дубовой ручкой.

Точно уже шла отъ этихъ предметовъ какая-то торжественность. Гостиная наполнялась офицерами въ — «обыкновенной» формѣ, въ мундирахъ съ голубыми шелковыми поясами, и казаками. Большинство молчало, если кто и говорилъ, то шопотомъ.

— Ваше превосходительство, разрѣшите начинать?..

Оружейный подмастерье раскупорилъ ящикъ. Изъ бѣлой тонкой бумаги вынули тяжелое, шелковое полотнище. На темно-синемъ полѣ, окаймленномъ красною полосою, было помѣщено съ одной стороны — изображеніе Нерукотворнаго Спаса, писанное на полотнѣ масляными красками, съ другой — широкій, большой вензель Государевъ, вышитый серебромъ, по угламъ были серебряные двуглавые орлы. Серебромъ вышитая надпись вилась по красной полосѣ.

Полотнище тщательно и благоговѣйно приложили къ древку и по намѣченнымъ отверстіямъ стали забивать гвозди.

Ген. Вершининъ первымъ взялъ молотокъ, долго крестился на образъ, потомъ крѣпко забилъ гвоздь и передалъ старшему бригадному — ген. Кунакову. Чтобы дать возможность всѣмъ офицерамъ, вахмистрамъ и урядникамъ принять участіе въ забивкѣ гвоздей, каждый гвоздь забивало нѣсколько человѣкъ, одинъ наставитъ гвоздь, другой забьетъ его до половины, третій закончитъ забивку.

Длинная череда серебряныхъ шляпокъ подвигалась къ краю. Усердно крестились вахмистры и урядники, мотали чубатыми головами и били крѣпко и увѣренно серебряным молоткомъ. — Навсегда! Потомъ навязали подъ копьемъ «юбилейныя» ленты, и знаменщикъ, предшествуемый адъютантомъ, отнесъ знамя, «безъ церемоніи», ко мнѣ на квартиру и поставилъ его рядомъ со старымъ знаменемъ.

Послѣ прибивки знамени, на которой присутствовали и делегаціи отъ другихъ полковъ и батарей, всѣ были приглашены въ собраніе на чай. А потомъ я два съ половиной часа морилъ офицеровъ чтеніемъ объ участіи полка въ сраженіи подъ Краономъ сто лѣтъ тому назадъ.

Вечеръ провелъ я въ канцеляріи и за всѣми хлопотами позабылъ о томъ, что дѣлалось на Бородинскомъ плацу.

23. ЮБИЛЕЙНЫЙ ПАРАДЪ

Спалъ я плохо. Не первый разъ мнѣ приходилось представлять на парадахъ полкъ, но на такомъ смотру приходилось быть впервые. Я часто просыпался. Мертвая тишина была въ моемъ кабинетѣ. Чуть потрескивала подъ иконами лампада и въ мерцающемъ ея свѣтѣ едва намѣчались два знамени. Старое — свидѣтель давнихъ побѣдъ, съ оборванной серебряной парчей истлѣвшаго полотнища и новое, отблескивавшее серебромъ густого шитья. Что-то увидитъ оно?! Къ какимъ побѣдамъ и кто поведетъ его?!

Какъ далеки были въ ту ночь мысли о возможной и близкой войнѣ!

Еще было совсѣмъ темно, когда я всталъ, надѣлъ на себя все старое, рабочее и пошелъ посмотрѣть, что дѣлается на плацу. Было тепло. Деревья сада роняли медлительную капель и мягокъ и упругъ былъ песокъ мокрыхъ аллей. На зеленомъ небесномъ хрусталѣ догорали алмазныя звѣзды. Едва я вышелъ за городъ, какъ услышалъ дружный стукъ топоровъ и трескъ колесъ по мостовой.

Славная наша нестроевая сотня работала всю ночь. Въ сумракѣ чернымъ силуетомъ намѣчалась бесѣдка павильона. Только что привезли въ нее изъ собранія кресла и стулья. Отъ шоссе къ бесѣдкѣ шла прямая аллея натыканныхъ елокъ. Широкая деревянная панель была настлана между елокъ.

Подъесаулъ Плѣшаковъ съ мастерами былъ въ бесѣдкѣ. Они развѣшивали флаги, зеленыя еловыя гирлянды и обвивали край ложи фестонами изъ кумача и бѣлаго полотна. Ковры были на готовѣ, чтобы покрыть дощатый полъ бесѣдки.

— Все готово, господинъ полковникъ, — доложилъ мнѣ Плѣшаковъ.

Въ начинающемся свѣтѣ утра мы обошли плацъ.

— Никто и не замѣтитъ, — говорилъ мнѣ Плѣшаковъ, — что тутъ доски. Такъ хорошо удалось засыпать все пескомъ.

Плацъ былъ на славу. Хотя-бы и танцовать на немъ.

День выдался сначала замѣчательный. Правъ былъ о. Бекаревичъ — Ницкое небо висѣло надъ Замостьемъ и въ блистаніи солнца прекрасны были свѣже-вымытыя лица казаковъ съ подвитыми чубами подъ лихо заломленными на бокъ папахами.

Генералъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, въ парадной формѣ Л. Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка, въ сверкающей каскѣ съ орломъ, медленно обходилъ фронтъ. Казалось, онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ. Армейскій казачій полкъ! Полкъ, гдѣ казаки сами себя одѣваютъ безъ интендантства! Шинель въ шинель, хотя лекаломъ повѣряй петлицы и хлястики, такъ все одинаково. Всѣ пуговицы нашиты — у орловъ головами кверху, блеститъ налакированная амуниція и патронташи, казаки такъ ровно держатъ шашки «на караулъ».

— Да это, полковникъ, гвардейскій полкъ!.. Алексѣй Львовичъ — совсѣмъ, какъ ваши Атаманцы!

У генерала Вершинина на худощавомъ болѣзненномъ лицѣ играетъ счастливая улыбка.

Восемь сотень, пулеметная и нестроевая команды вытянулись громаднымъ покоемъ. Мягко играли трубачи Траилинскій маршъ, и казаки прислушивались къ его напѣву.

Потомъ былъ молебенъ и освященіе знамени по особому чину.

Я преклонилъ колѣно и генералъ Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, взявъ знамя у временнаго знаменщика, передалъ его мнѣ. Я передалъ его колѣнопреклоненному знаменщику. Подъ звуки армейскаго похода знамя понесли къ правому флангу полка. Старое знамя все еще стояло у аналоя.

Наступилъ торжественный, волнующій мо-

— Къ относу знамени!.. Подъ знамя!.. шай!.. на кра-улъ!..

Трубачи заиграли походъ. Старое знамя медленно пошло отъ праваго фланга полка до лѣваго, какъ-бы прощаясь съ полкомъ. Старая парча казалась почетными сѣдинами. Февральское небо покрылось туманомъ и томительная грусть разлилась въ воздухѣ. По лицамъ казаковъ текли слезы. На лѣвомъ флангѣ полка знаменный взводъ принялъ знамя и адъютантъ понесъ его ко мнѣ для отправки на вѣчный покой въ войско, въ Новочеркасскъ.

Нѣсколько мгновеній тишины, какого то почтительнаго раздумья и вотъ уже звучитъ команда:

— Къ церемоніальному маршу!.. По полусотенно, на двухъ-взводныя дистанціи, равненіе направо!.. Шагомъ!..

Бодрый напѣвъ марша «Подъ Двуглавымъ Орломъ» разогналъ печальныя мысли о томъ, что всему приходитъ конецъ. Полкъ дрогнулъ и полусотня за полусотней, отрываясь отъ линейныхъ, выступала къ трибунѣ. «Нога» была безупречна, шагъ полтора аршина, поворотъ головы смѣлый и лихой, ствѣтъ подъ ногу...

Въ Плѣшаковской трибунѣ — пестрый цвѣтникъ полковыхъ и гарнизонныхъ дамъ въ зимнихъ шляпкахъ «изъ Варшавы» и мѣхахъ. Передъ ними, по барьеру дары настоящей Ниццы — букеты цвѣтовъ, на разсвѣтѣ привезенныхъ изъ Варшавы.

Красиво, лихо и бодро проходили казаки одновременно салютовали офицеры, пѣвучую пѣсню пѣлъ серебряный корнетъ и дружно отбивали тактъ могучіе басы и геликоны.

Послѣ парада былъ обѣдъ въ офицерскомъ собраніи 13-го Донского каз. полка, такъ какъ наше маленькое собраніе не могло-бы вмѣстить всѣхъ приглашенныхъ.

Въ тѣ времена не было въ обычаѣ, чтобы каждый хорунжій упражнялся въ краснорѣчіи, говоря льстивыя рѣчи, пока стынетъ жаркое и таетъ на блюдѣ мороженое. Были короткіе пламенные тосты «о здравіи» и былъ передъ подачей жаркого, — а таковымъ была великолѣпная индѣйка и сибирскіе рябчики — маленькій перерывъ, чтобы провозгласить то, что полагается. Мы держались тогда мудраго правила: — «молчаніе золото — хорошая рѣчь серебро».

Былъ громовымъ ура покрытый тостъ за Государя Императора. И долго повторялся нашъ несравненный гимнъ. Потомъ о здравіи Командующаго войсками, представителя командира корпуса, начальника дивизіи, гостей и... за полкъ!.. Не было тогда принято говорить ни о Россіи, ни объ арміи. Россія была, есть и будетъ. Она такъ ощущалась нами, такъ была вокругъ насъ, была какъ-

бы воздухомъ, которымъ мы дышали, что было-бы странно о ней говорить. Такъ въ хорошей семьѣ, гдѣ мать все — очень часто ее-то именно и забываютъ. Армія была такъ велика, громадна, величественна и необъятна, что въ маленькой ея песчинкѣ — полку, хотя-бы и празднующемъ свой столѣтній юбилей, — показалось-бы безтактнымъ говорить о Русской арміи. Это было-бы святотатство.

И только смолкли послѣдніе аккорды полкового марша — задвигали стульями, садясь за столъ гости — и вотъ она — показалась сама красавица индѣйка, окруженная рябчиками, несомая собранской прислугой въ бѣлыхъ рубахахъ.

Нечего и говорить, что на этотъ разъ въ собраніи было «разрѣшеніе вина и елея» и въ меню стояло: — «водки разныя». Пили, какъ тогда и полагалось въ Русской арміи, согласно съ желаніемъ Государя Императора, шампанское «Абрау-Дюрсо» и вина были Крымскія, Кавказскія, а болѣе всего свои Донскія.

Но что было особенно хорошо и что отмѣтило и начальство, и гости — не было вовсе пьяныхъ.

Да такъ было заведено генераломъ Вершининымъ, а мною проведено въ жизнь, что быть «подъ шефе» считалось для офицера гнуснымъ, гадкимъ и неприличнымъ.

Въ четвертомъ часу Временно Командующій войсками округа уѣхалъ изъ Замостья. Гости тоже не долго оставались въ собраніи. Намъ всѣмъ надо было отдохнуть — всѣ эти дни были тяжелые, рабочіе и почти безъ сна.

Назначенный на другой день конный праздникъ пришлось отмѣнить. 26-го февраля была настоящая Краонская метель, сыпалъ снѣгъ, манежъ замело сугробами. Мы отдыхали передъ баломъ.

24. БАЛЪ

Быть можетъ, со временъ графовъ Замойскихъ не было въ Замостьѣ такого многолюднаго, блестящаго и веселаго бала, какъ былъ нашъ юбилейный балъ.

Одно было жаль: въ Замостьѣ не было еще электричества. Но керосиновыя лампы давали такой теплый, ласковый, оранжевый свѣтъ, что лица дамъ, ихъ шеи и плечи только выигрывали отъ этого.

Сколько было юныхъ, хорошенькихъ лицъ! Какіе наряды, какія платья! Да вѣдь и то! Объ этомъ балѣ говорили, объ этомъ балѣ мечтали за много недѣль. Потаенно ѣздили въ Варшаву, чѣмъ кровно обижали мѣстныхъ портнихъ.

— И что, пани, себѣ такого думаетъ? Ну, что Варшава! Варшава это ничего, это просто — такъ себѣ! Только реклама пущена... Я уже, между прочимъ, подглядѣла у пани полковницы ея петербургскіе туалеты... Я таки даже модель сняла!., Такъ это-же будетъ Петербургъ! Это вамъ не Варшава!.. Я вамъ, такъ скажу, что мы Парижу не уступимъ.

Кто въ Варшавѣ, кто у мадамъ Пуцыковичъ на Замостьской базарной площади возлѣ ратуши, а кто просто водрузилъ въ маленькой офицерской «обывательской» квартиркѣ черный ивовый манекенъ и самъ своими милыми руками, кусая молодыми зубами нитки, соорудилъ себѣ бальное платье.

У дверей въ собраніе 13-го полка — бравые часовые въ формѣ 1814-го года, въ длинныхъ чакчирахъ, съ лампасами, въ короткихъ курткахъ, при сабляхъ, съ широкими черными банделерами, на которыхъ висѣли кремневые карабины. Загорѣлыя лица безъ грима казались испытавшими холода и лишенія заграничнаго похода 1814-го года.

Красавецъ юноша, гигантъ саженнаго роста, хорунжій Тропинъ въ такой-же формѣ, при саблѣ, встрѣчалъ гостей на лѣстницѣ.

Моя жена была хозяйкой бала. Въ бѣломъ платьѣ, въ широкомъ куньемъ мѣхѣ, завитая крутой волною сѣдыхъ, пепельныхъ волосъ, она стояла въ залѣ, принимая гостей. Жены начальника дивизіи Анны Акимовны Вершининой не было, она себя чувствовала

нездоровой, ее замѣняла дочь Зинаида Алек сѣевна, добрѣйшій и чудный человѣкъ. Она помогала моей женѣ и порхала свѣтлымъ, радостнымъ мотылькомъ по залу, устраивая пары для танцевъ.

Все военное Замостье — на балу. Интересная молодая командирша 7-й батареи, г-жа Иванова, прелестныя, юныя барышни Анна, Нина, Елена и Ольга Поляковы — Нина тутъ же на балу была просватана за сотника Нискубина, Кунаковы, Ситниковы, Тапилина, англичаночка, жена начальника дивизьонной конно-саперной команды П. Ф. Абрамова, г-жа Бензенгръ, дамы пѣхотныя, артиллерійскія, казачьи смѣшались свѣтлымъ цвѣтникомъ и наполнили залъ благоуханіемъ духовъ и щебетаньемъ женскихъ голосовъ.

— Какъ думаете, у Аносовой платье изъ Варшавы?

— Свое!.. свое!.. Сама и шила... Я заходила — видала.

— А какъ хорошъ Тропинъ! Прелесть старая форма!

— Вы будете танцовать?

— Если вальсъ и польку... Я не увѣрена въ новыхъ танцахъ.

— Кто въ нихъ увѣренъ!

— Шляхтинъ въ вальсѣ, какъ молодой богъ.

— Онъ вездѣ великолѣпенъ!

Два оркестра — 10-го и 13-го полковъ, — играли поперемѣнно танцы: — вальсъ, польку, краковякъ и снова вальсъ, па-д'эспань, мазурку, и опять вальсъ, хіавату и венгерку, потомъ опять вальсъ, варшавянку и блестящую кадриль-котильонъ.

Въ котильонѣ были фигуры, въ фигурахъ бумажные ордена, букетики цвѣтовъ и ленты. Танцовали съ увлеченіемъ, блистая граціей, красотою и ритмомъ движеній. Хорунжіе и сотники были героями дня, подъесаулы лише закручивали усы, есаулы топали ногами въ мазуркѣ и становились на колѣно, а дама легкой козочкой прыгала вокругъ нихъ и, даже, сѣдые войсковые старшины не выдерживали, брали даму покрупнѣе чиномъ и, конечно, не на па-д-эспань, или хіавату — но на рѣзвый старый вальсъ или на милую Новочеркасскую «польку-бабочку».

Въ часъ ночи былъ уютный, сердечный, милый ужинъ, гдѣ сидѣли безъ чиновъ и чокались бокалами «за здоровье того, кто любитъ кого». Какъ блистали юные глаза и сколько счастья и душевнаго тепла было въ сердцахъ нашей молодежи!

Хоръ трубачей 10-го Донского каз. полка въ новыхъ мундирахъ съ наплечниками — красота! — подъ управленіемъ А. М. Кузько игралъ во время ужина. Онъ блеснулъ осмысленной и трудной программой. Хотя бы въ столицѣ на симфоническомъ какомъ концертѣ исполнить все это! — Начали, какъ и полагается новинкой — «Юбилейнымъ маршемъ» сочиненія С. А. Траилина, потомъ былъ «Маршъ» изъ оперы «Пророкъ» — Мейербера, увертюра изъ оперы «Навухоносоръ» Верди, попури изъ оперетты «Рука и сердце» Лекока, вальсъ «Сонъ любви» Беккера, арія и балетъ изъ «Сицилійской вечерни» Верди, попурри изъ оперы «Фаустъ» Гуно, романсъ «Сѣверная звѣзда» Глинки и маршъ «Пикадоръ» Суза...

Трубачи превзошли самихъ себя. Вся обстановка и, конечно, ну разумѣется! — и наплечники! на нихъ дѣйствовали; они играли, какъ никогда ни раньше, ни послѣ не играли.

Штабъ трубачъ на корнетѣ такъ нѣжно выводилъ: — «... призадумалась, пригорюнилась... на кольцо свое обручальное уронила она слезу крупную... о далекомъ, о немъ вспоминаючи»... что смолкли разговоры и не одинъ тихій неслышный вздохъ вырвался изъ дѣвичьей груди, и не мало смѣлыхъ сотниковыхъ глазъ опустились долу, вспоминая... о чемъ? Кто могъ тогда думать, что разлука, что самая смерть уже стояла за дверьми собранія?

Разъѣзжались, а большинство расходилось по домамъ въ шестомъ часу утра. Сыпалъ снѣгъ, завывала ледяная пурга, все было такъ непривычно бѣло въ Замостьѣ.

На казачьемъ спектаклѣ конно-пулемет-

ной команды играли Островскаго «Не все коту масленица». Въ помѣщеніи второй сотни была устроена настоящая сцена, съ рампой,съ занавѣсью, красиво расписанной какимъ-то пейзажемъ. Женскія роли исполнялись казаками, Вахмистръ команды, великолѣпно загримированный, съ окладистой бородой, въ длинно-поломъ сюртукѣ былъ прекраснымъ купцомъ и такъ вошелъ въ роль, что казаки пулеметчики не узнавали его. Купчихи и купеческія дочки плѣняли красотою и жеманствомъ и зрители только ахали, глядя на нихъ.

Послѣ пьесы пѣли пѣсенники, потомъ были очень красиво поставленныя живыя картины, сопровождавшіяся пѣніемъ, а затѣмъ быстро составили по краямъ стулья и скамьи и начался балъ, гдѣ старшая вахмистерша танцовала съ командиромъ полка, а жена командира съ вахмистромъ первой сотни. Потомъ былъ ужинъ, за которымъ офицеры и ихъ жены сидѣли въ перемежку съ казаками. Спектакль начался въ три часа, а къ восьми все было кончено. Казаки радушно провожали гостей, трубачи играли маршъ, въ помѣщеніи молніеносно устраивали обычный порядокъ, вносили желѣзныя койки.

Праздники кончились, наступали армейскія будни.

25. ВЕСНА И ЛѢТО 1914-ГО ГОДА

Эти юбилейныя торжества сгладили всѣ бывшія шероховатости между мною и офицерами. Я совершенно слился съ полкомъ и полкъ привыкъ ко мнѣ.

Время летѣло въ работѣ.

Было трогательно общее единеніе и то, какъ каждый охотно шелъ навстрѣчу желаніямъ и требованіямъ, шедшимъ на пользу дѣлу.

Обыкновенно казаки говѣли по три дня. Весь полкъ успѣвалъ отговѣть за двѣ недѣли. Я просилъ о. Бекаревича устроить говѣніе по дивизіонно по шести дней, начиная съ понедѣльника и кончая субботой. Это очень стѣсняло отца протоіерея, на которомъ лежали еще 13-й полкъ, 7-ая Донская каз. батарея, конно-саперная дивизіонная команда и команды штаба дивизіи, но онъ охотно согласился, отдавъ моему полку 4-ю, 5-ю, 6- ю и Страстную недѣли. Въ говѣвшемъ дивизіонѣ прекращались занятія и только днемъ, между службами, бывала проѣздка лошадей на попонкахъ.

Въ Страстную пятницу, когда мы «хоронили Христа», и крестный ходъ съ плащаницей спустился въ гарнизонный садъ и обходилъ его, я былъ удивленъ тѣмъ, что по саду жгли бенгальскіе огни, пускали ракеты и фальшфейеры, устроенные батарейными пиротехниками. Тоже, но еще съ большимъ трескомъ, съ пальбой изъ орудій было устроено въ Пасхальную ночь. Оказалось — таковъ обычай. Дѣлалось это для населенія, чтобы привлекать его къ православію и отвлекать отъ католичества и уніатства. Обычай этотъ мнѣ не понравился, но церковныя дѣла меня не касались.

Католическая пасха въ 1914-мъ году совпадала съ православной и трезвонъ жидкихъ колоколовъ нашей «домовой» гарнизонной церкви заглушался мощными ударами колокола католическаго костела.

Всѣ офицеры и чиновники полка съ ихъ семьями разгавливались у меня, наши розговѣны украсила своимъ присутствіемъ и Зинаида Алексѣевна Вершинина. Моя жена вмѣстѣ съ нею принимала гостей — и была это подлинно одна тѣсная, дружная и единая семья. Легко и радостно было быть въ ней. Я объѣзжалъ тѣмъ временемъ сотни и команды полка, троекратно лобызаясь съ каждымъ казакомъ. Отъ трехъ съ лишнимъ тысячъ поцѣлуевъ долго горѣли у меня губы и щеки.

На Красную Горку въ гарнизонѣ была свадьба — дочь нашего бригаднаго генерала Нина Константиновна Полякова вышла замужъ за офицера 13-го полка, сотника Нискубина.

Подъ Троицынъ день, согласно съ обычаемъ, установившимся еще до меня, я, всѣ офицеры и развѣдчики полка ѣздили верхомъ за 40 верстъ отъ Замостья въ Радочницкій женскій монастырь. Мать игуменья Афанасія съ сестрами принимала насъ. Послѣ завтрака въ монастырской трапезной казакамъ были показаны картины туманнаго фонаря изъ жизни Спасителя, а потомъ мы были на всенощной, а въ Троицынъ день у обѣдни въ прекрасномъ монастырскомъ храмѣ. Никогда не забуду умиленнаго пѣнія монахинь и особенно «Отче нашъ», исполненный соло, подъ аккомпаниментъ хора, монахиней съ необычайнымъ чувствомъ. Намъ показывали громадныя мастерскія монастыря, гдѣ монахини писали иконы, занимались вышиваніемъ и золотошвейнымъ искусствомъ и еще какими-то работами.

Казаки и офицеры стояли это время бивакомъ подлѣ монастыря. Трогательное и тонкое впечатлѣніе осталось у всѣхъ отъ посѣщенія тихой обители, отъ самой матери Игуменьи Афанасіи, когда-то свѣтской Петербургской женщины, и отъ всего пріема насъ, казаковъ, оплота православія въ этомъ краю. Казалось, — навѣки стоитъ монастырь и никогда не кончится его слава и служеніе Богу и людямъ!..

26. СМОТРЫ И УЧЕНЬЯ.

Сейчасъ же послѣ Пасхи въ полку начались смотры и экзамены. Подробные смотры молодыхъ казаковъ смѣнились экзаменами и смотрами развѣдчиковъ, подрывниковъ, команды связи, а тамъ началась большая работа экзаменаціонной комиссіи, повѣрявшей полковую учебную команду. Прекрасно представилъ ее, ея начальникъ Подъесаулъ Мазанкинъ и вотъ уже стали поступать отъ командировъ сотень рапорты о производствѣ на имѣющіяся въ сотнѣ вакансіи въ урядники казаковъ, окончившихъ полковую учебную команду. Молодая смѣна шла на замѣну ушедшимъ, сотни пополнялись и начались сотенныя ученья.

Бурная весна наступила въ Замостьѣ. Бѣлыми канделябрами цвѣтовъ покрылись громадные каштаны гарнизоннаго сада, зацвѣлъ розовый и бѣлый боярышникъ и наше гарнизонное гнѣздышко похорошѣло.

Полковой плацъ былъ росписанъ по часамъ, по всѣмъ направленіямъ носились по нему съ ранняго утра и до вечера сотни и команды. Сигнальныя трубы пѣли въ весеннемъ воздухѣ.

Въ эти дни начальникъ дивизіи Ген.-Лейт. Вершининъ ушелъ по болѣзни въ отставку. Мы провожали его тѣсной семьей Замостскаго гарнизона. Говорились рѣчи, подводились итоги большой работы нашего начальника и была трогательная дружественность въ этихъ рѣчахъ, хотя Вершининъ былъ начальникъ строгій и требовательный, но мы службы не боялись.

Во временное командованіе дивизіей вступилъ старшій бригадный Ген.-Маіоръ Ефимъ Степановичъ Кунаковъ.

Между 10 и 14-мъ мая я былъ въ Варшавѣ членомъ комитета по испытанію офицерскихъ лошадей кавалеріи и конной артиллеріи и казачьихъ частей Варшавскаго воен. округа на призы Военнаго Министерства. Предсѣдателемъ Комитета былъ командиръ Л.-Гв. Уланскаго Его Величества полка Ген.-Маіоръ баронъ Маннергеймъ. Мы провѣряли съ нимъ путь пятидесятиверстнаго пробѣга. На разсвѣтѣ я пришелъ къ нему на квартиру, гдѣ подали мнѣ прекрасную унт.-офицерскую лошадь конно-пулеметной команды и мы вдвоемъ, въ прекрасное утро поскакали по полямъ и лѣсамъ, преодолѣвали замысловатыя препятствія, переходили по глубокому броду какой то рукавъ Вислы, прошли въ указанное время 50 верстъ и убѣдились сами, что ничего особенно труднаго не предстояло состязующимся офицерамъ. Я восхищался прекрасно напрыганной рослой красавицей ло-

шадью, прошедшей всѣ 50 верстъ, не показавъ никакой усталости. Мы говорили о шансахъ на призъ того или другого офицера и сходились на томъ, что долженъ взять 1-й призъ Поручикъ Уланскаго полка Пуговичниковъ — онъ и взялъ. Я грустилъ, что въ моемъ полку нѣтъ лошадей, которыя могли-бы выступить и состязаться и побѣдить и мечталъ осенью поѣхать въ Москву и Коломяги на аукціоны скаковыхъ лошадей для своей полковой молодежи...

Въ одинъ изъ этихъ дней, послѣ полудня, я былъ на великолѣпномъ конномъ праздникѣ въ Л. Гв. Уланскомъ Его Величества полку, гдѣ былъ очень трудный конкуръ-иппикъ, карусельная ѣзда и упражненія во владѣніи шашкой и пикой уланъ. Я смотрѣлъ казармы Л. Гв. Гродненскаго гус. полка и новинку — унтеръ-офицерское собраніе съ большимъ театральнымъ заломъ. Полкомъ командовалъ тогда Ген.-Маіоръ князь Енгалычевъ. Я погрузился въ эти дни въ богатый, красивый и блестящій міръ гвардейской кавалеріи, я присматривался, учился, соображалъ, чему слѣдуетъ подражать, чему не слѣдуетъ, что доступно и намъ въ Замостьѣ и что намъ недоступно, ни зависти, ни ненависти, ни злобы, у меня не было, напротивъ, было какое то радостное чувство, что вотъ въ Русской арміи есть такая красота и роскошь. Было удовлетвореніе — въ моемъ полку было очень все скромно, но въ военномъ отношеніи, въ смыслѣ выучки, рубки, ѣзды, мы могли бы состязаться и съ этой блестящей гвардіей. Нигдѣ и никто не говорилъ о близости войны. Каждый дѣлалъ свое дѣло, дѣло воиньі, но дѣлалъ его скромно, такъ, какъ всегда дѣлалось это въ Россійской Императорской Арміи, чуждой шума и рекламы.

Вернувшись я весь ушелъ въ полковыя ученья и подготовку къ смотрамъ полка и стрѣльбы.

Вдругъ пронесся слухъ, что дивизія не соберется на полковые сборы, какъ это дѣлалось всегда, подъ Замостьемъ. Мы взволновались было, чуть-чуть поговорили и то не о войнѣ, но о мобилизаціи, но сейчасъ же и забыли объ этомъ: — прибыли квартирьеры полковъ и батареи — дивизія собиралась вмѣстѣ.

Во второй половинѣ іюня изъ Красника и Люблина пришелъ 9-й Донской каз. полкъ, изъ Томашова 15-й Донской каз. полкъ и изъ Красностава 6-ая Донская каз. батарея. Замостье зажило полной жизнью. Всѣ подтянулись — и офицеры и казаки.

9-й Донской каз. полкъ, которымъ командовалъ мой однополчанинъ по Атаманскому полку Полковникъ П. И. Грековъ, сидѣлъ на прекрасныхъ Задонскихъ лошадяхъ (онъ комплектовался казаками 1-го Донского Округа — низовыми) былъ великолѣпно обученъ и вымуштрованъ — это былъ лучшій полкъ нашей прекрасной дивизіи. Надо было намъ напречь всѣ силы, чтобы состязаться съ нимъ и отъ него не отстать.

Ген. Кунаковъ провелъ полковые смотры политически и дружески, отцомъ командиромъ. Онъ закрывалъ глаза на ошибки, щедро хвалилъ за хорошее. Онъ умѣлъ отвернуться, когда казакъ промахивался въ рубкѣ и громко выразить свое восхищеніе при удачномъ ударѣ. Приказъ по дивизіи былъ составленъ общій и въ выраженіяхъ туманныхъ. Все и у всѣхъ было одинаково хорошо, всѣ господа офицеры и казаки были вообще молодцами и полки учились прекрасно. У кого отъ такого приказа отлегло на сердцѣ, ну, а кто и обидѣлся немного.

Смотры стрѣльбы прошли весьма хорошо. Мы впервые стрѣляли по новому наставленію, съ перебѣжками, съ заряженными цѣлыми обоймами винтовками. Такъ же хорошо прошла и боевая стрѣльба съ маневрированіемъ всѣмъ полкомъ. Каждый казакъ могъ убѣдиться, какую силу онъ имѣетъ въ винтовкѣ и пулеметѣ.

Въ тотъ малый промежутокъ, который оставался послѣ смотровъ и передъ выступленіемъ на подвижные сборы съ пѣхотой, происходили всевозможныя состязанія

развѣдчиковъ въ развѣдкѣ, призовая стрѣльба, состязанія пѣсельниковъ, даже состязаніе кашеваровъ хотѣли устроить по образцу гвардейскому. Все это очень волновало и меня, и всѣхъ моихъ офицеровъ. Здѣсь такъ часто намъ приходилось уступать первое мѣсто 9-му полку. Тамъ былъ есаулъ Лаврухинъ — участникъ окружной Варшавской скачки — офицеръ спортсменъ и съ нимъ трудно было намъ, еще мало искушеннымъ, состязаться на предстоявшей дивизіонной скачкѣ.

Мы воспользовались тѣмъ, что 9-й и 10-й полки стояли вмѣстѣ и отпраздновали наше назначеніе въ одну бригаду. Мы мечтали даже о томъ, чтобы нашей первой бригадѣ было Высочайше пожаловано наименованіе «Краонской» въ память подвига нашихъ предковъ.

Мы вспоминали о прошлой славѣ, не думая о будущей.

Одинъ военный праздникъ смѣнялся другимъ, одно состязаніе слѣдовало за другимъ, въ гарнизонномъ саду то пѣли, состязаясь хоры пѣсельниковъ, то играли трубачи. Жаркое лѣто было прекрасно. Какъ вдругъ, кажется, числа 12-го іюля, пришло приказаніе полкамъ возвратиться въ мѣста своего постояннаго квартированія.

Тогда вдругъ вспомнили объ убійствѣ эрцъ-герцога австрійскаго, о статьяхъ газетныхъ и заговорили о войнѣ.

27. НАШИ НАСТРОЕНІЯ.

Мы всегда жили внѣ всякой политики.

Въ полковомъ офицерскомъ собраніи выписывали «Русскій Инвалидъ», «Развѣдчикъ», «Вѣстникъ Русской Конницы», «Новое Время», «Русское Слово», «Кіевскую мысль», «Донскія Областныя Вѣдомости» и «Пріазовскій Край». Изъ повременныхъ изданій были: — «Нива», «Иллюстрація», «Военный Сборникъ», «Военно-Историческій сборникъ», «Историческій Вѣстникъ», «Русскій Архивъ» и «Русскій Вѣстникъ».

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» смотрѣли назначенія и производство, другія газеты только просматривали, въ толстыхъ журналахъ была прорѣзана беллетристика — да и ее читали больше офицерскія семьи, чѣмъ сами офицеры. — Некогда было.

Я не ошибусь, если скажу, что никто изъ офицеровъ и чиновниковъ полка, а тѣмъ болѣе казаки, не разбирался, а большинство просто таки не знало, что такое «политическія партіи». Говорить объ этомъ считалось неприличнымъ. Кровавый урокъ революціи 1905 г. прошелъ для насъ безслѣдно. Обыкновенно такой политикой занимались врачи, у насъ старшимъ врачемъ былъ почтенный кол. сов. Бакрыловъ, честнѣйшій труженикъ, тотъ типъ Русскаго врача, который всецѣло отдается своему дѣлу и становится другомъ больныхъ. Такой же труженикъ, чуждый политики, былъ и нашъ ветеринарный врачъ.

Внѣшней политикой интересовались больше, но и въ ней вѣрили не столько газетамъ, сколько — евреямъ.

— Жиды говорятъ, что никакой войны не будетъ.

— Да, откуда они знаютъ?

— Ну вотъ! Имъ изъ Австріи родственники пишутъ, что какіе-то «главные» жиды изъ Америки не хотятъ, чтобы была война.

Мы всѣ очень вѣрили въ миролюбіе Государя Императора и въ силу и мощь Гаагскаго трибунала. Намъ казалось, что съ нашего поколѣнія довольно Японской войны. А потому «Нововременскіе» — Меньшиковскіе и Розановскіе громы принимались благодушно, и имъ не вѣрили.

Въ эти лѣтніе дни было объявлено, что въ собраніи 13-го Донского каз. полка командиръ бригады ген.-маіоръ Константинъ Семеновичъ Поляковъ сдѣлаетъ сообщеніе офицерамъ всего гарнизона — «о Польшѣ».

Сообщенія на разныя, но исключительно, военныя темы, у насъ бывали періодически.

Их делали оф. ген. штаба, или кто нибудь из полков. оф. побойчее, но однач. ком. полка.

Ихъ дѣлали офицеры генеральнаго штаба, или кто нибудь изъ полковыхъ офицеровъ побойчѣе, по назначенію командира полка. Теперь же личность докладчика — бригадный генералъ — и тема невольно обращали на себя вниманіе.

Ген. Поляковъ прекрасно подготовился и говорилъ своимъ бархатнымъ баритономъ увлекательно и красиво. Онъ разсказалъ вкратцѣ исторію Польши, ея отношенія къ Россіи на протяженіи вѣковъ, мечты поляковъ о Польшѣ отъ моря и до моря, онъ говорилъ съ симпатіей и оправданіемъ поляковъ, указывалъ на то, что надо считаться съ чувствами патріотизма великаго народа, намъ родственнаго и братскаго.

Я не могу сказать, читалъ намъ это сообщеніе ген. Поляковъ отъ себя, или тема ему была предписана свыше. Его почти трехъ-часовой докладъ былъ выслушанъ съ глубочайшимъ вниманіемъ и возбудилъ много разговоровъ въ офицерской средѣ..

У насъ никогда не было ненависти къ полякамъ и мы ихъ никогда не обижали, не смотря на то, что поляки всячески старались показать свое пренебреженіе и нелюбовь къ намъ. Я не говорю про «простой» народъ, про крестьянъ, съ которыми отношенія у казаковъ были чисто братскія, но про помѣщиковъ и промышленниковъ, про польскую аристократію. Устраивая охоты въ районѣ расположенія полковъ, они никогда не приглашали на нихъ нашихъ офицеровъ, такъ-же никогда не являлись зрителями на наши состязанія и праздники.

Вскорѣ затѣмъ ген. Поляковъ сдѣлалъ докладъ «о значеніи артиллеріи въ современномъ бою». Онъ доказывалъ, что царицей сраженій является нынѣ артиллерія, что ей принадлежитъ первенствующая роль. Она начинаетъ сраженіе и она-же его заканчиваетъ.

У насъ не было принято оппонировать докладчику на самомъ сообщеніи, да въ силу дисциплины возражать генералу въ присутствіи младшихъ офицеровъ было невозможно, но послѣ доклада, въ частной бесѣдѣ я и командиръ 7-ой Донской батареи полк. М. М. Ивановъ, горячо возражали ген. Полякову, доказывая, что только ударъ живой силы, сопровождающій и завершающій огонь артиллеріи, даетъ побѣду. Одна-же артиллерійская стрѣльба — безполезное занятіе.

Сараевское убійство заставило насъ не надолго насторожиться.

Я помню, какъ моя жена спросила меня:

— Какъ ты думаешь — теперь будетъ война?

Подумавъ, я отвѣтилъ: —

— Да, возможно, что война и будетъ. Теперь все будетъ зависѣть отъ Франціи.

Мы были такъ далеки отъ всего, что какъ то просмотрѣли пріѣздъ въ Петербургъ Французскаго Президента Пуанкарэ. О политическихъ разговорахъ, которые, вѣроятно, велись между Государемъ Императоромъ и Президентомъ тогда въ газетахъ ничего не писали. Мы могли объ этомъ только догадываться. Мои друзья ничего тревожнаго не писали мнѣ изъ Петербурга. Передали, какъ забавную сплетню, стишки, приписанные В. И. Мятлеву: —

... — «Пріѣзжалъ Пуанкарэ,

Ковырялъ ножомъ въ икрѣ»...

что-то въ родѣ этого.

Стояло сухое, знойное лѣто и чего раньше никогда не бывало — высохли болота, окружавшія Замосье. Крестьяне говорили: — «къ войнѣ». Они получили приказъ отъ властей поторопиться съ уборкой хлѣбовъ. Золотыя копны пшеницы, ячменя и ржи стали покрывать желтыя простыни сжатыхъ полей. Мѣстность стала доступной для маневровъ.

28. ЗАТИШЬЕ.

По обычному годовому росписанію у насъ должны были начаться подвижные сборы съ пѣхотой, потомъ обще-кавалерійскій сборъ, который долженъ былъ продлиться до серединѣ сентября, но штабъ округа медлилъ съ присылкой расписанія подвижного сбора и у насъ, послѣ кипучей дѣятельности первой половины лѣта вдругъ образова-

лось пустое мѣсто: — нечѣмъ стало заниматься.

Въ Бутырскомъ пѣхотномъ и 13-мъ Донскомъ каз. полкахъ, занятія прекратились, и солдаты и казаки цѣлыми днями праздно лежали на подоконникахъ раскрытыхъ оконъ, или шатались по дворамъ и по городу.

Я продолжалъ маневры и рѣшеніе задачъ въ полѣ. Въ виду напряженнаго, безпокойнаго состоянія, охватившаго всѣхъ, я старался дѣлать эти маневры возможно интереснѣе, замысловатѣе и поучительнѣе. Я выписалъ изъ Люблина стыкъ старыхъ рельсовъ и шпалы, скрытно установилъ ихъ въ лѣсу, обозначилъ шестами линію воображаемой желѣзной дороги, установилъ двумя сотнями съ пулеметами ея охраненіе, а четыремъ сотнямъ съ командой подрывниковъ была дана задача отвлечь обороняющихся на себя, скрытно подойти къ намѣченому мѣсту, гдѣ будто былъ віадукъ, и взорвать тамъ путь. Когда маневръ разыгрался, я собралъ весь полкъ къ мѣсту взрыва, всѣмъ казакамъ было показано, какъ проводится шнуръ, послѣ чего на глазахъ всего полка былъ произведенъ и самый взрывъ.

Другой разъ я устроилъ ночной маневръ съ прожекторами. Прожектора въ кавалеріи были новинкой, они были только что выданы. Сначала прожектора передавали донесенія блистаніемъ своихъ лампъ, потомъ двѣ сотни заняли въ спѣшенномъ порядкѣ обрывисый берегъ рѣки Лабуньки, имъ были даны прожектора, четыре-же сотни въ конномъ строю должны были скрытно подойти къ другому концу плаца, развернуться тамъ для атаки на пѣхоту и атаковать обрывистый берегъ. Маневръ былъ очень красивый, но обѣ стороны остались недовольны прожекторами. Яркій свѣтъ слѣпилъ атакующихъ и мѣшалъ имъ атаковать, стрѣлки-же жаловались на то, что въ свѣтѣ прожекторовъ всадники мелькали передъ глазами, то появляясь, то исчезая и невозможно было вести цѣльную стрѣльбу. Обѣ стороны признали, что безъ прожекторовъ лучше, но побѣдившей стороной оказалась конница. Ее слишкомъ поздно обнаружили и стрѣльба была неспокойная.

29. МОБИЛИЗАЦІЯ.

Генералъ Кунаковъ каждый день часамъ къ десяти пріѣзжалъ въ штабъ дивизіи со своей дачи въ предмѣстьи Замостья, туда-же приходилъ генералъ Поляковъ. Они съ начальникомъ штаба генеральнаго штаба полковникомъ Бензенгромъ, старшимъ адъютантомъ генеральнаго штаба капитаномъ Липко и причисленнымъ къ генеральному штабу подъесауломъ С. К. Бородинымъ, что-то колдовали въ штабѣ, запершись въ кабинетѣ начальника штаба. Никого къ нимъ въ эти часы не допускали.

17-го іюля, часовъ въ пять вечера меня вызвали въ штабъ.

— Что вы назначили у себя на завтра? — строго спросилъ меня генералъ Кунаковъ.

— Согласно съ полковымъ приказомъ, я дѣлаю завтра всѣмъ полкомъ дневной маневръ въ направленіи Комарова.

— Гмъ. Гмъ... Отмѣните маневръ.

— Ваше Превосходительство, я стараюсь никогда ничего не отмѣнять, потому что это развращаетъ людей и пріучаетъ ихъ оглядываться, не идетъ-ли кто съ отмѣной приказа.

— Гмъ. Гмъ... Можетъ быть вы и правы... Во всякомъ случаѣ, совѣтую вамъ пораньше съ него вернуться.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Можете быть свободны.

Когда я спускался по лѣстницѣ изъ штаба, меня нагналъ генералъ Поляковъ. Онъ взялъ меня за локоть. Онъ былъ видимо чѣмъ-то очень взволнованъ.

— Петръ Николаевичъ, — сказалъ онъ мнѣ, — я знаю, я чувствую, — завтра но-

чью будетъ получена телеграмма о мобилизаціи. Война неизбѣжна.

Я пожалъ плечами.

— Что-же, мы готовы къ войнѣ. Это нашъ долгъ.

— Вы отмѣните, конечно, маневръ?

— Нѣтъ. Но я произведу его на короткѣ. Надо занять людей и въ тоже время не утомлять ихъ.

Я ввелъ въ разосланную сторонамъ задачу дополнительныя данныя, приведшія къ быстрой встрѣчѣ и конной атакѣ.

Около полудня съ музыкой и пѣснями полкъ возвращался въ Замостье. Въ яркомъ блистаніи солнечнаго іюльскаго дня полкъ показался мнѣ особенно прекраснымъ.

Послѣ маневра я занимался текущими дѣлами въ канцеляріи и такъ какъ жизнь во всѣхъ штабахъ повидимому замерла, бумагъ не было, я рано вернулся домой. Вечеръ оказался у меня свободнымъ и я разсказалъ женѣ, что должна она дѣлать, если будетъ объявлена мобилизація. Она должна была, взявъ самое необходимое, что можно было увезти багажомъ, въ день объявленія мобилизаціи, отправиться съ остальными офицерскими семьями на автобусѣ, спеціально для того нанятомъ, въ Травники, а оттуда пробираться въ Москву къ своей сестрѣ. Наша семейная жизнь кончалась — и необъявленная война уже лишала насъ дома. Все наше имущество, квартирная обстановка, все то, что было создано съ такими трудами за 18 лѣтъ нашей жизни, гдѣ каждая мелочь имѣла свою исторію и какъ-бы душу, гдѣ были подарки мнѣ отъ офицеровъ Л. Гв. Атаманскаго полка и 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимоѳеева полка, отъ Офицерской кавалерійской школы, гдѣ были старыя семейныя вещи моихъ отца, дѣда и прадѣда — все бросалось на произволъ судьбы въ Замостьѣ.

Все было разграблено... Не все-ли равно кѣмъ?

Спать я легъ рано и только началъ засыпать, какъ чуткимъ привычнымъ ухомъ услышалъ шаги на лѣстницѣ. Я понялъ все и сталъ одѣваться.

Въ дверь постучали.

— Михаилъ, телеграмма?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе.

При свѣтѣ свѣчи я прочелъ условныя слова.

— «Первымъ часомъ мобилизаціи 23 часа 55 минутъ 18-го іюля».

Я послалъ денщика внизъ къ полковому адъютанту съ приказаніемъ вызвать немедленно въ канцелярію штабъ-офицеровъ и сотенныхъ командировъ и начальниковъ командъ и пошелъ въ полкъ.

Замостье, какъ всегда по ночамъ — спало. Но въ эту ночь въ самомъ снѣ городка чувствовалась нѣкоторая настороженность. Тутъ, тамъ въ высокихъ домахъ за занавѣсями свѣтились окна. По улицамъ бѣгомъ пробѣжалъ казакъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и въ шинели въ накидку. Полковой адъютантъ уже былъ въ канцеляріи. Онъ въ эту ночь не ложился. Большой ясеневый шкапъ съ красной вывѣской «по мобилизаціи», всегда закрытый и вмѣстѣ съ денежнымъ ящикомъ охраняемый часовымъ, былъ раскрытъ настежь и Константинъ Помпеевичъ доставалъ изъ него и клалъ на мой столъ розовые конверты.

— Господинъ полковникъ.... Получена?

— Да.

Очень быстро собрались офицеры. Я роздалъ имъ мобилизаціонные приказы.

— Я надѣюсь, господа, — сказалъ я, — что и теперь, при дѣйствительной мобилизаціи все у насъ пройдетъ такъ-же ровно и гладко, какъ это было при повѣркѣ.

— Постараемся, господинъ полковникъ.

— Временно командующій дивизіей приказалъ предупредить васъ, что война еще не объявлена, но мы должны быть готовы ко всему.

Щелкнули каблуки, звякнули шпоры.

Офицеры разошлись по своимъ мѣстамъ.

Началась мобилизація полка.

Передо мною на столѣ груда бумагъ. Требованія и ассигновки, паспорты членовъ офицерскихъ семействъ, предписанія и рапорты. Все готово, все загодя продумано и написано, — только проставлять числа и годъ и подписывать. Работа чисто механическая.

Висячая надъ столомъ лампа съ желѣзнымъ абажуромъ ярко освѣщаетъ мой простой письменный столъ. Я подписываю и по мѣрѣ готовности передаю бумаги адъютанту. Въ канцеляріи тишина. Писарей почти нѣтъ — они ушли въ обозъ и укладываютъ его.

Точно, минута въ минуту, какъ предусмотрѣно въ планѣ, являются посыльные отъ сотенъ съ кожаными сумками и забираютъ отъ адъютанта готовые конверты.

— На почту... Въ уѣздное казначейство... Господамъ семейнымъ офицерамъ по этому списку... Въ штабъ дивизіи... Уѣздному начальнику.

Въ головѣ нѣтъ мыслей. Какъ ни проста работа — она все таки требуетъ вниманія. На столѣ передъ глазами мои золотые часы — подарокъ мнѣ офицеровъ 3-й сотни Л. Гв. Атаманскаго полка. Надъ ними, на картонкѣ, росписаніе мобилизаціи по минутамъ.

Три часа ночи. По этому росписанію долженъ явиться начальникъ разъѣзда особаго назначенія Хорунжій 4-й сотни Тропинъ. Онъ долженъ былъ получить отъ меня въ запечатанномъ конвертѣ задачу. Въ конвертѣ приказъ скрытно перейдти Австрійскую границу, лѣсами пройдти къ желѣзнодорожнымъ мостамъ у Бѣлжеца и Любича и взорвать ихъ. Но, такъ какъ мобилизація не совпадала съ объявленіемъ войны, въ задачу внесена была поправка — разъѣзду дойдти до границы и стать въ селеніи Звѣринецъ, гдѣ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Тайна разъѣзда была нарушена, внезапность его появленія въ первую ночь пропадала, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый смыслъ посылки разъѣзда терялся. Отмѣна приказанія — всегда вноситъ безпорядокъ. Но разсуждать намъ не приходилось. Мы были только исполнители.

— Хорунжій Тропинъ?

— Его пока нѣтъ, господинъ полковникъ.

— А разъѣздъ?

Писарь, укладывавшій канцелярію, подбѣжалъ къ окну и сказалъ:

— Разъѣздъ стоитъ во дворѣ, ожидаетъ. Хорунжаго тамъ нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ... Не видать...

Я продолжалъ сдавать бумаги. Въ три съ половиной часа ночи явился Тропинъ и доложилъ мнѣ:

— Виноватъ, господинъ полковникъ, меня задержали въ казначействѣ — не могли сразу мнѣ выдать австрійскія кроны и золото.

— У васъ все готово? Подрывной вьюкъ?

— Все готово и исправно, господинъ полковникъ.

— Съ Богомъ. Пакетъ вскроете по выходѣ изъ Замостья, въ лѣсу.

— Слушаюсь, господинъ полковникъ.

Я вышелъ съ Тропинымъ во дворъ. Уже было свѣтло и только дали улицъ тонули въ утреннемъ туманѣ.

Я поздоровался съ разъѣздомъ, но поздравить его съ походомъ и войной не могъ. Войны еще не было и могло вовсе не быть. Мбилизацію всегда и въ любой моментъ можно остановить и отмѣнить, это внесло бы лишь нѣкоторый безпорядокъ и стоило бы Государству нѣкоторой суммы денегъ, напрасно израсходованной.

Мы крѣпко вѣрили въ миролюбіе Государя Императора и могущество Россіи, которая однимъ словомъ, одною угрозою можетъ остановить Австро-Сербскую войну.

Дозорные рысью выскочили за ворота, за ними тронулся разъѣздъ. Я вышелъ на улицу. Пустынно и скучно было начинающееся утро. Шагахъ въ трехстахъ городъ кончался, были поля, подернутыя туманной дымкой. Въ этой дымкѣ скрылся, точно растворился разъѣздъ особаго назначенія.

Работа въ канцеляріи была закончена и я пошелъ по полку.

Въ полковомъ цейхгаузѣ все было уже разобрано и теперь туда сносили казачьи сундуки съ собственными вещами казаковъ. Въ сотняхъ казаки ѣли завтракъ съ мясомъ и пили чай. Посѣдланныя со вьюками лошади стояли во дворахъ. Коноводы держали ихъ. Было половина шестого, пора было подумать и о себѣ.

У меня въ столовой большой красной мѣди «бабушкинъ» самоваръ, — онъ оставался въ Замостьѣ, — пускалъ къ потолку густые клубы пара. Моя жена, одѣтая, чтобы идти на молебенъ, въ городскомъ платьѣ и шляпкѣ, ожидала меня съ чаемъ и горячими булками, только что принесенными изъ булочной. Собака «Мышка», Олонецкая лайка, съ визгомъ радости бросилась мнѣ навстрѣчу. Внизу во дворѣ деньщикъ заканчивалъ укладку моей двуколки, золотистый конь, ходившій у дышла въ коляскѣ моей жены, стоялъ подъ вьюкомъ, «Гризетка» была посѣдлана. Ее и «Одалиску» держалъ вѣстовой Алпатовъ, одѣтый во все новое, какъ на парадъ.

Безъ десяти минутъ въ шесть пришелъ адъютантъ брать знамя.

— Господинъ полковникъ, какъ прикажете, знамя въ чехлѣ?

— Нѣтъ, безъ чехла.

Я пошелъ садиться на лошадь, чтобы встрѣтить знамя. Моя жена провожала меня до двора. Выѣзжая на плацъ, я оглянулся на Замостье. Красиво было оно въ ясныхъ утреннихъ лучахъ. Казалось розовымъ и нарядным. Думалъ-ли я тогда, что уже никогда его больше не увижу?

«Мышка» бѣжала рядомъ съ лошадью. Когда я подъѣзжалъ къ плацу, она оставила меня и пошла стороною. Она знала, когда я при полку, она должна оставаться въ сторонѣ.

Полкъ былъ почти готовъ. Запоздавшая 5-ая сотня, на сѣрыхъ лошадяхъ во взводной колоннѣ рысью въѣзжала въ оставленный ей интервалъ. 13-й полкъ равнялся по 10-му, слышались привычныя поправки и указанія сотенныхъ командировъ и штабъ-офицеровъ. Сзади полковъ становилась 7-ая Донская казачья батарея.

Оба бригадныхъ генерала стояли въ улицѣ, ожидая приноса знаменъ.

30. ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПОХОДЪ.

Новый священникъ, высокій русый латышъ, только что назначенный въ 1-ю Донскую казачью дивизію, въ зеленыхъ съ золотомъ ризахъ, служилъ молебенъ, а потомъ обходилъ полки, окропляя святой водою. Лошади мотали головами, казаки старательно крестились. Сзади шли пѣвчіе: — офицеры, офицерскія жены и казаки и громко пѣли: — «Спаси Го-осподи люди Твоя и благослови достояніе Твое»...

Изъ за полка отъ пулеметной команды и батареи глухо доносилось и дрожало въ теплом воздухѣ: — «побѣ-ѣды благовѣрному Императору Нашему, Николаю Александровичу на сопротивныя даруяй»...

Слова давно знакомой молитвы звучали по новому — значительно...

Въ тѣ времена побѣды и подвигъ не требовали ни словъ ни рѣчей. Смѣшнымъ казалось говорить передъ громаднымъ фронтомъ бригады, стоящей въ глубокой резервной колоннѣ — услышали бы только передніе, да и тѣ не всѣ. Священникъ въ своемъ короткомъ словѣ, почти никѣмъ не услышанномъ, сказалъ все, что нужно, напомнилъ о воинскомъ долгѣ.

Пѣвуче прозвучалъ сигналъ «отбой». Раздались команды. Бригада была готова.

— Съ Богомъ!.. 10-й полкъ въ авангардъ!

Временно командующій дивизіей генералъ Кунаковъ со штабомъ оставался въ Замостьѣ, 10-й полкъ шелъ въ районъ Бархачева, остальные полки дивизіи, кромѣ 9-го, который передавался 7-й кавалерійской дивизіи, сосредоточивались въ районѣ селенія Лабуньска Воля.

Генералъ Кунаковъ пропускалъ мимо себя полки. Полковыя и батарейныя дамы придвинулись къ шоссе и цвѣтною группою стали за Кунаковымъ. Многія дамы плакали.

Головная 1-ая сотня есаула Ханженкова пошла рысью впередъ, беря нужное удаленіе, отъ нея наметомъ поскакали по сжатымъ полямъ походныя заставы, разсыпая отъ себя дозорныхъ. Я сталъ сзади генерала Кунакова. За 3-й сотней потянулась конно-пулеметная команда, за 4-й — 7-я Донская батарея — полкъ растянулся на двѣ версты.

Я обгонялъ его полевымъ галопомъ по-лями. Между яблонь и грушъ, росшихъ по сторонамъ шоссе, мелькали прекрасно одѣтые казаки. Они заняли обѣ обочины и неслышно, по мягкому, поднимались на Лабуньскіе холмы. Головная сотня входила въ лѣсъ. Въ лучахъ поднявшагося надъ Замостьемъ солнца горѣли копья пикъ и далеко было видно сине-серебряное яркое пятно раскрытаго знамени. Знойный вѣтеръ чуть шевелилъ полотнище.

Безъ рѣчей, безъ криковъ ура, безъ пьяныхъ дебошей полкъ быстро удалялся отъ Замостья. Уходилъ въ неизвѣстность, на войну!..

дер. Сантени. Франція.
январь-февраль 1935 г.

Heeresbücherei Berlin.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
ОТЪ АВТОРА	5
1. Счастье командовать полкомъ	6
2. Мое назначеніе командиромъ 10-го Донского казачьяго генерала Луковкина полкомъ	6
3. Въ Петербургѣ	7
4. Къ полку	7
5. Первыя впечатлѣнія	8
6. Замостье	9
7. Расквартированіе полка	11
8. Пріемъ полка	12
9. Первые шипы	14
10. Помощникъ по хозяйственной части Войсковой Старшина Фарафоновъ	16
11. Командиры сотенъ. Бои у Дуба, Ивановице и Чертовчика	19
12. Бой у Дзвоновицъ 16-го ноября 1914-го г.	23
13. Дзвоновице. 18-го ноября 1914-го года	27
14. Бой у Незвиски 1-го марта 1915-го г.	29
15. Есаулъ Захаровъ	32
16. Бой подъ Хмѣльникомъ 22-го октября 1914-го г.	33
17. Полковой адъютантъ К. П. Бочаровъ	35
18. Сближеніе съ казаками полка	36
19. Отношенія съ офицерами	38
20. «Разносъ» командира корпуса	42
21. Подготовка къ столѣтнему юбилею полка	43
22. Прибивка знамени	45
23. Юбилейный парадъ	47
24. Балъ	49
25. Весна и лѣто 1914-го года	51
26. Смотры и ученья	52
27. Наши настроенія	54
28. Затишье	55
29. Мобилизація	56
30. Выступленіе въ походъ	59

ТОГО-ЖЕ АВТОРА

1. **Отъ двуглаваго орла къ красному знамени.** Романъ въ четырехъ томахъ. 3-е исправленное и дополненное изданіе.
2. **Опавшіе листья.** Романъ.
3. **Понять — простить.** Романъ.
4. **Единая недѣлимая.** Романъ.
5. **Бѣлая свитка.** Романъ.
6. «Largo»
7. **Выпашь** } Трилогія
8. **Подвигъ**
9. **Ненависть.** Романъ.
10. **Домой.** Романъ.
11. **За чертополохомъ.** Фантастическій романъ. 2-е изданіе.
12. **Амазонка пустыни.**
13. **Все проходитъ.** Историческая повѣсть.
14. **Съ нами Богъ**
15. **Цесаревна** } Историческіе романы.
16. **Екатерина Великая**
17. **Мантыкъ — охотникъ на львовъ.**
18. **Съ Ермакомъ на Сибирь**

Повѣсти для юношества.

19. **«Терунешь» (Любовь Абиссинки)** и другіе разсказы. 2-е изд.
20. **«Поѣздка на Ай-Петри»** и др. разсказы. 2-е изданіе.
21. **Степь. Восьмидесятый.** Разсказы. 2-е изданіе.
22. **Душа арміи** (Опытъ военной психологіи).
23. **Тихіе подвижники.** Очеркъ.
24. **Казачья самостійность.** Очеркъ.

На англійскомъ языкѣ:

1. From Double Eagle to Red Flag. 4-е изданіе.
2. The Unforgiven (Понять простить).
3. The White Coat.
4. The Black Mass (съ иллюстраціями).
5. «Largo».
6. Kostia the cossack (Все проходитъ).
7. Napoleon of the cossaks (Съ нами Богъ).
8. The Amason of the Desert.
9. Jermak the Conqueror (съ иллюстраціями).

На болгарскомъ языкѣ:

1. Душата на армията.
2. Отъ Двуглавия орелъ къмъ червоното знаме. («Слово», 1933 г.).

На итальянскомъ языкѣ:

1. Dall' Aquila Imperiale alla banderia rossa.
2. Comprendere è perdonare.
3. Unita e indivisibile.
4. Il «Largo» di Haendel.
5. L'Odio.
6. Tutto passa.
7. L'Amazone del Deserto.
8. Mantyk cacciatore di leone (со многими иллюстраціями).

На норвежскомъ языкѣ:

1. Amasonen.

На нѣмецкомъ языкѣ:

1. Vom Zarenadler zur roten Fahne. 4-е изд. илл. фотограф.
2. Fallende Blaetter.
3. Verstehen heisst vergeben.
4. Einig — Unteilbar.
5. Das weisse Kittel.
6. Largo.
7. Kostia der Kosak (Все проходитъ).
8. Eroïca (Съ нами Богъ).
9. Die Zesarewna.
10. Die Amazone der Wildniss.
11. Jenseits der Disteln.
12. In der Mandschurischen Einoede (Русскаго изданія нѣтъ).
13. Der Achtzigste. Die Steppe.

На польскомъ языкѣ:

1. Opadle liscie.
2. Amazonka Azji.

На словенскомъ языкѣ

1. Pri podnozju Bozjega prestola (Амазонка пустыни).

На финскомъ языкѣ:

1. Kaksoikotkasta Punalippuun.

На французскомъ языкѣ:

1. De l'Aigle Impérial au drapeau rouge.
2. Comprendre c'est pardonner.
3. L'Amazone du désert.
4. Mantyk — le chasseur aux lions («Les enfants de France», 1934).

На хорватскомъ языкѣ:

1. Od dvoglava orla do crvena barjaka.

2. Amazonka pustinje.
3. Terunes.

На чешскомъ языкѣ:

1. Od Carckégo orla k rudému praporu (2-е илл. изданіе).
2. Pochopit — odpustit.
3. Bila — Halena.
4. Krvelacny Buh («Largo»).
5. Napoleon a kozaci (Buh je s nàmi). Илл. изданіе.
6. U stupne Boziho trunu (Amazonka pustiny).

На шведскомъ языкѣ:

1. Fran Dubbeloernen till roeda Fanan.
2. Oeknens Amazon.

SK: [illegible] AZ: [illegible]

IMPRIMERIE CROZATIER
9, IMPASSE CROZATIER

11.08.92

H. B. B.
28.5.41